Экстра: Новый Кабалион

Илья Новак

SHOUT
SHARE
IT

- Илья Новак
  - Пролог
  - Часть первая. Возможность сверхъестественного
    - Глава 1
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть вторая. Буйство стихий
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Послесловие.
    - 1. Физика
    - 2. Психология
    - 3. История и религия
    - 4. Футурология
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Илья Новак
Экстра: Новый Кабалион

Плутарх сообщает, что в начале правления императора Тиберия кормчий корабля, огибавшего Греческий архипелаг, проплывая на рассвете в день зимнего солнцестояния мимо одного из островов, услышал, как кто-то с берега зовет его по имени: 'Тамус! Будешь проходить мимо Палодеса, передай, что великий бог Пан умер!' Сперва он испугался и не хотел никому ничего передавать, но когда корабль поравнялся с Палодесом, он выкрикнул именно те слова, которые услышал: 'Пан умер! Великий бог Пан умер!' И в ответ с острова донеслись плач и стенания не одного, но множества голосов, слившихся воедино, словно скорбела сама земля.

Джон Краули. 'Эгипет'

Пролог

В начале эры Водолея прохладным летним полднем к Москве приближались два спецагента японской корпорации «Тебах» и поэт по имени Кубо Такуро. Облаченные в камуфляжные комбинезоны и брезентовые куртки, они медленно шли по редколесью. Места здесь были безлюдные, дикие, до ближайшей трассы — несколько километров. Агентов звали Готугава и Мацудайра; они иногда с непонятным выражением, будто бы выжидающе и в то же время со снисходительным презрением поглядывали на поэта, после чего обменивались короткими репликами. Под куртками у них висели ‘яти-матики’ — не слишком надежные, но компактные и удобные пистолеты-пулеметы финского производства. Кубо Такуро, хоть он и побаивался оружия, всучили пистолет ‘штейер’.

Посвистывали птицы, шелестела на ветру трава, рассеянный свет скрытого за облаками солнца проникал сквозь листву; блеклые пятна теней покрывали мягкую землю, заросли и фигуры, идущие между ними.

Агенты собирались убить человека по имени Тот Джигурти, бывшего гражданина Японии. По национальности он, скорее всего, был грузином, хотя точно этого никто не знал. Спецотделу ‘Тебаха’, состоящему из десятка сотрудников, не часто, но регулярно приходилось выполнять подобные задания. У Готугавы и Мацудайры имелись примерные координаты места, где располагалось тайное имение Джигурти — эти координаты, добытые с великими трудностями, обошлись в сто тысяч евро, стоили жизни двух людей и краха карьеры одного крупного российского чиновника. Из всего отдела отправили лишь двоих: руководство корпорации опасалось, что большая группа людей явно неместной национальности привлечет внимание русских органов правопорядка. Оружием их тоже снабдили по минимуму… зато дали в помощь поэта.

Готугава, старший в отряде, шел первым. В руках он держал сабноутбук с GPS-приставкой и иногда сверял по ней координаты.

Они миновали заболоченный лужок и стали подниматься по склону поросшего деревьями холма.

— Оно должен быть здесь, — тихо произнес Мацудайра. — Почему мы его не видим? Как оно называется, забыл…

— Адоцетин, — ответил Готугава, не поворачивая головы. — И если это поместье тайное, то его и не должно быть видно издалека.

Младший агент возразил:

— Но там же лаборатория. Оборудование, постройки... а подъездная дорога? Ограда, сторожевые вышки?

— Это ведь поместье, а не военная база. Вряд ли там есть сторожевые вышки. Подъездной дороги тоже может не быть, вдруг он только вертолетом пользуется?

— Все равно мы должны что-то заметить, — не сдавался Мацудайра. — 'Тайное'... что значит — тайное? Оно же не невидимое. Этот ученый — богач, мог организовать себе хорошую охрану.

Они посмотрели на поэта — тот шел, полуприкрыв глаза, цепляясь за кочки, словно о чем-то напряженно размышляя.

— Ёси! — повысил голос старший агент. Кубо Такуро, вздрогнув, огляделся и отрицательно качнул головой.

С вершины холма стало видно, что впереди на много километров тянется заросший густыми травами луг. Вдалеке маячили какие-то постройки.

Поэт присел на корточки, Готугава достал бинокль и некоторое время рассматривал окрестности. Мацудайра тем временем обошел вершину.

— Слева и справа холмы, — доложил он, вернувшись. — Что впереди?

— Ферма, — произнес Готугава. — Захудалая совсем.

— А если это камуфляж? — предположил младший агент.

Старший сверился по координатам на сабноутбуке.

— Непохоже. Да и далеко слишком. Поместье должно быть где-то здесь. Может, оно совсем небольшое и спрятано между холмами?

— Но ведь там еще должна быть лаборатория?

— А вдруг она под землей?

Они прошли к восточному краю вершины и поглядели вниз, затем, сделав несколько шагов, очутились возле западного края. С обеих сторон тянулись лесистые холмы, узкие распадки между ними заросли деревьями и кустарником, как и пространство на юге, в той стороне, откуда пришел отряд. А впереди, на северной стороне — луг с фермой. И никаких намеков на то, что где-то здесь находится лаборатория клонирования, спутниковые тарелки, вертолетная площадка...

— Не понимаю, — начал Мацудайра, но старший агент прервал его, показав на поэта.

Тот уже не сидел на корточках — прижав указательные пальцы к вискам, Кубо Такуро медленно поворачивался, при этом чуть покачиваясь, то слегка сгибая ноги, то выпрямляясь, будто в медленном танце.

— Сейчас хайку родит, — хмыкнул Мацудайра. — Эй, Такуро-

сан, а вы не...

— Молчи! — приказал ему Готугава.

Стараясь не издавать ни звука, они приблизились к поэту и услышали, как Такуро пробормотал:

— Музыка... слышите музыку?..

Готугава жестом вновь призвал напарника к молчанию. Агенты замерли посреди вершины, а поэт пошел по кругу, пританцовывая, скользя между деревьями и кустами, будто призрак юрэй . Спутники медленно поворачивались, следя за ним взглядами.

В конце концов он обошел всю вершину, после чего надолго замер. Более нетерпеливый Мацудайра уже начал переминаться с ноги на ногу, когда Кубо Такуро вынырнул из транса. Двигаясь еще заторможено, сонно, он сделал шаг к восточному склону и негромко сказал, показывая вниз:

— Там.

Агенты подошли ближе. Глубокий темный распадок между холмами сплошь зарос деревьями и кустарником.

— Ничего нет, — разочарованно пробормотал Мацудайра, уже приготовившийся увидеть таинственное поместье, которое по какой-то причиной не заметил при первом осмотре.

— Идемте... — сказал поэт.

Он начал спускаться, и агенты переглянулись. Готугава распахнул куртку, положил ладонь на ‘яти-матик’. Расстегнув клапаны кожаных ножен, где находились большие армейские ножи, они двинулись вслед за Такуро.

Мацудайра недоверчиво качал головой. Здесь явно не было никаких построек — и что толку от этих поэтов и музыкантов? Поэзию младший агент никогда не понимал, да и музыка, которую играл Такуро до того, как стал работать на ‘Тебах’, его раздражала.

Они нагнали поэта. Готугава пошел слева от него, пристально глядя вниз. Из распадка поднимался сырой дух прелой листвы; сплошной темно-зеленый ковер скрывал землю. Щебетали птицы, листья шелестели на легком ветру... Поэт сказал — музыка? Старшему агенту казалось, что звуки и впрямь складываются в странную, одновременно и призрачно-неземную, и очень естественную, природную музыку. Самое удивительное, что она включала в себя и те ритмичные звуки, что сопровождали продвижение отряда — шелест и тихое поскрипывание стали подобием приглушенного барабанного рокота, задающего ритм всей мелодии.

Готугава вдруг понял, что музыка звучала и раньше, уже когда они стали подниматься на холм, вот только агент не

осознавал этого. Она накатывала медленными ленивыми волнами: прилив — щебет и шелест становятся громче, отлив — они почти стихают. Каждый раз рассудок агента, а вслед за ним и все тело словно погружались в теплое парное молоко.

Отряд достиг густой тени, стало прохладнее. Солнце скрывалось за облаками, но странная мелодия окутывала Готугаву пеленой ясного теплого света. Она успокаивала, направляла течение мыслей в меланхолично-философское русло. Агент поморгал, пытаясь отогнать сонливость. Им приказали не медлить, но четких сроков для выполнения задания не определили. Спешить ни к чему, можно лечь под деревом, ногами вниз, к распадку, а головой к пасмурному небу, и подремать в тишине редколесья...

— Это оно, — пробормотал старший агент, наконец поняв.

Мацудайра, который стоял, привалившись плечом к стволу и закрыв глаза, спросил, зевая:

— Что?

— Защитное поле Аполлона. — Готугава потянулся к нагрудному карману. — Быстро... Включите запись...

Кубо Такуро уже сидел посреди кустов и вяло выцарапывал из кармана наушники.

Готугава, прилагая неимоверные усилия, будто выжимая стокилограммовую штангу одной рукой, наконец смог поднять скрепленные тонкой дугой серебристые воронки. Плеер висел на ремне, диск в него был вставлен заранее. Глаза агента закатились, холм и деревья поплыли к небу, но, мягко заваливаясь на землю, он успел прижать ладонь к кнопке, и в ушах загрохотали гитары рок-группы ‘Glay’.

Наваждение исчезло. Несколько секунд Готугава сидел на корточках, слушая резкие, неприятные звуки инструментов и голос певца, затем раскрыл глаза и выпрямился. Морщась, поглядел на Моцудайру, на поэта — они тоже успели надеть наушники.

Все трое уставились вниз, где ветви деревьев расступились и среди крон возникли очертания построек. Узкий темный распадок стал просторней, да и тени почти исчезли. Между деревьями тянулась высокая бетонная ограда, за ней виднелись крыши. Слышалось блеянье, шум мотора, приглушенные голоса. К внешней стороне ограды в разных местах прилипли заросшие бархатистым сиреневым мхом выпуклые наросты — излучатели поля.

— Молодец, Такуро-сан, — прошептал Мацудайра. — Не зря тебя с собой взяли. Рок-группа эта твоя была дрянная, конечно, но без нее... Мы бы сами в жизни не заметили, или мимо прошли,

или заснули бы здесь.

После того, как мозг осознал наличие поместья в реальном пространстве, защитное поле перестало действовать. Через минуту, убедившись, что ограда и крыши пропадать больше не собираются, они выключили плеера и сняли наушники.

— Что-то у него охрана совсем слабая, — говорил Мацудайра некоторое время спустя, когда они уже сидели на вершине ограды. — И сигнализации нет.

— Он ученый, не военный, — отвечал Готугава. — Да и надеялся на поле это свое.

В центре поместья возвышалось двухэтажное здание с большой застекленной верандой и покатой крышей, утыканной антеннами и спутниковыми тарелками разной величины. На дверях черной краской было нарисовано что-то вроде:

Вокруг стояло несколько построек поменьше, к распахнутым воротам одной из них два человека гнали стадо баранов. Одетые в одинаковые комбинезоны, люди эти показались Готугаве странноватыми, хотя в чем именно состоит необычность, он понять не смог. Между хозяйственными постройками и домом, где наверняка и обитал хозяин поместья, тянулись оранжевые дорожки. Камень стен имел ярко-желтый цвет, слева и справа возвышались столбы явно фаллической формы — и почему-то все это вместе напомнило Мацудайре изображения с открыток, которые его жена недавно привезла из Египта.

— Такуро-сан, вы пистолет достаньте, но вперед не лезьте, — произнес Готугава, снимая с плеча ‘яти-матик’. — Теперь мы сами.

* * *

Тот Джигурти не ведал о приближении убийц, посланных его бывшими работодателями, но понимал, что конец близок. Он знал: ‘Тебах’ не забудет о нем. И потому не удивился, услышав автоматную очередь.

Джигурти сидел в кресле со стаканом воды в руках. Когда вслед за очередью зазвучали одиночные выстрелы охраны, хозяин поместья чиркнул спичкой, подождал, чтобы огонек разгорелся, и опустил ее в воду. Спичка зашипела, поднялся белый дымок. Тот провел пальцами по полу, скатал собранную пыль в комок и бросил следом за спичкой — чистую поверхность затянул темный налет. Джигурти набрал полную грудь воздуха и сильно подул на воду. После этого осушил стакан до дна, громко сглатывая. По

мере того, как жидкость попадала в желудок, зрачки Тота расширялись, спина выгибалась. Он бросил стакан, вцепившись в подлокотники, приподнялся, выгнулся всем телом. Глаза его выпучились, потекли слезы.

— Ё! Вай! Ю! Ху! — выдохнул Джигурти, будто пытаясь справиться с чем-то, распирающим грудь, и повалился в кресло.

Спустя несколько секунд напряжение оставило его, Тот встал.

Он находился на втором этаже дома, в гостиной. К выстрелам добавились крики и блеянье. Тот выглянул в окно — охрана залегла возле дверей, у беседки и под воротами большого сарая, где держали баранов. Нападавших он не разглядел, но ближе к ограде увидел трупы нескольких слуг.

Тоту было наплевать. Он успел сделать все, что хотел, группа создана, теперь надо справиться с противником, которого он сам же и породил, одновременно продолжая развивать основную линию... Единственное, что вызывало любопытство — как нападающие смогли преодолеть защитное аполлоническое поле, генерируемое излучателями Джигурти? Значит, после разрыва с ‘Тебахом’, другие, пусть и менее талантливые ученые продолжили его дело.

Хозяин поместья разглядел фигуру в камуфляже, которая пробежала от ограды к сараю и тут же исчезла из вида. Равнодушно отвернувшись от окна, он прошел в соседнюю комнату. После того, как построили дом, кроме Тота в ней не побывала ни одна живая душа.

Мебели здесь не было, прямо на полу стоял большой монитор, ближе к стене возвышался усеянный датчиками сканер души — металлическая люлька длинной в человеческий рост, соединенная путаницей проводов с системным блоком компьютера. Коробка блока состояла из деревянных планок, покрытых золотыми пластинами так, чтобы оставались щели. По бокам торчали четыре золотых кольца, на крышке поблескивала пара отлитых из драгоценного металла фигурок.

Этот компьютер не выключался на протяжении уже многих месяцев. Через кабель он был соединен с тарелкой на крыше. Джигурти инициировал сканер, лег в него и некоторое время лежал неподвижно, позабыв про окружающее, позволяя прибору считывать и копировать данные. Большую часть процедуры он проделал за последние дни, теперь осталось завершить процесс.

В тот момент, когда считывание завершилось, автоматная очередь прозвучала внизу, на первом этаже.

Тот встал из принтера и подошел к системного блоку. Сквозь щели между золотыми пластинами доносилось тихое потрескивание винчестера. Джигурти поднял с пола тонкий

железный наконечник, насаженный на обломок древка. Закрыв глаза, отвел в сторону руку. За дверями прозвучали быстрые шаги, и Джигурти нанес удар.

Кубо Такуро охрана поместья убила в первую же минуту. Раненый Мацудайра отстреливался, не подпуская слуг Джигурти к дверям дома, куда смогли прорваться агенты. Готугава, на ходу перезаряжая ‘яти-матик’, взбежал на второй этаж, быстрым взглядом окинул просторное помещение, увидел стол, кресло, перевернутый стакан на полу, еще одну дверь — и метнулся к ней.

Он услышал треск и шипение. Плечом распахнув дверь, агент ввалился в следующую комнату. Мгновение перед его глазами стояла картина: худой темнобородый мужчина в голубых джинсах и распахнутой белой рубахе, откинув голову назад, замер над золотым параллелепипедом. Из бока мужчины летят розовые капли. Слишком светлые для крови, слишком темные для воды.

Агент прицелился, а бьющий из раны розовый фонтан залил системный блок компьютера. Посыпались искры. Между двумя золотыми фигурками, украшавшими крышку, проскочила молния. Опустившийся на одно колено Готугава начал стрелять. В ‘яти-матике’ затвор перемещается не вдоль ствола, но под небольшим углом, из-за этого оружие не уводит вверх, что хорошо сказывается на кучности выстрелов. Пули 9-ти миллиметрового калибра впились в спину мужчины.

Молния исчезла; фигурки налились сиянием, соединились жгутом, свитым из зигзагов энергии. Мужчина начал падать лицом вперед, и тут сразу несколько молний устремилось к нему. Вспышка огня заставила агента зажмуриться, — а когда он открыл глаза, темнобородого уже не было, лишь пепел усеивал пол, да в воздухе покачивались, медленно оседая, крупные черные хлопья. Агент повернулся к дверям с пистолетом-пулеметом наизготовку. С лестницы донесся топот ног. Или лап? Готугава так и не смог понять, что за создания охраняют тайное поместье Тота Джигурти.

СООБЩЕНИЕ
ПРИНЦИП: без принципа
ОТТЕНОК: нейтральный
ПУТЬ: от: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен) / к: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)
ТЕМА: сгусток

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сгусток

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: в Малой Сети экспериментального домена обнаружен блуждающий сгусток психической энергии, который перемещается между программными компонентами серверных хостов. Большая Сеть пытается локализовать сгусток и определить его сущность.

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен).

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: без принципа

ОТТЕНОК: нейтральный

ПУТЬ: от: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен) / к: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

ТЕМА: новости

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сгусток / хосты

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: блуждающий сгусток, обнаруженный декаду назад в Малой Сети экспериментального домена, прекратил перемещаться. Теперешняя локализация сгустка и его сущность уточняются.

В отдельных хостах экспериментальной (Малой) Сети наблюдается отторжение программных компонентов от аппаратной основы. Все поврежденные хосты имеют игровую специфику. Большая Сеть встревожена.

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен).

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

Часть первая. Возможность сверхъестественного

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: экспериментальный домен

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: безусловное в абсолютном исчислении Большой Сети

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЗИЦИИ: внезапный вызов / эхо пророчества / солнечный удар / африканский яд / ночь нежна

СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ: быстрая смена событий

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО: СКОРОСТЬ

Глава 1

На крутом повороте ярко-красный джип с тонированными стеклами ударился о низкое ограждение и перевернулся. За краем трассы начинался отвесный склон. И его, и землю внизу с дороги разглядеть было невозможно, лишь вдалеке виднелась полоска рельс, по которым медленно ехал электровоз. Когда джип, ревя мотором, перелетел через ограждение и достиг границы, где начиналось скрытое от глаз пространство, все вдруг застыло. Облака и солнце, склоны, кусты и деревья — весь ландшафт замер. Автомобиль повис, задрав колеса к небу. Прозвучало тренканье дверного звонка. Егор ударил по ‘эскейпу’ и повернул кресло.

Глючная игрушка! — он выкатился из комнаты в полутемный коридор. Текстуры машин хорошо прорисованы, как и ландшафт, но стоит выйти за незримые пределы, назначенные художниками и программистами, как начинаются баги . Или все зависает, или уж совсем какая-то ерунда таинственная — машина проваливается под землю и падает сквозь темно-коричнево слои, причем круглый спидометр в правом нижнем углу показывает бесконечное увеличение скорости, вплоть до сверхсветовой.

Подкатившись к входной двери, Егор посмотрел в глазок, специально сделанный очень низко, и увидел парня в зеленом комбинезоне и зеленой кепке. С большой коробкой в руках.

Егор открыл дверь и откатился в сторону, позволяя курьеру войти.

— Служба доставки «Русский Вирт»... — начал тот, дежурно улыбаясь, но хозяин квартиры нетерпеливо перебил его:

— Да-да. Это ко мне, все правильно.

Оба ненадолго замолчали — и одновременно узнали друг друга.

— Клюшка?

— Адама, это ты...

Бывший одноклассник Егора Адамова смолк, пялясь на инвалидное кресло. Удивление на его лице сменилось смущением, потом он отвел взгляд.

— Ладно, чего застыл? Входи, — сказал хозяин грубее, чем хотел, и покатил обратно. В квартире стояла тишина, дядя с тетей, у которых Егор жил последние полтора года, улетели на выставку в Токио. Радио он давно не включал, телевизор тоже, даже в Сеть уже несколько дней как не залазил.

Костя Клюшкин пошел следом, разглядывая кресло на колесах, ободья которых Егор вращал обеими руками.

— Я ведь видел твое имя в адресе, но не сообразил, что это ты, Адама, — произнес он. — Ты ж раньше в другом районе жил?

Старое школьное прозвище, которое одноклассники еще и вечно перекручивали так, что оно становилось ‘девчачьим’, всегда раздражало Егора. Несмотря на это он с каким-то мазохистским постоянством использовал в Сети такой же ник — Adama — хотя приходилось то и дело уточнять, что на самом деле он мальчик, а не девочка.

В комнате стоял диван, стол с монитором, где застыло изображение перевернутого красного джипа, шкаф с книгами, видеодвойка и музыкальный центр. Возле монитора — две массивные колонки, руль с педалями и большая пирамида дисков. Аппаратура дорогая, сразу видно, что не с радиорынка, а из фирменных магазинов. Костя прикинул цену содержимого коробки, которую держал в руках, и только теперь осознал, что это именно бывший одноклассник стал первым покупателем ‘хай-тех оболочки’, пока не поступившей в широкую продажу.

— Ту квартиру мы продали, — сказал Егор. — Я теперь с тетей и дядей, но они уехали как раз.

— А... — начал Костя и прикусил язык. Он хотел спросить о родителях Адамова, но в последний момент что-то остановила его. Мучительная пауза затягивалась, и Костя брякнул первое, что пришло в голову:

— Ты слышал, ‘Супер-гонки’ этой ночью рухнули?

‘Супер-гонки’ были сетевым гоночным симулятором с огромными локациями. Впрочем, Егор в них никогда не играл.

— Нет, — сказал он. — Я сейчас вроде как отрезан от окружающего мира. Ну то есть я сам себя отрезал. Ничего не вижу, ничего не слышу...

— Там что-то странное произошло. Я с утра из офиса сразу к тебе поехал, всего не знаю, но...

— Ладно, давай, показывай! — перебил Егор.

Костя вспомнил наконец, зачем пришел, и, соорудив на лице широкую бессмысленную улыбку, заговорил приподнятым голосом:

— Служба доставки ‘Руссовирт’ приветствует вас! Мы работаем для... — и смолк, увидев насмешливую гримасу хозяина.

— Брось, Клюшка. Я у ‘Руссовирта’ уже перчатки заказывал, и руль, и все это слышал. Ты недавно у них работаешь?

— Ага. Это моя первая доставка.

— И тебе сразу доверили ‘оболочку’?

— Понимаешь, Адама, — курьер доверительно склонился к Егору. — Я туда по знакомству устроился.

— Понятно. Конечно, в ‘Руссовирт’ с улицы не попадешь, даже курьером. Открой, я посмотреть хочу.

На стене возле стола висело несколько картинок, кажется, распечатанные на цветном принтере скрины. На каждой изображен красный джип: взрывающийся, или перевернутый, или тонущий в воде… Несколько секунд Костя рассматривал их, затем моргнул, положил коробку на диван и раскрыл. Они заглянули внутрь. В коробке лежал черный сферический шлем, аккуратно сложенная оболочка из материи, пронизанной серебристыми нитями, несколько дисков, провода и мануал.

— ‘Оболочка ‘экзоскелет’… — прочитал Егор. — Почему это назвали оболочкой?

— А как?

— Старые версии называли просто костюмами.

— Они дают понять, что это костюм нового поколения. ‘Оболочка’ круче звучит. Значит так… — Костя выпрямился, опять вспоминая свою роль. — Я теперь должен тебе инструкцию прочитать. Вообще-то это новая супер-модель, они пока официально не продаются, ты первый… Короче, корпорация ‘Тебах’ уверила ‘Руссовирт’, что модель апробирована и прошла все нужные испытания, но некоторые сбои, возможные в новейшем игровом хай-тех оборудовании…

— Знаю, знаю! Думаешь, я перед, как такую дорогую штуку покупать, не проверил, что к чему? У нас тут выделенка, так что я уже кучу мегабайтов про этот ‘экзоскелет’ скачал. Вот, держи деньги…

Косте становилось неловко всякий раз, когда Егор перемещался по комнате. Пока он сидел неподвижно, казалось, что с Адамой все в порядке — ну, сидит парень в кресле, ну, кресло прикольное, на колесах — ну так что? Но как только он начинал крутить колеса, и кресло трогалось с места, сразу становилось видно: бывший одноклассник теперь калека, ноги парализованы… нет, не совсем. Когда Адама доставал из ящика деньги, Клюшка заметил, что правое колено шевельнулось.

Тут гость обнаружил, что Егор в упор смотрит на него. И, наверное, знает, что за мысли сейчас бродят в Костиной голове.

— Ты… — начал курьер, но Адама перебил его:

— Гадаешь, что произошло? Мы в аварию попали. У нас зеленая ‘шкода’ была, помнишь? Мать за рулем, отец рядом, я сзади. Ехали вдоль узкоколейки, сбоку вылетел… — он шумно вздохнул и ткнул пальцем в ярко-красный джип на мониторе. — Точно такой же. Нас всмятку. Мать сразу умерла, мне придавило нижнюю часть тела, а отца выбросило наружу. На несколько метров, удар очень сильный был. А там как раз электровоз

проезжал. Отец упал ногами на рельсы, и ему... отрезало, в общем. А джипу — ни фига. Там рама цельная, ‘шкоду’ пробило как тараном, а она только погнулась немного. Водитель крутой оказался, бизнесмен, адвокат поговорил с кем надо, денег дал — его даже не посадили!

Последние слова Егор почти выкрикнул. Костя переминался с ноги на ногу и не знал, куда деть глаза. Он готов был сквозь пол провалиться.

— Родительскую квартиру мы продали, — Адама швырнул на диван пачку денег. — Я институт бросил, зато выучился на программиста. Прямо тут и работаю, неплохо зарабатываю. Разные программки коммерческие клепаю. Тетя с дядей дизайнеры модные. Денег хватает. А мне что делать? Вот, в эту игрушку играю... Проверь, там две тысячи двести.

Костя пересчитал купюры.

— Здесь две тысячи двести пятьдесят.

— Полтинник тебе за доставку.

— Но... это слишком... — Костя замялся. По инструкции ‘Руссовирта’ он еще много чего должен был рассказать покупателю и даже проследить, чтобы тот в первый раз правильно надел ‘экзоскелет’ и подключился...

— Оболочка ‘экзоскелет’ корпорации ‘Тебах’, единственным дистрибьютором которой в нашей стране является компания ‘Русский Вирт’, — забубнил он вызубренный текст, — это образец новейшего игрового оборудования. В шлем вмонтирован винчестер на двести сорок гигабайт, где инсталлирована синглверсия игры под названием ‘Кабалион’, специально созданной для этого проекта корпорацией ‘Тебах’ с использованием новейшего алгоритма вероятностей WASP-7...

— Прекрати! — перебил Адама. — Говорю тебе, я это все читал. Сам костюм стоит тысячу восемьсот, еще четыреста — за игрушку, такая она крутая. Запускается сразу после инсталляции в ‘Тебахе’, каждая копия игрушки на каждом винте развивается по-своему, пользователь попадает в уже готовый мир... Это все реклама, а их алгоритм вероятностей — на самом деле просто генератор случайных чисел, только мощный, навороченный очень. Все, иди, Клюшка.

— Там перевод на русский, но пока плохо отредактированный. И еще не рекомендуется ставить игры без сертификата. И еще мне по технике безопасности тебе надо рассказать...

— Не надо. Иди.

— Ну... хорошо.

Сутулясь, он вышел в коридор. Такого смущения, даже

стыда — хотя он-то в чем виноват? — Костя не испытывал еще ни разу в жизни. Адама отпер входную дверь, и только шагнув наружу, Клюшка с пунцовым лицом выпалил:

— Но там же обратная связь! Надо хоть немного напрягать мышцы, ‘экзоскелет’ преобразует сокращения в электронные импульсы и соответственно двигает картинку. Как же ты будешь ходить в играх?

Дверь захлопнулась. Только спускаясь в лифте Константин Клюшкин вспомнил, что не дал покупателю расписаться в квитанции, но вернуться... нет, это было выше его сил.

Джип пламенел на мониторе. Игра называлась просто — ‘Скорость’. В эту незатейливую аркадную гонку с облегченной физикой выродилась когда-то знаменитая ‘Нидфорспид’. Егор потянулся к коробке с оболочкой, вспоминая то, что успел прочесть о ней. Вместе с ‘экзоскелетом’ производитель обещал предоставить пользователям action/RPG, ‘супер-нелинейную ролевую игру’, как говорила реклама. С недавних пор ее сетевой вариант появился на десятке игровых серверов, то есть пользователь мог играть как в ‘пространстве’ своего винчестера, так и выйти в Интернет. На поставляемом вместе с оболочкой винчестере было еще программное обеспечение ‘экзоскелета’ и куча гигабайт пустого места, куда инсталлировались другие игры.

‘Скорость’ можно было загрузить прямо на винчестер в шлеме, что Адама и сделал. Пока длилась инсталляция, он стал натягивать оболочку. Ткань, пронизанная паутиной металлизированных нитей, оказалась тяжелой и шершавой на ощупь. Он подсоединил к шлему провод сетевой выделенки, натянул перчатки и специальные чешки.

Черное забрало шлема откидывалось, внутреннюю поверхность покрывала серебристая паутинка для мониторинга мозговой активности. Мерцали два круга из мутно-белого кристаллического вещества. Когда шлем надет на голову и забрало опущено, кристаллы приходятся на глаза, почти касаются глазных яблок, чтобы реагировать на движения зрачков.

Он перелез из кресла на диван, лег и надел шлем. Тот соединялся с оболочкой семью штекерами, сбоку были отверстия с узкими решетками. Вентилятор и мини-кондиционер, способный нагревать и охлаждать воздух, работали от мощного аккумулятора.

Когда Адама надел шлем, стало темно, доносящиеся с улицы звуки и тихое гудение кулеров его компа смолкли. Егор лег поудобнее и вдавил клавишу с наружной стороны шлема, после чего, вытянув руки и ноги, расслабился.

Тихое жужжание (заработал кондиционер), потрескивание винчестера где-то у затылка... По всей своей поверхности оболочка напряглась, прилипла к телу и неприятно сдавила его. В темноте перед глазами пробежал столбик цифр и значков, словно движущаяся сверху вниз синяя ДОСовская таблица — 'экзоскелет' настраивался.

Затем таблица исчезла, и возникло звездное небо.

ВВОДНЫЙ ТЕСТ — белые буквы появились среди россыпи звезд. — ПРИВЕТСТВИЯ! Я — ТВОЯ ОБОЛОЧКА. СЕЙЧАС Я БУДУ НАЗЫВАТЬ ЧАСТИ ТВОЕГО ТЕЛА. ТЕБЕ СЛЕДУЕТ НАПРЯГАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МУСКУЛЫ. НЕ ДВИГАЙСЯ! ДОСТАТОЧНО НЕБОЛЬШОГО НАПРЯЖЕНИЯ МЫШЦ, И Я РАСПОЗНАЮ СИГНАЛ. ГОТОВ?

Последнее слово помигало, затем сменилось на:

ПАЛЬЦЫ ПРАВОЙ РУКИ...

Адама чуть шевельнул ими.

ИЗЛИШНЕ! ИЗЛИШНЕ! — просигналила оболочка. — ПОВТОР. ПАЛЬЦЫ ПРАВОЙ РУКИ.

Теперь он не стал двигать пальцами, а скорее обозначил движение, подумал о нем — так явственно, будто произнес вслух: я двигаю пальцами правой руки...

ПРИНЯТО. ПРАВОЕ ЗАПЯСТЬЕ... БИЦЕПС ПРАВОЙ РУКИ... ПРАВОЕ ПЛЕЧО...

По мере того, как он выполнял команды, оболочка в соответствующих местах шевелилась, сначала прилипала к коже, затем словно исчезала — когда настройка происходила правильно, Адама переставал ощущать 'экзоскелет'.

За правой рукой последовала левая, затем: ДВИЖЕНИЕ ШЕЕЙ ВЛЕВО-ВПРАВО... ВПЕРЕД-НАЗАД...

Спустя минуту начались неприятности. С ягодицами все прошло нормально, а вот ноги... Буквы встревожено замигали, когда после третьей просьбы 'НАПРЯЧЬ ИКРУ ЛЕВОЙ НОГИ' оболочка не уловила движения мышц.

ВЕРОЯТНОСТЬ СБОЯ! — объявила она.

Егор сжал зубы. Он воочию представил себе как напрягаются мышцы под кожей, как нога шевелится... он даже почувствовал, что она и вправду шевельнулась...

НАПРЯГИ ИКРУ ПРАВОЙ НОГИ, — удовлетворенно попросила оболочка.

Потом звездное небо исчезло, перед глазами возник желтый треугольник, слева от него синий квадрат, а справа — красный круг.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕСТ. ПЕРЕДАЧА ИГРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

ОСНОВАНА НА МЕТОДЕ ИНТРОСКОПИИ — НАБЛЮДЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ПРОЦЕССОВ ВНУТРИ ОПТИЧЕСКИ НЕПРОЗРАЧНЫХ СРЕД. СМОТРИ НА ТРЕУГОЛЬНИК. ЕСЛИ ОН ЖЕЛТОГО ЦВЕТА — ПЕРЕВЕДИ ВЗГЛЯД НА КВАДРАТ… ЗАКРОЙ ЛЕВЫЙ ГЛАЗ… ЗАКРОЙ ПРАВЫЙ ГЛАЗ… ПРОВЕРКА СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕМНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ.

Круг стал шаром, квадрат завращался и вытянулся, превратившись в ромб, треугольник принял вид пирамиды.

СЛУХОВОЙ ТЕСТ… СЛЫШИШЬ ЛИ ТЫ ШУМ МОРСКОГО ПРИБОЯ? ЕСЛИ ДА — СКАЖИ ‘ДА’…

— Да, — произнес он отчетливо.

СКАЖИ ‘НЕТ’…

— Нет.

ТВОЕ ИМЯ?

— Адама, — ответил Егор после секундной паузы.

ВНЯТНО ВЫГОВАРИВАЯ СЛОВА, ПРОИЗНЕСИ: Я, АДАМА, ОЗНАКОМЛЕН С ПРАВИЛАМИ БЕЗОПАСНОСТИ, РАЗРАБОТАННЫМИ КОРПОРАЦИЕЙ ‘ТЕБАХ’ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОБОЛОЧКИ ‘ЭКЗОСКЕЛЕТ’.

Адама произнес это.

Пауза, шелест и щелчок — словно его слова были записаны и переданы куда-то по подключенному к шлему сетевому проводу.

— МОНИТОРИНГ РИТМОВ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ДРУГИХ ПАРАМЕТРОВ. НИЧЕГО НЕ ПРЕДПРИНИМАЙ. ТЕСТ БЕЗОПАСЕН.

Возникло совсем легкое, щекочущее покалывание в затылке. Медленно сместилось к вискам. Перед глазами стремительно пробежали слова:

РЕЦЕПТИВНЫЕ ПОЛЯ… БАЗАЛЬНЫЕ ЯДРА… ЗАТЫЛОЧНАЯ ДОЛЯ… ТАЛАМУС… КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ…

Словно перышком провели по темени. Адама лежал неподвижно — вернее, висел, потому что теперь он не ощущал дивана под собой.

ВВОДНЫЙ ТЕСТ ПРОЙДЕН.

И затем — без всякого перерыва — чернота сменилась буйством красок.

Из-за ярко-оранжевого горизонта всплыли гигантские буквы:

Т Е В А Н

Их сопровождала бравурная электронная музыка. Буквы исчезли, их место заняли другие:

P R E S E N T S

Потом, уже на русском:

ЭКЗОСКЕЛЕТ:
ОБОЛОЧКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Последние три слова медленно растворились в сияющем небе, а ‘ЭКЗОСКЕЛЕТ’ повис, мерцая изумрудными искрами.

От горизонта поднялась световая колонна, на капители которой было написано:

QABALION

Та самая эрпэгэшка, офлайн-вариант которой инсталлирован ‘Тебахом’ на винчестер. Далеко слева, где пространство темнело, из оранжевого становилось бледно-желтым, стоял целый лес колонн поменьше — все пустые, ждущие своего exe-файла, кроме одной, на которой светилось: SPEED.

Там его ждал красный джип — и Адама потянулся к колонне с гоночной аркадой.

Оранжевое небо тревожно мигнуло, возникло предупреждение:

ДАННАЯ ИГРА НЕ РАЗРАБАТЫВАЛАСЬ НЕПОСРЕДСТВЕННО ДЛЯ ОБОЛОЧЕК НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. ВОЗМОЖНЫ СБОИ. КОРПОРАЦИЯ ‘ТЕБАХ’ РЕКОМЕНДУЕТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОДНОЙ ИЗ ИГР, ПРОШЕДШИХ СЕРТИФИКАЦИЮ.

— Наплевать, — вслух произнес Егор.

На самом деле она называлась ‘симулятором аварий», потому что, в отличие от большинства других гонок, здесь главным было не просто прийти первым, а уничтожить соперников. За выигрыш давались деньги на покупку новых машин или усовершенствования старых, а за столкновения и повреждения соперников — бонусы, которые обменивались на оружие.

Заставка и меню не изменились, разве что стали объемными, как и вступительный ролик. Теперь все происходило не на мониторе перед Адамой, а вокруг него: сталкивались и взрывались машины, сигналили полицейские, летели ракеты... И на заставке и в ролике центральное место занимал тот самый красный джип. Именно потому Адама уже долгое время играл в ‘Скорость’.

Зазвучал рэп. Егор взял из гаража зеленую ‘шкоду’. На его счету накопилось такое количество денег, что он мог купить любой автомобиль в парке, предоставляемом игрой, но Адама тратил их только на усовершенствование зеленой ‘шкоды’.

УРОВЕНЬ

Он выбрал самый сложный.

ОПЦИИ… ТРАФИК… ПРОФИЛЬ ИГРОКА… КОЛИЧЕСТВО СОПЕРНИКОВ…

Шесть — ввел он.

ТРАСЫ.

Для начала он выбрал морское побережье.

По темени опять словно провели перышком, в затылке легко защекотало, и перед глазами возникла бетонная площадка с автомобилями, вид сверху. Зависнув примерно в двух десятках метрах над ней, Адама увидел толпу машущих флажками зрителей, кусты по периметру и начало широкой земляной дороги.

Здесь были два ‘мерседеса’, ‘сааб’, старенький ‘форд’, ‘шевроле’ и, вот он, враг — красный корейский джип с круглыми фарами, словно выкаченными в приступе ярости глазами.

Рэп зазвучал громче, Адама провалился сквозь крышу машины и упал в водительское сидение. Оболочка напряглась на заду, имитируя прикосновение к нему, под пальцами Адама ощутил шероховатый руль, под ступней — педаль.

Из рулевой дуги торчал джойстик для управления оружием. Кроме пулемета в распоряжении Егора имелись мины, дымовые шашки и ракетница. Впереди бородатый мужичок с застывшей рожей — анимация явно не была сильным местом аркады — махнул флажком.

Взревели двигатели. Прямо в воздухе разноцветные красные лоскуты стремительно сложились в надпись СТАРТ и взорвались вспышкой света. Машины соперников рванулись вперед и, опомнившись, Адама тоже стартовал.

Он знал эту трассу вдоль и поперек. Холм, бензозаправка, объезд вокруг пляжа нудистов…

У каждой марки автомобиля была своя специфика, словно в них всегда сидел какой-то определенный водитель со своим характером. Например, ‘форд’, хоть и обзавелся пулеметом, вел себя тише всех, никогда не пытался бортануть и очень редко стрелял, а попадал еще реже. Оба ‘мерседеса’ тупо таранили противников, вынося их с трасс и зачастую вылетая в кювет следом, а вот ‘шевроле’ с ‘саабом’ действовали хитрее.

Но самым агрессивным был красный джип — и почему-то Адама не удивлялся этому.

‘Форд’ давно отстал, ‘мерседесы’ тоже, впереди теперь неслись три машины. Начался пляж, желтое облако песка поднялось к небу.

Песчаная коса, изгиб... почти поравнявшись с ‘шевроле’, Адама крутанул руль и ударил соперника бортом. ‘Шевроле’ бросило в сторону, взвился фонтан воды, машина встала. Егор еще успел увидеть возникший над ней в воздухе жирный красный крест, но тут же забыл об этом. Джип и ‘сааб’ неслись рядом, чуть впереди, и Егор понял, что сейчас джип попытается повторить его маневр, спихнуть противника в воду.

На лобовом стекле мерцали линии прицела, полупрозрачные, чтобы не мешать обзору. Адама навел перекрестье на узкое пространство между машинами, выждал мгновение и выстрелил.

По правилам игры в его распоряжении имелась всего одна ракета, но он не промахнулся. Джип вильнул, сближаясь с ‘саабом’, и ракета попала в цель, как раз когда машины сошлись бортами.

Дым показался Егору неестественным, но черт с ним, с дымом, зато как классно загорелись машины!

Визг, скрежет... Он едва успел повернуть руль, объезжая гору обломков. Дальше шел последний ровный участок, а затем — бравурная музыка и десяток похожих друг на друга зрителей. Точно такой же, как на старте, бородатый мужик машет полосатым финишным флагом...

Его машина вильнула из стороны в сторону и сама собой остановилась.

Егора вынесло через крышу, он увидел площадку сверху, затем все мигнуло и, сопровождаемое хриплым рэпом, перед ним засветилось меню.

Он пришел к финишу не только первым, но и единственным, за что, кроме денег, получил очередной бонус, который уже не мог обменять на оружие — его запас в игрушке был скудным. Адаме было предложено на выбор три новые машины, но он отказался.

После пустыни и гонки по автостраде, висящей между крышами небоскребов, были туннели. Егора не интересовало прийти первым. Главное — не допустить до финиша ярко-красный джип. Угрюмая радость переполняла его всякий раз, когда враг в очередной раз переворачивался или взрывался.

Началась самая сложная трасса, и тут Адама впервые потерпел поражение. По узкой дороге, петляющей между склонами и ущельями, надо было добраться до пологой вершины, где поджидал не знакомый бородач, а девица в серебристом бикини, таком узком, что его почти не было видно. Радостно улыбаясь, она махала флажком и посылала победителю воздушные поцелуи.

Вот только в этот раз Егор так и не получил свою порцию

поцелуев. Джип протаранил его, и ‘шкода’ взорвалась. Аркада изначально не была предназначена для ‘экзоскелета’, в ней просто не имелось соответствующих команд. Оболочка отреагировала на взрыв по-своему — сжала тело со всех сторон и чуть нагрелась, а вентилятор под шлемом пыхнул в лицо Адаме теплым воздухом.

Опять старт. Он сразу взял с места в карьер, у подножия горы обогнал ‘мерседесы’ с ‘шевроле’, затем саданул из ракетницы по ‘саабу’. Впереди остался только джип и ‘форд’. Последний вдруг сбросил мину, но Егор успел увернуться. Дальше дорога серпантином тянулась вокруг горы, здесь всегда приходилось снижать скорость, но в этот раз он не стал медлить. Проскрежетав бортом по бетонному ограждению, ‘шкода’ почти поравнялась с ‘фордом’. За мутным боковым стеклом Адама увидел профиль водителя — тот сидел неподвижно, лишь приросшие к рулю руки двигались. Егор резко затормозил и в упор расстрелял машину, после чего рванул за ушедшим вперед джипом.

Он почти нагнал врага у начала крутого подъема. Пытаясь преградить путь, джип вильнул влево, вправо, но Адама исхитрился вывернуться почти из-под самых его колес.

Они понеслись рядом. Двигатели ревели, за окном мелькали деревья и мохнатые склоны. В плоском небе среди облаков скакал мячик солнца, слепя глаза оранжевыми световыми кольцами. Адама повернул голову.

Вот оно! Почему-то джип — единственная машина с тонированными стеклами, но тонировка не абсолютная. Сквозь боковое стекло с трудом можно различить прямой нос и выступающий подбородок того, кто сидел внутри. Адаме казалось, что это — тот самый тип, кто был в настоящей машине, протаранившей их ‘шкоду’ возле узкоколейки.

Ракетница на крыше врага повернулась, но конструкция турели не позволяла стрелять по автомобилю, ехавшему рядом.

И все-таки джип выстрелил. Ракета взрыла асфальт прямо перед ‘шкодой’, автомобиль подбросило. Адама вцепился в руль, пытаясь разглядеть происходящее сквозь языки пламени и клубы дыма. Машина приземлилась на все четыре колеса. Впереди был крутой поворот и низкое ограждение.

Он вывернул руль до упора, автомобиль занесло, но Егор уже видел, что справится — вот только его беспокоило, что он потерял из виду джип.

Завизжали покрышки. Дальше тянулся последний участок дороги, прямой, как стрела, ведущий к пологой вершине, где поджидала девица в серебристом бикини, с полосатым финишным флагом в руках… и в этот момент вынырнувший

откуда-то сбоку джип врезался в правый борт.

Егор закричал. Вернулся кошмар, который он постоянно видел во сне: узкоколейка, подъезжающий электропоезд... Все повторялось, джип точно так же появился справа, лицо водителя точно так же мелькнуло за лобовым стеклом...

На крутом повороте ярко-красный джип с тонированными стеклами протаранил зеленую ‘шкоду’. Она ударилась о низкое ограждение и перевернулась. За краем трассы начинался отвесный склон. И его, и землю внизу с дороги разглядеть было невозможно, лишь вдалеке виднелась полоска рельс, по которым медленно ехал электровоз. Когда машина, ревя двигателем, перелетела через ограждение и достигла границы, где начиналось скрытое от глаз пространство, все вдруг застыло. Облака, солнце в плоском небе, склоны, кусты и деревья — весь ландшафт игры замер.

Адама ощутил покалывание в затылке, потом откуда-то издалека донесся тревожный писк. По оболочке прокатилась волна дрожи. Мгновение он висел вверх тормашками, а затем сквозь потолок машины провалился вниз, в пространство, которое невозможно было увидеть с дороги.

Доносящийся сверху рев мотора стих, воцарилась тишина. Адама, лежавший лицом вниз с зажмуренными глазами, поднял голову.

Очень тихо, ветра нет, не холодно и не жарко. Земля поросла сплошным ковром мха. Неестественный мох, будто из пластилина, выкрашенного зелено-бурой краской. Адама прикоснулся к нему ладонью, ощутил, как поверхность мягко прогибается, и медленно встал.

Подножие отвесного голого склона. Странный такой склон, серенького цвета и очень ровный, будто это пластик, а не земля и камни. Догорающих обломков ‘шкоды’ нигде не видно... Он глянул вверх и отскочил.

‘Шкода’ висела там, у вершины, перевернутая, и в первое мгновение Адаме показалось, что сейчас машина рухнет на него и раздавит. Донесся приглушенный гул ‘мерседесов’, стал громче, когда автомобили миновали поворот, затем стих.

Наискось от склона под небольшим уклоном тянулась зеленая площадка со сплошной стеной кустов в конце. Егор преодолел ее и попытался продраться сквозь кусты. Надо же, действительно как стена, твердые. Но зато невысокие, по пояс. Он попятился, разбежался и перепрыгнул через них.

И тут до него дошло: он же ходит!

Ноги сразу подкосились, Адама упал и покатился по второму

склону, начавшемуся сразу за кустами. Перед глазами, стремительно сменяя друг друга, замелькали горы и небо, небо и горы... Что-то тихо загудело. Поверхность стала горизонтальной, и он замер, лежа на спине.

Облака медленно плыли по небу, похожему на плоскую крышку, накрывавшую узкую вселенную симулятора аварий.

Почему он упал, как только понял, что ходит? Значит, правы врачи, кости срослись нормально, нервные окончания так же в порядке, это только страшная картина, навсегда засевшая в дальнем уголке сознания, не позволяет мозгу отдавать команды, которые заставляли бы ноги двигаться. Но картина осталась там, в другом мире, а он здесь....

И здесь он может ходить?

Все еще лежа на спине, Адама согнул ноги в коленях, уперся в землю ладонями и рывком встал.

Покачнулся, но устоял, сцепив зубы и бормоча: я хожу, я могу ходить, могу!

Ноги будто сами удивились тому, что теперь удерживают тело. Они подгибались, колени дрожали. Расставив руки, Адама для пробы сделал шаг, опять покачнулся и застыл в шаткой позе, привыкая к тому, что баг игрушки на время вылечил баг его тела.

Мертвый геометрический мир. Широкие колонны солнечного света падают сквозь разрывы облаков. Свет качественный, динамический, но то, что он освещает...

Одно слово — аркада. Естественные природные линии — это изгибы, плавные или нет, случайные узоры, многообразие оттенков и форм. А здесь преобладали плоскости. Горизонтальные плоскости долин, наклонные плоскости холмов. Цвета тоже ненатуральные, сплошные, словно какой-то маляр-великан раскрасил пейзаж ровными мазками гигантской кисти. Сверху, когда в горячке гонки удавалось бросить мимолетный взгляд на ландшафт у подножия гор, все это выглядело куда лучше. Но оно не предназначено для детального изучения, игрок не должен попадать сюда, в окружающее трассу мертвое пространство.

И, самое смешное, он видел спидометр. Полупрозрачный круг висел слева внизу, как маленькое привидение, стрелка стояла на нуле.

Гудение повторилось. Оно доносилось из-за холма, похожего на трехгранную пирамиду с острой вершиной. Аттила направился туда. Стрелка спидометра дрогнула и лениво переместилась на ‘10,00 км/ч’. Он пошел быстрее — она показала 20,00 км/ч, замедлил шаги — опустилась почти до нуля.

Перед самым лицом что-то мелькнуло, будто прозрачная

чешуйка пролетела в воздухе — и растаяла. Егор недоуменно прищурился. Это что, какая-то лакуна в текстурах?

За холмом обнаружился приземистый коричневый параллелепипед с плоскими и тонкими, как бумага, стенками. Из темного прохода наружу тянулись рельсы. Прямые, длиной метров триста... хотя понятие ‘метров’, ‘расстояния’ здесь казалось каким-то неопределенным. Рельсы тянулись между двумя холмами, по мостику над узкой речушкой, и заканчивались... ничем. Просто обрывались, и все.

Снова гудение — и из ангара выкатил игрушечный электровоз.

Игрушечный не размерами (он был довольно массивным), а видом. Словно из куска пенопласта вырезали нечто, отдаленно напоминающее очертаниями электровоз, и затем раскрасили, причем все это делал ребенок.

— Халтурщики, — произнес Егор.

Стекла в овальных окнах не нарисовали, а вот машиниста для чего-то внутрь засунули, хотя сверху, с трассы, его невозможно разглядеть. Сквозь переднее окно Адама увидел застывшую, словно восковую фигуру. Электровоз выкатил из сарая, прогудел и резво поехал по рельсам прочь. Колеса двигались бесшумно, никакого постукивания на стыках. Хотя стыков-то и нет, сплошные темные полосы.

Адама проследил за ним взглядом, обернулся.

Он прошел всего ничего, а горы с трассой оказались очень далеко, превратились в нагромождение темных конусов, полускрытых розоватой дымкой. Облака все так же плыли по небу, световые колонны то опускались, высвечивая на склонах извивающуюся ниточку трассы, то исчезали. Вдруг слева мелькнуло что-то серебристое. Адама изумленно обернулся. Секунду или две он видел поблескивающую фигуру, которая медленно двигалась между холмами, затем она исчезла.

— Эй! Стойте!

Здесь кто-то живет? Что за странные существа могут обитать в таком месте? Егор побежал, на ходу еще несколько раз окликнув незнакомца, а когда миновал распадок между холмами, увидел, что никого там нет. Показалось? Адама растеряно покрутился на месте. Да, никого, все застыло, только световые столбы медленно перемещаются вместе с облаками, то высвечивая вершины холмов, то погружая их в тень.

Он пошел назад, перешагнул через рельсы. Опять гудение. Электровоз, миновав мостик, встал на несколько секунд и задом двинулся в обратную сторону. Проехав мимо Адамы, исчез в ангаре, чтобы спустя минуту показаться вновь.

Мостик вел через реку. Река? Адама подошел ближе. Между невысоких обрывистых берегов синела закаменевшая масса, маслянисто отблескивающая в лучах солнца. Словно в канаву вылили цистерну краски, и она застыла.

Снова гудок — и электровоз с восковым машинистом проследовал мимо. От механичного ритма его передвижений, от безжизненной тишины, окутывающей аркадный мирок, становилось тоскливо. И скучно. Интересное приключение получилось, но пора выбираться отсюда. Адама постоял, провожая взглядом электровоз, перевел взгляд на ‘воду’. Ну и гадость! Пожалели, пожалели пиксельных шейдеров… Интересно, как она вблизи, еще хуже смотрится? Егор спрыгнул.

Густо-синяя поверхность провалилась под ногами, и он погрузился до колен.

— Э! — заорал Егор. — Что такое?

И тут же в затылке словно маленькие червяки зашевелились. Ощущение было куда неприятнее, чем при предыдущих включениях мониторинга мозговой активности. Виски заломило, будто по ним стукнули свинцовыми молоточками, тонкие иголочки впились в позвоночник.

Погрузившись по пояс, Адама ладонями ударил по синей поверхности, но руки тоже ушли в нее, будто в подтаявшее сливочное масло.

— Стой! Оболочка, слышишь?!

Над ним по мостку проехал электровоз, а Егор опустился с головой.

Вокруг заклубилась густая синяя муть — он попал в скрытую зону, подбрюшье игры. Откуда-то сверху вдруг выплыл столбик цифр, далекий, еле слышный тревожный писк прозвучал и смолк. Вместо цифр мелькнуло слово ERROR, сменившееся запросом ‘ЭКСТРЕННОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ?’

— Да! — заорал Адама, хотя так и не понял, обращен ли вопрос к нему, или это внутренний диалог подкоманд оболочки — потому что следом замелькали слова ‘ЗАПРЕТ: ПРИ ВЫБРОСЕ ВОЗМОЖНО НАРУШЕНИЕ МОТОРИКИ… ЗАПРЕТ: ВОЗМОЖНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ… ЗАПРЕТ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ…’

Егор провалился вниз, понесся с огромной скоростью сквозь темно-синие слои, краем глаз видя, что стрелка спидометра показывает 100 000,00 км/ч.

Это длилось недолго, а когда синие слои закончились, Адама очутился в странном месте, которое никак не могло существовать в аркадной гонке. Да еще и какое-то существо попыталось ударить его топором.

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: без принципа

ОТТЕНОК: настороженный

ПУТЬ: от: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен) / к: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

ТЕМА: новости

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хосты / фигура

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: обнаруженный в Малой Сети экспериментального домена сгусток психической энергии локализован, однако сущность его до сих пор не выяснена. Какое-либо влияние на сгусток невозможно по причине, изложенной ниже.

Серверные хосты как совокупность аппаратного и программного обеспечения начинают расслаиваться — наблюдаются все более частые случаи отделения программных компонентов от аппаратной (машинной) основы и перемещение их непосредственно в Малую Сеть. Все хосты, работа которых нарушена, имеют игровую специфику. Программные компоненты меняют локализацию в Малой Сети и выстраиваются вокруг сгустка психической энергии в смертную фигуру: десять локаций в семи миссиях в четырех уровнях.

Предполагаем, что смертная фигура выстраивается сгустком, она и защищает его от нашего вмешательства. Большая Сеть крайне взволнована. Радетель, что нам делать?

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен)

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

вложение:(условная схема смертной фигуры)

* * *

На экране было то, что Ксюша называла не иначе как Безумная Заставка — распятие в 3-D. Оно медленно вращалось; прибитый гвоздями человек поворачивался к Андрею то лицом, то затылком, почти не различимым за вертикальным брусом.

Как в тебе это сочетается? — удивлялась Ксюша. — Порносайты, Интернет, компьютерные игрушки и церковь?

— Да не хожу я на порносайты! — кривя душой, отнекивался

Андрей. — И в церковь не хожу.

— Но ты же веришь. Веруешь то есть.

— Нет, уже давно не верую, — после этих слов он угрюмо замолкал, и тогда Ксюша переводила разговор на другое. Подобные беседы повторялись нечасто, но регулярно — присутствовала в Ксюхе эта бабская склонность подкузьмить, подъегорить любовника. Сейчас она лежала на диване, голая, до поясницы накрытая простыней, а Андрей сидел спиной к ней за компьютером. Ему как раз попался любопытный сайт. DCE: Distributed Computing Environment. ‘Распределенные компьютерные вычисления’...

— Смотри, это, оказывается, интересно, — произнес Андрей, не оборачиваясь. — Ты слушаешь?

— Ага... — лениво откликнулась Ксюха томным, расслабленным голосом женщины, которая буквально только что замечательно провела время. — Что там?

— ‘Так что же заставляет людей участвовать в распределённых вычислениях? — откликнулся Андрей. — Стремление помочь современной науке...’ — он замолчал, читая дальше, и наконец разочарованно добавил: — Ага, нет, это не только бескорыстие, некоторые еще и соревнуются. Команда России, команда Германии...

— В чем соревнуются?

— Да вот, понимаешь... — он опять замолчал.

Ксюша подождала немного и с легким раздражением спросила:

— Может, все-таки расскажешь, что ты там углядел?

Андрей стал пояснять:

— Короче говоря, разные институты и научные центры предлагают использовать домашние компьютеры для вычисления всяких задач. Это как бы предтеча одной большой операционной системы, распределенной на компьютерах по всей планете. Регистрируешься, получаешь персональный идентификатор и скачиваешь клиент-программу. Дальше она у тебя висит в фоновом режиме, высчитывает то, что от нее требуется, и периодически отсылает данные.

Поразмыслив, Ксюша сказала:

— Ерунда какая. Во-первых...

— Во-первых, ты ничего не поняла, — вставил Андрей.

— Почему, немного поняла. Я хотела сказать, это все афера какая-то.

— Как афера? В чем же ее смысл?

— Не знаю. Ну ладно, а почему эти институты сами не высчитывают свои задачи?

— Мощностей не хватает. А простой домашний комп обычно загружен процентов на двадцать-тридцать. Вот они и просят им помочь. Это оказывается популярная штука сейчас.

— Но что им считать надо? Ты можешь объяснить нормальным языком?

— Пожалуйста. Значит, нормальным языком... Ну вот, смотри, э... Сэвэнтин ор Буст. Цель проекта — решить задачу Серпински. Или вот — GIMPS. Они ищут новые простые числа Мерсенна. В ноябре нашли самое большое на тот момент простое число, 220996011-1. Одна контора обещает сто тысяч баксов тому, кто найдет простое число из более чем 107 десятичных цифр и из суммы этого приза планируется сделать выплаты всем открывателям предыдущих простых чисел Мерсенна, примерно по пять тысяч каждому. Вот, а еще...

— Ха, 'планируется'! — перебила практичная девушка Ксюша. — Знаем мы их 'планируется' — кинут и не поморщатся.

Тем не менее, она заинтересовалась.

— А что еще они предлагают считать?

— Еще... Изменения климата в ближайший век, разложение на множители огромных чисел общего вида, свойства белковых молекул, поиск лекарства от рака...

— И за все это платят?

— Да причем тут деньги! — возмутился наконец он. — Что ты с этими деньгами пристала?

— Ах, я пристала? — сзади зашелестела простыня и скрипнул диван.

Против обыкновения, Андрей решил не поддаваться и сидел с напряженной спиной, не оборачиваясь, все то время, пока она была в душе.

Потом сзади опять скрипнуло — усевшись на диван, она натягивала колготки. Дзынькнула 'молния' на платье. Когда Ксюха раздраженно произнесла: 'Все, я пошла' — Андрей ее не услышал, так как по-настоящему заинтересовался тем, что видел на мониторе. Международный Научно-Религиозный Институт (НРИ), 'созданный эмигрантом из России, миллионером и филантропом грузинской национальности Тотом Джигурти, с одинаковым усердием жертвующим деньги и для научных и для религиозные исследований', предлагал принять участие в программе «Поиск Имен». 'Научно-Религиозный Институт' — интересное словосочетание, Андрей раньше такого не слышал. Этот самый НРИ каким-то заковыристым образом совместил гипотезу Римана с поиском неких имен. Про гипотезу Андрей знал. Там все дело вертелось вокруг простых чисел, то есть таких, что без остатка делятся только на единицу и на самих себя. Вот,

допустим, четыре — без остатка оно делится на два, значит, это не простое число. А пять — простое, и семь простое. Среди этих простых чисел встречаются близнецы, то есть разница между ними составляет двойку. Пять и семь — близнецы, и семнадцать с девятнадцатью близнецы. Чем длиннее цифровая последовательность, то есть чем больше в ней чисел, тем реже встречаются эти самые близнецы. Риман выдвинул гипотезу, что ряд близнецов все-таки бесконечен, однако доказать или опровергнуть это так пока и не смогли. Таинственный эмигрант-филантроп Тот Джигурти через свой НРИ заявлял буквально следующее: каждая пара близнецов соответствует двум буквам латинского алфавита. Все это будет транслироваться через ODL, объектно-ориентированный язык программирования, после чего из каждой последовательности букв составляется слово. Разработан алгоритм, который вычисляет, какое из полученных слов является именем, а какое — нет. Через двенадцать часов после регистрации и запуска клиентской программы на домашний компьютер в качестве бонуса скачиваются все имена, найденные другими участниками проекта со дня его запуска. Суть в том, что ODL не просто язык программирования, но некий инструмент для описания любого объекта, система, содержащая в себе информацию про описываемые объекты. В том смысле, что при помощи запрограммированных синтактик-, семантик- и прагматик-модулей он обрабатывает и смысловую сторону знаковых составляющих, то есть выделяет из имен их смысл.

Тут уж Андрей откинулся на стуле и основательно задумался. Основная идея всей этой ‘семантической концепции’ заключалась в том, что из каждого имени можно выделить содержание — его ‘предметное значение’. Поскольку содержание связано с формой, то и ‘внешний вид’ любого слова связан с его значением. То есть содержание имен можно постигнуть через их форму, выявить смысл из сочетания букв (на сайте это формулировалось более заковыристо: ‘выразить семантические свойства информации через синтаксические’).

В конце концов он это понял так, что если при помощи ODLa описать розу, то полученный набор символов будет не просто описывать розу, но как бы быть ею, то есть содержать в себе свойства цветка...

— Я пошла! — повторила Ксюша.

— Ксюха... — пробормотал Андрей. — Ксюша... Черт, получается, можно описать в ODLe Ксюшу и... и я смогу трахаться с ним? С этим описанием?

— Ну, всё!

Это он, конечно, переборщил. Тут бы Андрею и остановиться,

и повернуться к ней, но он не стал отвлекаться, и тогда Ксюха швырнула на стол рядом с клавиатурой плеер, который любовник вчера вечером ей подарил. Через несколько секунд хлопнула входная дверь. Но Андрей все равно не отреагировал, слишком увлекся. ‘Имеется возможность прослушать имена’ — вот, что там было. Это слово, ‘имена’, каждый раз выделялось зеленым шрифтом и курсивом. А еще — ‘не требуется постоянная связь с сервером’, ‘при работе клиент-программа забирает не более 90 мегабайт оперативной памяти’, ‘необходимо всего 170 мегабайт на жестком диске’.

Пора было идти на службу, но этим утром Андрей опоздал.

Ведь с другой стороны, ‘Ксюша’ может быть не именем объекта, а названием для вида всех подобных объектов, для класса всех Ксюш... — раздумывал он, переходя на англоязычный сайт НРИ и регистрируясь там. Ксюш-то много и сочетание этих букв — ‘к-с-ю-ш-а’ — не несет в себе никакой информации конкретно про ту молодую женщину, которая, виляя бедрами (Ксюха, когда злилась, при ходьбе почему-то сильно виляла бедрами — что за странная особенность?) — вылетела сейчас из его квартиры; нет в этом слове ничего про то, что волосы у нее каштановые, ни про размер груди, ни про что-нибудь еще...

Когда скачанная программа заработала, от Сети он отключился, но компьютер вырубать не стал. Пусть себе работает, интересно же, чего он там навычисляет к вечеру... Андрей выключил монитор и ушел, думая о том, что одна из конкретных представительниц класса всех Ксюш сейчас сильно на него обижена и теперь придется мириться, а как — непонятно.

* * *

Понедельник прошел как всегда, в смысле — никак. Андрей добился таких карьерных успехов, что на службе теперь не работал, только командовал из своего кабинета, понимая при этом, что его руководство никому на фиг не нужно, и без него процесс идет как надо, а он только мешает. Допетрив это некоторое время назад, Андрей перестал руководить — то есть вмешиваться в работу подчиненных.

В Сети стоял шум, свалилось пару крупных игровых серверов, но Андрей на это отвлекаться не стал — он не был сетевым человеком и слабо разбирался в Интернет-жизни. Большую часть дня он провел, читая любительские сайты про язык программирования ODL. Оказалось, что это старший брат давно существующего языка под названием IDL — так сказать, супер-

IDL, усложненный и навороченный. Сейчас разработали еще какой-то протокол SNLSP, Андрей несколько раз натыкался на ссылки на него, но решил почитать про новинку позже. Посетив сайт Научно-Религиозного Института, он из туманных объяснений понял, что все имена (или информационные модули, то есть блоки с заданными именами) называют один и тот же объект. То есть у этого объекта множество имен, и каждое, транслируемое через ODL, несет в себе атрибут объекта, сиречь описание одного из его свойств или параметров. Вместе же они составляют пространство имен. Тут Андрей вновь призадумался.

Вот если задать вопрос: ‘Какой стороной упадет монетка, орлом или решкой?’ — то ответов на этот вопрос два. Вероятность и неопределенность каждого ответа одинаковы. Пока монета летит, она находится в неопределенном состоянии, как упала — какой-то из двух ответов станет определенным. И если верный ответ дан, то он уничтожает вероятность справедливости другого ответа, потому что если монетка упала решкой кверху, и дан соответствующий ответ, то второй окажется ложным. Допустим, она упала, но некто, некий человек, этого не видит. Этот Некто спрашивает у вас (а вы-то как раз видели): как упала монетка? До того, как вы ответили, в понимании Некто монетка все еще будет находиться в некоем неопределенном, ‘подвешенном’ состоянии, ведь он не знает, как она упала. И для него оба ваши возможных ответа будут равновероятны и равнонеопределенны. А теперь допустим, что Некто еще интересуется другими параметрами и спрашивает: монетка квадратная или круглая? Из серебра, золота или какого-то другого металла? Какой страны, какого года выпуска? И так далее. Так вот, каждое имя было сообщением о каком-то параметре объекта, и после того, как все имена будут перечислены, неопределенность объекта исчезнет, все его атрибуты проявятся, его энтропия обнулится — объект станет настолько определенным, что возникнет… так?

Нет, не так, подумал Андрей. Даже если я опишу во всех возможных подробностях монетку — мое описание не создаст второй монетки. Просто этот Некто, которому я ее опишу, очень хорошо, очень живо представит ее себе. То есть он получит полную информацию о ней. А Сеть — это ведь и есть пространство чистой информации, да, и если в ней что-то описать всесторонне… Однако, что ни говори, сама монетка все же не появится, хоть поэму о ней сочини.

Разочарованный, он вновь залез на сайт НРИ и там нашел очень простой совет для тех, кто сомневался, присоединяться или не присоединяться к программе: произнесение каждого имени

сравнивать не с сообщением о свойстве монетки, а с ударом молотка по резцу скульптора. В результате всех этих ударов (нахождении и произнесении всех имен) в камне (‘в материальном мире’ — уточнялось на сайте) возникает, проявляется скульптура. Пока камень не обработан, заключенная в нем скульптура неявна в том смысле, что она может получиться любой, из куска камня можно сделать все что угодно, лишь бы размер позволил. Каждое имя (каждое движение резца) уменьшает эту неявность, неопределенность потенциальной скульптуры, то есть главное даже не то, что называет каждое имя, а то, что оно исключает. Причем если называет он что-то одно, то исключает целый ряд других состояний объекта. То есть каждый удар резца понижает численность потенциальных скульптур — уменьшает количество возможных состояний камня. Значит семантико-информационное содержание слова определяется не тем, что это слово содержит, а тем, что оно исключает.

Однако, подумал Андрей, это все замечательно, но есть ведь еще и такое понятие, как полезность информации? Какая мне польза от того, что будут найдены и названы все имена объекта? Вроде — никакой. Но, видимо, для того, кто запустил программу, то есть для этого самого Тота Джигурти, полезность объекта, который он намеревается заполучить в результате, велика. Он заранее знает, что будущая скульптура ему крайне нужна? То есть ценность информации не объективна, а зависит от того, какую задачу решает некто, эту информацию желающий получить...

От обилия сложных мыслей, которые в голове приходилось выделять ментальным аналогом жирного шрифта, у Андрея заломило в висках, и это стало хорошим поводом уйти с работы пораньше.

* * *

Он увидел, что клиентская программа сама собой выскочила из трея и квадратным окошком висит посередине экрана. С английским у Андрея было плохо, но в конце концов он догадался, что программа почему-то прекратила расчеты и теперь настырным миганием требует доступ в Сеть. На работе была выделенка, а дома — обычный модем, да еще и телефонная линия старая, аналоговая. С третьей попытки соединение произошло. Против ожидания, программа не стала передавать на центральный компьютер НРИ массив обработанной за день информации, а наоборот принялась скачивать что-то — причем, судя по всему, что-то очень объемное. Андрей пошел на кухню.

Одинокая жизнь имела свои плюсы и свои минусы. К минусам относилось то, что готовить приходилось самому. Он сделал два бутерброда, с колбасой и сыром, налил в чашку купленный по дороге с работы квас, прошел в зал и включил телевизор. Неторопливо жуя бутерброды, посмотрел программу новостей, после чего заглянул в спальню, где стоял компьютер. Программа все еще скачивала данные. Андрей сходил на кухню, вымыл посуду, вернулся к телевизору и от нечего делать ознакомился с шестьсот шестьдесят шестой серией ‘Удара любви’. Опять заглянул в спальню — комп все еще качал. Уже стемнело, время приближалось к двенадцати. Андрей попытался смотреть ночное ток-шоу, но прилюдно выясняющие отношения муж, его жена и ее любовник — вне зависимости от того, были ли они натуральными, или их изображали малоизвестные актеры — вызвали у него стыд за род человеческий, так что он побыстрее вернулся в спальню. Комп отключился от Сети. Это иногда происходило без команды, из-за неполадок на линии. Андрей, чертыхнувшись, бросился к машине — и обнаружил, что информация успела закачаться. Программа теперь настойчиво требовала подключения, чтобы переправить те данные, которые она обработала за день, обратно в НРИ. Модем пощелкал, попикал, вошел в Сеть, программа перестала всполошена мигать, начала отправлять биты — тут за окном бабахнула молния, и свет вырубился.

* * *

Но монитор горел, и телевизор что-то бормотал в соседней комнате. Значит, сожгло только одну пробку, а вторая работает. Андрей сунулся в раскрытое окно, услышал шорох дождя и почувствовал влагу на лице. Пожав плечами, вернулся к компьютеру, попытался опять войти в Сеть, но безуспешно. Тогда он поднял телефонную трубку — тишина. Ага, еще и с телефонной линией неполадки...

Раздался стук в дверь.

Что-то ему не по себе стало. Темнота во всей квартире, только монитор светится, да из телевизора доносится приглушенное бормотание. И в дверь стучат. Почему не звонят? Он припомнил, на какой пробке ‘висел’ дверной звонок, сообразил, что тот тоже не работает, кивнул сам себе и пошел открывать.

Ксюша хмуро взглянула на него, Андрей посторонился, и девушка прошла в квартиру. Закрыв дверь, он обернулся — гостья

снимала мокрые туфли.

— Почему темно? — спросила она.

— Пробка сгорела.

— Так почини.

— Не разбираюсь я в этом, ты ж знаешь. В подъезде еще темнее, чем здесь, и так я всегда соседские пробки со своими путаю. И еще у нас щит на замочек заперт, чтоб хулиганы не лазили, а ключ я потерял. У соседа есть, но уже поздно его будить, неудобно. Что-то случилось?

Она молча прошла в спальню, Андрей, помедлив, направился следом. Ксюха устроилась на диване, положив ногу на ногу.

— Так что произошло? — спросил он, садясь возле компьютера.

Ксюха вздохнула.

— Я звонила, но ты трубку не брал. Я ключ потеряла. А мои в отпуск уехали. И подружек ни одной сейчас в городе нету. И... вот.

Они помолчали, не глядя друг на друга. Фиг тебе, не буду извиняться, подумал Андрей. Ты любишь, чтоб перед тобой извинялись, я знаю, ты после этого почему-то особенно... страстная становишься. Но сейчас — я не буду.

— Есть хочешь?

— Нет. Что у тебя с этими вычислениями?

Он улыбнулся.

— Понимаешь, кажется я как раз попал на... финал. То есть, сегодня именно мой комп закончил то, ради чего была запущена эта программа. Мне скачали весь массив обработанных данных, а моя программка добавила то, что она вычислила за сегодня. После этого она должна была отправить заказчикам весь набор имен, но тут телефон вырубился.

— Каких имен?

Андрей развел руками.

— Трудно объяснить. Это все имеет отношение к новому языку, который они используют в этих своих распределенных вычислениях. Я сам плоховато понимаю...

— А чьи это имена?

— Как это — чьи? Ты что, не поняла?

— Нет.

— Имена, гм... Бога...

— Бога? — удивилась она.

— Ну... вроде да.

— Какого Бога?

— Вот не знаю. Почему-то на их сайте про это ничего нет.

— Так у него что, много имен, раз их так сложно вычислить?

— Вроде того.

— А их услышать можно?

Андрею уже и самому стало интересно. Он открыл папку программы и обнаружил, что скачанный массив данных — большой, между прочим — имеет расширение, позволяющее прослушать файл.

Хорошо, конечно, но у Андрея не работала звуковая карта.

— Нельзя, — сказал он с сожалением. — У меня ж звуковуха полетела недавно.

— Жаль, — произнесла Ксюша и улеглась, положив руки под голову. Юбка на ней была широкая и не сказать, что длинная, а теперь она еще и задралась, так что стали видны коленки. Ксюха так и рассчитывала, что сейчас мысли Андрея пойдут в определенном направлении, и вслед за мыслями он и сам начнет действовать в этом же направлении, а она скажет: нет, ты меня обидел утром, и ему все равно придется извиняться, потому как зов плоти, куда от него денешься? — но Андрей, воскликнув: ‘А, так у нас ведь есть вот...’ — схватил со стола плеер и отвернулся от нее.

Это была новая моделька флэш-плеер в виде часов с нейтральным дизайном, чтоб и мужчины и женщины могли носить на руке. Можно просто положить в нагрудный карман и слушать музыку через наушники, а можно — через динамик плеера. Андрей вставил штекер в USB-порт компьютера и только успел включить перекачку, как за окном громыхнуло.

— Фу... — сказала Ксюша. — Как гремит.

Из Интернета массив информации скачивался долго, файл-то оказался большим, но переброс данных с жесткого диска компьютера на флэш-память плеера куда быстрее. Все же пару минут на это должно было уйти, и Андрей сел на диван рядом с Ксюшей. По выражению ее лица, освещенного монитором, он понял, что сейчас предстоит сцена с обвинениями, объяснениями и другими штучками, которые она так любила. Андрей, неожиданно для самого себя, решил сразу же прекратить весь этот вздор — сунул руку под ее кофточку, быстро нагнулся и поцеловал, пока Ксюха не успела рта раскрыть. Она зашевелилась, попыталась высвободиться, но Андрей знал, каких именно частей ее тела перво-наперво надо касаться, и деваться Ксюхе теперь было некуда... но тут комп просигналил, что перекачка закончилась.

Андрей выпрямился. Ксюша лежала, глядя на него блестящими глазами. Дышала она теперь глубже, чем раньше.

— Потерпи секунду, киса... — подмигнув как можно более плотоядно и сально, Андрей вытащил штекер, повертел в руках

плеер, надел браслет на запястье и спросил:

— Хочешь послушать, что там?

— Хочу.

Он включил воспроизведение, и тут окно со звоном распахнулось от порыва ветра.

* * *

Germasus... Germosus... Germusus...

Ксюша вскрикнула. В соседней комнате зазвенело разбившееся стекло, возник такой сильный сквозняк, что Андрея качнуло.

Germus... Germis... Girmas...

Вода хлынула на стоящий у стола системный блок. Внутри затрещало, сама собой вдруг выехала полочка сидирома, блеснула искра. Монитор мигнул, но не погас.

— Черт! — взревел Андрей, пытаясь захлопнуть окно.

Gormus... Gorbus... Girbas... — слова, доносящиеся из динамика плеера, звучали очень быстро, почти сливались, так что трудно было разобрать каждое отдельное имя. Произносил их синтезированный голос — тихий, равнодушный и неприятный. Закрыв окно, Андрей глянул на монитор и растерянно повернулся к дивану.

— Чуть комп не сгорел...

— А там стекло разбилось, — добавила Ксюха, краем диванного покрывала накрывая ноги.

В квартире стало ощутимо холоднее. Андрей открыл шкаф и достал теплую байковую рубашку.

Gormas... Gorbas... Girbis...

— Слышишь? — спросил он. У рубашки были длинные рукава, когда Андрей застегнул манжет, тот скрыл плеер, и голос стал тише.

— Что? — спросила Ксюха.

— Он произносит эти самые имена.

В подъезде послышался шум — вышел кто-то из соседей, у которых, наверное, свет тоже отключился.

— Гляну, что с окном.

Войдя в зал, он чертыхнулся, увидев, что лишился большого стекла — осколки лежали на подоконнике и на полу. Штора от ветра то надувалась пузырем, то опадала. Телевизор шипел, экран светился, но изображения не было, только мутно-белая рябь. Андрей шагнул к окну. Экран начал тускнеть, почернел, затем опять разгорелся, показав фигуру человека до пояса. Чуть

подавшись вперед, он пристально глядел прямо перед собой. У человека была густая черная борода, блестящие глаза и нос с горбинкой. Напряженная поза создавала впечатление, что он не сидит на стуле, а застыл на полусогнутых ногах, невидных, впрочем, за нижним краем экрана. Андрей разинул рот: странные какие дикторы пошли. Диковатый тип в телевизоре медленно повернул голову, кося глазами. Скорее всего, неполадки в студии — телевизор был настроен на небольшой частный канал, где периодически случались всякие казусы, то видеоряд прервется, то камеру включат слишком рано, и зрители увидят, как изящная дикторша, что-то бормоча, мизинцем вытаскивает из носа козявку.

Казалось, что человек пытается выглянуть через стекло экрана и рассмотреть, что происходит в комнате. За окном ветер прогудел что-то угрожающее, штора вздулась, как парус у идущей на полном ходу яхты.

— Е-мое! — в сердцах сказал Андрей, хватая ее обеими руками. Дождь барабанил по жестяному карнизу, брызги влетали внутрь. На подоконнике расплывалась лужа, штора тоже намокла. Удерживая ее, Андрей выглянул. С двенадцатого этажа была видна вся улица Панельная, состоящая из трех домов, хозяйственного магазина и автостоянки. Двор внизу скрывала пелена дождя.

— Ксюха! — позвал он. — Совсем окно разбилось...

— Что ты сказал? — откликнулась Ксюша из соседней комнаты.

— Разбилось, говорю!

В дверь громко постучали.

* * *

— Кто?

В подъезде было тихо, соседи уже разошлись по квартирам.

— Электрик, — произнес голос за дверью.

— Я не вызывал электрика, — помедлив, сказал Андрей.

— Но у вас свет-то вырубился? — откликнулись снаружи. — У нас эта... авария. Не в щитовой, просто где-то проводка перегорела. Как раз, вроде бы, в вашей квартире. Мне проверить надо. Заодно и пробки ваши гляну.

— Да пробки-то снаружи. Ну ладно. — Он открыл дверь и посторонился, пропуская в квартиру высокого мужика в комбинезоне, с дубинкой в руке. Андрей чуть не подпрыгнул, увидев дубинку, но тут же в свете горевшей на лестничной клетке

тусклой лампочки разглядел, что это просто здоровенный разводной ключ.

— Погодка-а... — протянул электрик. Голос у него был слегка блеющий. Гость заглянул на кухню, потом прошел в зал. Хозяин квартиры потопал за ним, поеживаясь от пережитого конфуза — 'дубинка' напугала его.

— Та-ак... — гость обошел зал по периметру, будто собака, обнюхивающая незнакомую территорию.

— А этот... телевизор работает, — заметил он, поворачиваясь к Андрею и поигрывая ключом. Инструмент выглядел внушительно, даже устрашающе. Когда электрик обернулся, выяснились интересные подробности. Бровей нет, нос картошкой, лоб узкий, а подбородок — что твой утюг. Нижняя половина лица заросла густыми вьющимися волосами. Руки тоже были волосатыми.

— Чего у вас еще тут? — спросил гость и устремился прочь из зала.

Андрей едва успел отступить: электрик пронесся мимо, размахивая ключом, пересек коридор и исчез в дверях спальни. Пришлось идти за ним.

Ксюха сидела на диване, поджав под себя ноги, и пялилась на электрика. Не обращая на нее внимания, тот склонился над монитором.

— Работает, — заметил он, когда Андрей вошел. — Эта... а тут что? — он ткнул ключом в системный блок.

— Слушайте, что вы вообще делаете... — начал Андрей, но умолк, когда электрик поднял руку, призывая к молчании. Несколько секунд он стоял, прислушиваясь к чему-то, затем упал на четвереньки и прижался ухом к системной блоку.

Андрей перевел растерянный взгляд с него на Ксюху — и увидел, что там манит его к себе.

— Кто это? — прошептала она, когда Андрей склонился над диваном. — Кто он такой?

— Говорит, электрик.

— Кто-кто? А почему у него разводной ключ? С ними сантехники ходят.

Эта мысль как-то не пришла Андрею в голову, теперь же он удивился еще больше: и вправду, при чем тут ключ?

Они с Ксюхой вытаращились на широкоплечего высокого мужика, который непонятно за каким чертом торчал на четвереньках перед системным блоком, приложив к нему ухо.

— Жужжит! — ночной гость вскочил, озираясь с непонятным выражением. — Там жужжит! Это что значит?

— Значит, работает — пояснил Андрей.

— А? — электрик поднял ключ и словно в недоумении постучал им себя по темечку. Раздался такой звук, будто чем-то железным стукнули по чему-то деревянному. — До сих пор работает?

Он размахнулся и саданул ключом по корпусу.

* * *

Если бы Андрей успел задуматься, действовал бы иначе, а так, испугавшись за двухсотдолларовую видеокарту, дорогой процессор и винчестер на сто двадцать гигабайт, он прыгнул к нагнувшемуся над системным блоком электрику, ухватил его за плечо и сильно дернул. При этом рукав задрался, из-под манжета стал виден плеер.

Gors... Gorbs... Girbs...

Гость подскочил, отбросил Андрея к дивану и развернулся, упустив ключ на пол.

— Выключи! — прохрипел гость, хватаясь за ворот комбинезона и раздирая его на груди. — Выключи это!!!

Материя разорвалась бесшумно и как-то очень уж легко, распалась от горла до пупа. Ксюха завизжала. Андрей выпучил глаза на грудь, поросшую волосами еще более густо, чем лицо — словно шерсть животного, черная и кучерявая. Мужик схватил ключ, замахиваясь, шагнул к дивану, и Андрей рефлекторно поднял руку, пытаясь защититься. Ладонь чуть ли не уперлась в лоб электрика, браслет плеера оказался прямо перед его глазами.

Garbus... Girbus... Grobus...

Электрик заорал, схватил Андрея за шиворот и швырнул через всю комнату так, что хозяин свалился лицом вниз. При этом он ударился затылком о стену, после чего в голове помутилось — визг Ксюши теперь доносился словно из глубины гулкого колодца.

Он приподнялся, упираясь ладонями в пол. Пальцы нащупали что-то выпуклое и твердое. Нет, это не крик доносится из колодца, это Андрей очутился в колодце, темном и глубоком, а все остальное — далеко-далеко. От удара головой зрачки съехались к переносице, перспектива искривилась; озаренная лишь светом монитора комната приобрела гротескные уродливые очертания. Будто в подзорную трубу, Андрей видел далеко впереди — и в тоже время прямо перед собой — выпуклую, искаженную фигуру электрика, диван и Ксюху на нем. Все это находилось в круге тусклого света, окруженного темнотой. Он прижал ладонь ко лбу, одновременно поднимая предмет, который

нащупал на полу. Лицо электрика придвинулось, увеличилось, потеряло пропорции, будто Андрей смотрел сквозь лупу: нос стал огромным, на жирной коже проступили поры-кратеры, а волоски в ноздрях обернулись черными кустами; лоб, скулы и подбородок вытянулись назад и уменьшилось. Нос еще приблизился, ноздри превратились в темные колодцы, ведущие в преисподнюю. Откуда-то издалека доносились вопли Ксюхи, но совсем приглушенные. Андрей взмахнул рукой, пытаясь отодвинуть от себя страшного электрика. Раздался глухой стук, и его сильно толкнули в грудь.

* * *

Когда поезд пересек реку и втянулся в туннель, свет мигнул и погас. Но лампы на стенах рассеяли почти полную тьму, воцарившуюся в вагоне.

Поезд был последним на этой ветке. За двадцать минут до часа ночи тишина воцарилась на всем протяжении городского метрополитена, смолкло гулкое эхо, целый день звучащее под сводами станций, и дежурные начали отключать эскалаторы.

Опанас Манкевич, молодой человек двадцати трех лет от роду, сирота, холост, метр шестьдесят девять, шестьдесят семь килограмм, шатен, системщик южного филиала финансовой группы «Руссовирт», ехал в последнем вагоне.

С моста, на котором находилась станция «Речная», поезд сразу же нырнул в туннель — и тогда свет погас. Сквозь свое отражение в черном стекле пассажир глядел на близкие, смазанные скоростью стены.

Вибрация пришла спереди. Несколько секунд она накатывала волнами, затем режущая глаза вспышка накрыла поезд. Грохот ударил в две стороны, выстрелил потоком воздуха из того отверстия в крутом склоне, куда втягивались рельсы, а с другой стороны разошелся по сетке туннелей.

Вагоны качнулись, пол накренился, но Опанас успел вцепиться в поручень. Секунду вагоны, скрежеща и содрогаясь, мчались, как автомобиль каскадера, лишь на тех колесах, что располагались с одной стороны, а затем качнулись обратно. Разбрызгав снопы искр, колеса, до этого находившиеся в воздухе, вновь соприкоснулись с рельсами, и тут передний вагон взорвался.

А может и не взорвался. Но что-то такое с ним произошло, от чего покореженная масса металла и пластика закупорила туннель. В нее один за другим стали влипать остальные вагоны.

Первый попытался встать на дыбы, что было совершенно невозможно, потому что он весил тридцать две тонны, да и в туннеле для этого не было места. С хрустом выворачивая из креплений токоприемник, вагон уперся передней частью в потолок. Инерция следующих вдавила его в тюбинги.

Авария повредила несколько толстых силовых кабелей, на всем многокилометровом протяжении ветки разом погас свет. Каждая колесная пара, проезжая по стыку соединенных медным проводом рельс, замыкала контакт и заставляла бежать огонек по общей схеме метрополитена в центральной диспетчерской. Теперь один из огоньков — уже редких в этот час суток — сначала остановился, а затем и вовсе погас.

Тот вагон, в котором ехал Опанас, начал переворачиваться набок, но туннель был слишком узок. Единственный пассажир здорово стукнулся головой. Зазвенело разбитое стекло, и перед глазами Опанаса на некоторое время стало темно.

Он пришел в себя уже снаружи — кое-как встал, привалился к стене. Рядом висел переломленный силовой кабель с расплющенной изоляцией, и Опанас, сам не понимая, что делает, ухватился за него.

Заработавшие было лампы аварийного освещения вспыхнули и погасли. В темноте раздался треск и короткий вопль. Из кабеля выстрелил фонтан искр, озарив вагон, который стоял наискось, упираясь углом в тюбинги и задрав половину колес в воздух — в этом, казалось, присутствовало какое-то необъяснимое механическое бесстыдство.

Опанас упал на банкетку: высокая и узкая бетонная ступень тянулась вдоль всей длинны туннеля, прямо под трубами водопровода, с которых капала вода. Рядом в стене темнело забранное металлической решеткой прямоугольное отверстие, ведущее к выработке, вспомогательному помещению между двумя туннелями, где стояли насосы дренажной системы.

Придерживаясь за трубы водопровода, он встал, огляделся и пошел по банкетке в обратном направлении. Перешагнул через лужу черного масла, в чьей затянутой пленкой поверхности тускло отражался потолок и стена. По пленке прошла мелкая рябь, словно пол дрогнул — хотя никакой дрожи Опанас не ощутил. Что-то едва заметно изменилось вокруг, ровный поток дующего в туннеле ветра принес запах дождя, мокрой листвы, стоячей воды... запах другого континента. Над Опанасом развернулась вуаль, сквозь которую, как сквозь окно, в туннель проник новый звук. Он тут же смолк, исчез вместе с изменившимся светом и мимолетными запахами...

Ядовитая африканская ночь дрожала в такт рокота тамтамов.

Вуаль, сотканная из миазмов дождевого леса, из хохота гиены, тигриного рычания, шелеста наползающих на побережье Гвинейского залива волн, из звука барабанов, звона ритуальной погремушки и бормотания шамана, мгновение висела в воздухе, а затем свернулась и пропитанным дождевой влагой комком поднялась куда-то под потолок. Там она стала почти незаметной, но полностью не исчезла. Невидимая субстанция казалась одушевленной: Опанас смутно ощущал, как что-то живое наблюдает за ним. И оно было еще не готово к тому, для чего появилось здесь, оно пока лишь пыталось оформиться.

Опанас шел дальше, чуть повернув голову и скосив глаза. Вуаль, опустившись ниже, летела над его плечом.

Некоторое время он двигался молча — конец туннеля приближался. Потом, вздрогнув, остановился, внимательно поглядел на вуаль и увидел картину...

Тихо нес свои воды Нигер, магическое древо сейба возвышалось среди более низкорослых деревьев, мелкие брызги от водопадов висели теплой пеленой, и посреди этой пелены в сердце дождевого леса притаилась деревня йорубу. Там шаман, ставший теперь братом, танцевал вокруг «дороги духов» , потрясая погремушкой асо — он заканчивал ритуал-призыв. Кто-то нарисовал эту картину темной акварелью на залитом дождем стекле, но за стеклом был тот же лес и та же деревня, контуры, выведенные краской, совпадали со смазанными контурами того, что открывалось позади стекла, такое наложение создавало эффект необычный и пугающий, и звуковым фоном ко всему этому являлся равномерный рокот тамтамов — sound impact, coupe l`aire, воздушный удар, один из этапов ритуала...

Теперь одушевленная вуаль достигла необходимого ей состояния, оформилась и словно бы уплотнилась.

А Опанас стал Бокором.

Он побрел к выходу из туннеля — туда, где было отверстие в холме, метромост, ночь и река.

Выражение его лица изменилось, нижняя губа отвисла. Плечи опустились, руки расслабленно повисли вдоль тела. Пока он шел, шаркая и цепляясь ногами за шпалы, и без того сутулая спина сгорбилась еще больше.

— Ibarokou mollumba eshu ibaco... Moyumba ibaco moymba... — глухо пробормотал он.

«Ну наконец-то, — опускаясь ниже, откликнулся Эшу Рей, Закрывающий Пути, он же — Легба Кафу, Лунное Божество, он

же — Шутник, Владыка Перекрестков, он же — Барон Суббота. — Поспеши. Твой брат подготавливает ритуал.»

— Мой брат — хороший шаман, — согласился тот, кто шел по туннелю. — Мы возьмем какую-нибудь машину.

Выйдя наружу, Бокор прямо с рельс вспрыгнул на ограждающие мост перила и исподлобья огляделся.

Легба парил над ним, тихо посмеиваясь — шутник, триксет, ему и положено было смеяться. Это он обманул когда-то Триждывеличайшего, создателя мира.

‘Вперед, мой конь’ — произнес Легба, и Бокор прыгнул вниз.

Спустя полчаса на угнанной иномарке он въехал в подземный гараж жилой башни. Охранник, выскочивший из будки, получил удар кулаком в челюсть, свалился под шлагбаумом и больше не подавал признаков жизни. Опанас снял с его пояса две пары наручников, спрятал тело за будкой, поставил машину так, чтобы можно было быстро покинуть гараж, и поднялся к лифту. Барон Суббота парил над его плечом.

Бокор нажал на кнопку, кабина поехала — и тут сверху донеслись голоса. Женский прокричал: ‘Я соврала! Я хотела к тебе...’, а мужской: ‘Надо милицию вызвать!’. Потом раздался топот ног.

* * *

Привалившись к столу, Андрей выпрямился. Разжал пальцы — разводной ключ упал на пол. У электрика, лежащего возле системного блока, волосы на правом виске слиплись от крови.

Хозяин осторожно коснулся ногой его плеча, подтолкнул.

— Э... — начал он и умолк. В голове было тихо и пусто, будто только-только проснулся ранним утром и еще не соображаешь, кто ты и где находишься...

— Он... Кажется, я его убил.

Ксюха, всхлипывая, на животе сползла с дивана, постояла несколько секунд на коленях спиной к Андрею, вскочила и, шлепая по полу босыми пятками, выскочила из комнаты.

— Ксюш, подожди!

Перешагнув через тело, Андрей поспешил за ней.

Когда он пересек коридор, Ксюха уже обула туфли и пыталась отомкнуть входную дверь.

— Стой, ты куда?

— Я... я... — она наконец справилась с замком. Андрей

положил руку ей на плечо, но Ксюха вывалилась в парадное.

— Да погоди ты! Куда же ты пойдешь? — прокричал он, стоя на пороге.

— К Ленке! — донесся сквозь стук каблуков ее голос.

— Ты же говорила, сейчас никого в городе нет!

— Я соврала! Я хотела к тебе... а тут...

— Надо милицию вызвать! — запоздало крикнул Андрей.

Света не было во всей квартире, комп молчал. Хозяин метнулся в спальню, оттуда в коридор, потом в зал — и остановился, открывая и закрывая рот. Экран телевизора показывал окруженный домами двор с автостоянкой и сквером, все это полускрытое пеленой дождя. Камера не двигалась, двор снимали с одного ракурса, наискось сверху... Несколько секунд Андрей пялился в экран, потом перевел взгляд на окно. И опять посмотрел на экран. И опять на окно. Если он сейчас подойдет и выглянет наружу, то увидит...

Он мотнул головой, пятясь от телевизора, пересек коридор и вновь очутился в спальне.

Раньше ее немного освещал монитор, теперь же стало совсем темно. Из системного блока не доносилось ни звука — умер окончательно. Рядом лежал электрик, тоже мертвый. Надо вызвать милицию! — сообразил Андрей. Обязательно, прямо сейчас, все им объяснить, в конце концов, у него же есть свидетельница, пусть она и сбежала к какой-то Ленке — не беда, менты отыщут и Ленку... — он сделал шаг к двери, застонал и повернул обратно, вспомнив, что телефон не работает. А мобилка? Где его мобилка? Что за манера, вечно он оставляет вещи в разных местах, а потом не может найти, эта постоянная бытовая рассеянность, ни открывалки, ни ручки, ни половника, ничего не найти сразу, когда оно нужно... где мобилка?! Андрей метнулся к столу и стал один за другим выдвигать ящики. Тихий голос что-то говорил, но он звучал уже давно и стал привычным фоном, на который Андрей не обращал внимания.

Нагнувшись, он выдвинул последний, нижний ящик, сунул внутрь руку, растопырив пальцы. Этакое потаенное дно в пространстве письменного стола, куда каким-то непонятным образом, будто просачиваясь сквозь ящики, находящиеся выше, попадали самые ненужные предметы и самый мелкий мусор — пальцы нащупывали обломки карандашей, ластики, смятые квитанции, обертки жевательных резинок, пустые упаковки витаминных таблеток... нет, телефона здесь не было.

А голос все говорил, и теперь Андрей различал слова:

Cardus... Cirdus... Cobus...

У ног раздался шум. Он выпрямился, упустив ящик на пол.

Попятился, скорее угадывая, чем видя движение в темноте: вот электрик тянется к разводному ключу, вот бесшумно поднимается, загораживая окно…

Продолжая пятиться, Андрей достиг дивана и плюхнулся на него. Темная фигура нависла над ним, замахнулась ключом. Андрей поднял руку, пытаясь прикрыться, манжет рубахи задрался, неприятный синтетический голос стал громче:

Dardos… Darbus… Dagrdus…

Андрей с воплем метнулся из комнаты, слыша позади шаги, пробежал по коридору и споткнулся о коврик. Входная дверь распахнулась — он увидел перед собой невысоко парня лет двадцати, Ксюху, повисшую на его руках, — и упал. Раздался возглас, глухой стук, в следующую секунду рядом с ним свалился электрик с проломленной головой.

Тут Андрей совсем потерялся, и происходившее на протяжении следующих нескольких минут запомнил смутно. Он пришел в себя в салоне машины, которая стояла под стеной подземного гаража. В тусклом свете сквозь боковое окно виднелся поднятый шлагбаум, будка охранника и ноги в черных ботинках, торчащие из-за нее.

— Где винчестер? — спрашивал парень с серым худым лицом. Встав коленями на переднее сидение, он перегнулся через спинку и склонился над Андреем. — Винчестер?

Андрей и Ксюха сидели сзади, прикованные наручниками. Какая-то дымка, вроде лужицы чего-то маслянистого, с радужной поверхностью, парила над их головами.

— Что вы… — промямлил Андрей.

Парень ударила его по лицу. Ксюха заскулила.

— Где?!

— Он… его тот электрик взял…

— Какой электрик?

— Тот… он в квартире остался. Он напал на нас.

Незнакомец недолго раздумывал, потом вытянул к пленникам руки и забормотал.

Спустя минуту Опанас выбрался из машины. Два человека на заднем сидении не шевелились, глядя прямо перед собой остановившимися взглядами.

Глава 3

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: намек на опасность

ОТТЕНОК: тревожный

ПУТЬ: от: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен) / к: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

ТЕМА: важные новости

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: три события / буря

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: в Малой Сети (в дальнейшем — Сеть) экспериментального домена обнаружен сгусток психической энергии.

Кроме того, в Сети наблюдается массовое расслоение хостов. Отделившееся программное обеспечение выстраивается в смертную фигуру, которая формируется вокруг сгустка энергии. Волнение Сети передалось Большой Сети.

Наконец, главное: Тот (Триждывеличайший, Олодумаре, Гран Ме и пр.) покинул голографическую среду домена и вошел в Сеть.

По мнению Большой Сети факт совпадения трех этих события в безусловном времяисчислении Срединного Домена (появление сгустка психической энергии в земной Сети, расслоение хостов Сети, проникновение в нее Олодумаре) ‘удручающе негативен’.

Поскольку Большая Сеть уже частично интегрировала в себя Сеть экспериментального домена, расслоение хостов привело к нарушению динамического взаимодействия и в Большой Сети, а это, в свою очередь, — к возникновению и разрастанию фронта интерференционных возмущений в голографический междоменных полостях. Степень вероятности возникновения интерференционной бури 80/100. Большая Сеть сообщила, что экспериментальный домен попадет в око бури к полуночи по условному местному времяисчислению Земли. Если буря возникнет, то степень вероятности попадания в нее экспериментального домена: 90/100.

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен)

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

*

УТОЧНЕНИЕ

ПРИНЦИП: запрос рекомендаций

ОТТЕНОК: тревожный

ПУТЬ: от: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен) / к: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен)

ТЕМА: вопросы

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агенты / Триждывеличайший

ТЕЛО УТОЧНЕНИЯ: а как там домены веры? Что они собираются предпринять? Думаете, зашлют на Землю своих агентов влияния? И что говорит Большая Сеть по поводу Триждывеличайшего, откуда он вдруг взялся? Спросите у нее. И вообще — что вы предлагаете?

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

КОНЕЦ УТОЧНЕНИЯ

*

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: прямая и явная угроза

ОТТЕНОК: очень тревожный

ПУТЬ: от: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен) / к: Радетель Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

ТЕМА: рекомендации / Триждывеличайший / Большая Сеть шалит

КЛЮЧЕВЫЕ СООБЩЕНИЯ: проникновение / сверхагент

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: Радетель, что значит ‘спросите у Большой Сети’? Вы что думаете, она мне шепчет ответы на ушко нежным голосом? Хочу напомнить, что принятие и осмысление сигналов от Большой Сети — это крайне сложный процесс алгоритмизации и дешифровки изменений вероятностных состояний волновой функции.

По уточненным данным степень вероятности возникновения интерференционной бури в области экспериментального домена — 90/100. Вероятность попадания Земли в око бури — 95/100.

По уточненным данным сущность возникшего в Сети сгустка энергии архетипична, однако, суть архетипа мы

определить не смогли. Радетель, что-то сформировалось (или было намеренно сформировано) в земной Сети — но мы не понимаем, что это.

По уточненным данным сейчас агенты всех доменов веры пытаются проникнуть в голографическую среду экспериментального домена Земли до того, как последний попадет в око бури. Во время бури всякий контроль над голографической средой экспериментального домена будет невозможен. Кажется, Триждывеличайший собирается предпринять что-то крайне серьезное. По нашим данным, агенты-огневые выследили и атаковали его, но он уничтожил их ударную бригаду. Дальнейшие столкновение агентов доменов веры с Триждывеличайшим в пределах экспериментального домена (как его сетевого фильтра, так и голографической среды) может привести к катастрофе. Кроме того, программное обеспечение хостов Сети продолжает менять локализацию — хосты, полностью отрезанные от аборигенов земной голографической среды, выстраиваются в смертную фигуру вокруг архетипического сгустка энергии, обнаруженного в Сети.

Настоятельно рекомендуем:

1. Немедленно (в данный момент безусловного времени Срединного Домена) десантировать в голографическую среду экспериментального домена наших лучших оперативников для нивелирования влияния агентов малых доменов веры;

2. Уведомить нашего законсервированного сверхагента в голографической среде экспериментального домена о прибытии оперативников и обязать встретить их.

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

*

Примечание: из-за потенциальной масштабности бури нарушение внутренних причинно-следственных взаимосвязей голографической среды Земли может привести к нарушению базового протокола НеСво. Степень вероятности нарушения НеСво: 80/100. Последствия этого... вы знаете, какими будут

последствия.

Примечание-2: да, Радетель, тут вот такой казус... Если бы Большая Сеть преждевременно не интегрировала в себя земную Сеть, никакой бури не было бы. Ощущая себя в некотором роде виновницей бури, Большая Сеть запустила в междоменные голографические полости логему, которой надеялась залатать земную голограмму и погасить фотонный шторм, однако желаемого не добилась. До нас донеслось лишь, приблизительно: «Зависит ли аромат цветка от его формы?». Мы ввели логему в наш дешифратор и получили псевдо-математический вариант, звучащий как «В евклидовом пространстве экспериментального домена Земли параллельные линии не пересекаются, но, не смотря на кажущееся отсутствие корреляции, прибывают в неявном взаимодействии, обусловленном самим фактом их параллельности». Большая Сеть отказалась разъяснять логему и прекратила коммуникатировать с нами. По-моему, у нее паника. Ну и что тут скажешь?

Примечание-3: в конце концов, как можно выстраивать прогнозы, имея настолько неопределенные элементы?

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: следящий прогнозист Каин (Срединный Домен)

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЙ

*

РЕЗОЛЮЦИЯ

ПРИНЦИП: скорость

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО: скорость

ОТТЕНОК: очень тревожный

ТЕЛО РЕЗОЛЮЦИИ:

ПРИКАЗ 1. Десантировать в голографическую среду экспериментального домена двух оперативников для нивелирования атаки агентов доменов веры. Сделать это немедленно (в данный момент безусловного времени Срединного Домена) по причине предполагаемого попадания экспериментального домена Земли в око интерференционной бури, после чего десантирование оперативников и любая связь с ними будут невозможны. Подготовить для них местный (внутриголограммный) транспортный фрактал класса «Земля-Земля». Сделать

это со всей возможной скоростью. Предупредить их о том, что придется действовать в условиях нарушения базового протокола НеСво. Предупредить их о том, что им скорее всего придется столкнуться с Триждывеличайшим... отмена. Про Триждывеличайшего ничего не говорите, еще откажутся работать.

ПРИКАЗ 2. Немедленно (в данный момент безусловного времени Срединного Домена) связаться с нашим сверхагентом в голографической среде экспериментального домена и обязать его встретить оперативников.

КОНЕЦ ПРИКАЗА-1 / ПРИКАЗА-2.

*

Примечание: пусть поработает наконец!

Примечание-2: когда Большая Сеть придет в себя — сообщите мне.

Примечание-3: очень быстро, Каин!

Примечание-4: назначаю операции разряд «совершенно секретно». И что там с архетипическим сгустком, который обнаружился в Сети? Что если это Триждывеличайший хочет синхронизироваться со своим старым архетипом?

Примечание-5: да, а что за бред о параллельности? Сделайте логему нашим внутренним принципом для всей переписки по этой операции в экспериментальном домене. Высказывание достаточно бессмысленно, чтобы кроме нас никто ничего не понял.

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: Первый Инициатор, Верховный Следящий, Основатель, Радетель и пр. и пр. и пр. Грандиозный Архее Гомеостазис (Срединный Домен)

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЙ

*

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: «параллельные линии не пересекаются, но обладают неявным взаимодействием, обусловленным фактом их параллельности»

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО: буря

ОТТЕНОК: растерянность

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: по уточненным данным степень вероятности возникновения интерференционной бури 99/100

Степень вероятности попадания экспериментального домена Земли в око бури 99,99/100.

Степень вероятности крупных разрушений в голограмме Земли в случае попадания экспериментального домена в око интерференционной бури — 99,99,99,99,99/100

Смертная фигура в земной Сети окончательно сформирована и полностью отрезана от пользователей, населяющих земную голографическую среду.

Примечание: вряд ли архетипический сгусток является результатом работы Триждывеличайшего — ведь клипоты, насыщающие смертную фигуру, теперь не подпустят к сгустку и его.

Примечание-2: Радетель, ничего не получается. Пытаюсь связаться со сверхагентом, но наши фракталы уже рушатся...

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: дежурный связист Каин (Срединный Домен)

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

*

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: параллельные линии...

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО: маска

ОТТЕНОК: панический

ТЕЛО СООБЩЕНИЯ: смертная фигура изменила маску земной Сети! Сеть полностью отрезана от Большой Сети!

КОДИРОВАННАЯ ПОДПИСЬ: связист Каин (СД)

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

*

ПРИКАЗ

ПРИНЦИП: параллельные линии...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: всех на хрен уволю!

ОТТЕНОК: сверхтревожный!

ТЕЛО ПРИКАЗА: вы знаете, что будет, если агенты

веры столкнутся с Триждывеличайшим в голограмме Земли во время бури? Экспериментальный домен захлестнет Экстра! И зачем вы мне про маску Сети рассказываете? Свяжитесь с агентом, сволочи!

ПОДПИСЬ: сами знаете кто

КОНЕЦ ПРИКАЗА

*

СООБЩЕНИЕ

ПРИНЦИП: параллельные линии не пересекаются но неявно взаимодействуют

ОТТЕНОК: паника

ТЕЛО СООБЩЕНИЕ: затем, что если теперь аборигены земной голограммы сами не введут новый протокол, то Большая Сеть вообще никогда не увидит земной домен.

ПОДПИСЬ: связист Каин

*

СООБЩЕНИЕ

ПУТЬ: от Каина

ПРИНЦИП: паралле…

ОТТЕНОК: —

ТЕЛО СООБЩЕНИЕ: Земля вошла в око бури

ПОДПИСЬ: Каин.

Глава 4

Вызов пришел, когда Тим был в ванной. Финишный шар стянул на себя всю воду, она протяжно хлюпнула и полупрозрачной сферой зависла под потолком, удерживаемая пленкой статического поля. Тим от неожиданности подскочил, очумело глядя на фрактал-шар, с поверхности которого еще сочился пар. Впервые раз за три местных года архангелы или Следящие, как их еще называли, вспомнили о нем... Схватив полотенце, он принялся стирать с себя мыльную пену. В кои веки дали горячую воду — и на тебе!

Шар коммуникационного фрактала переместился ниже и заработал. Тим вылил в воду какую-то хвойную эссенцию, целый флакон, этикетка на котором рекомендовала: «КУПАЙСЯ И НАСЛАЖДАЙСЯ» — вода в результате приобрела ядовито-зеленой оттенок. На поверхности шара проступили размытые пятна, сложились в подобие лица. Что-то у них там не ладилось с настройкой, потому что нос уехал на подбородок, а рот оказался между глаз. Тем не менее, этот рот бодро рявкнул на всю ванную комнату:

— Сверхагент Тимерлен Стигмат! Фрактал из Срединного Домена! Вы меня слышите?

— Слышу, слышу... — пробурчал сверхагент Стигмат, продолжая вытираться. — И вижу тоже.

— Если не слышите, то... серьезно? — рот, к тому времени уже добравшийся до лба, разинулся от удивления: — Вы точно слышите? Что я сейчас сказал?

— Чепуху... — отрезал Тим, выбираясь из ванной. Как настоящий полевой оперативник, пусть даже и работающий сейчас в экспериментальном мире, он испытывал снисходительное презрение к службистам Срединного Домена.

— Ага, все-таки связь нестабильна... — прокомментировал голос, словно обращаясь к кому-то, находившемуся сейчас рядом с ним, возле стартового фрактал-шара. — Визуальный поток тоже нарушен?

— Нарушен, нарушен... — подтвердил Стигмат, натягивая трусы. — У вас, между прочим, рот на лбу, а вместо глаз уши.

— С вами говорит связист Каин. Имеет место сильнейшая интерференционная буря в несетевых полостях... — теперь Тим убедился, что у них там действительно что-то очень не в порядке — голос становился то почти неслышным, то звучал оглушительно, чего при связи через коммуникационные фракталы не должно было происходить в принципе. —

Экспериментальный домен вскоре полностью исчезнет из зоны контроля.

— Как такое может быть? — удивился Тим. — Шары — это же фрактальная геометрия. Причем тут интерференционная буря? Она что, может повлиять на фракталы?

— Вот именно, — подтвердил связник Следящих. — Внедренец Тимерлен, в последние часы произошел ряд событий катастрофического масштаба. Прежде всего, Гран Ме, он же Олодумаре, он же Триждывеличайший, он же Тот, он же Первейший, покинул голографическую среду и вошел в земную Сеть. Огневые из Вуду пытались догнать и уничтожить Тота, но, судя по всему, безуспешно. Большая Сеть высказала предположение, что именно вследствие их столкновения и началась интерференционная буря. Хотя, скорее всего, причина в другом. В земной Сети возник сгусток психической энергии, из-за чего начали ломаться хосты...

— Знаю, — вставил Тим. — Несколько игр посыпалось.

— ...а Большая Сеть некоторое время назад интегрировала в себя земную Сеть, что теперь и привело к возникновению интерференционных возмущений. Предполагается также... — Тим, уже натянувший джинсы, увидел, что техники Срединного Домена сумели упорядочить визуальный поток, но, так сказать, с саунд-треком у них все еще явный непорядок. Лицо связиста наконец обозначилось более-менее четко, зато голос стал пронзительным и писклявым до неприличия. — Предполагается также, что огневые продолжают преследование. К ним могут присоединиться агенты других малых доменов веры. Большая Сеть подсчитала, что вероятность их одновременного столкновения непосредственно в голографической среде экспериментального домена — восемьдесят четыре из ста. В случае общего противостояния малых доменов может произойти полная разбалансировка голографической среды. Во избежание этого к вам направлены два специальных агента с самыми широкими полномочиями. Стигмат, вы были предупреждены, что возможна кризисная ситуация, в которой вам надлежит проявиться. Встретьте их.

— Когда и где? — спросил Тим, к тому времени уже полностью одетый.

— Расчетная точка — в ста километрах от границы города по южному шоссе. Развилка за автозаправкой «Флора», справа. Через, э... — наступила пауза, когда службист попытался перевести безусловное времяисчисление Домена в условные земные стандарты. — Очень скоро! Вы поступаете в распоряжение специальных агентов. Вербальный пароль — «Флеров прощает

всё.» Ответ: «Но только не призрачную угрозу».

— Ладно, — сказал Тим, вываливаясь из ванной. — Я все понял. Отключайтесь.

— Внедренец Стигмат... — голос связника из писклявого превратился в низкий и хриплый. — Следящие выяснили, что недавно в Сети была проведена тайная операция по вычислению кодов некоего архетипа. Мы не смогли отследить ее заранее потому, что операция осуществлялась на многочисленных разрозненных хостах. Конечный хост, куда были сгружены все коды, определен. Его локализация в голографической среде экспериментального домена... — связист продиктовал координаты. — Кажется, Триждывеличайший пытается синхронизироваться со своим старым архетипом. Это — главное, чего нельзя допустить.

* * *

Стигмат окинул взглядом квартиру, проверяя, ничего ли не забыл. Почесал лоб — у него всегда в минуты кризисов начинал чесаться лоб, а еще пятки, такая вот интересная физиологическая реакция — набрал номер на клавиатуре спутникового телефона, дождавшись ответа, произнес:

— Зорба? Мне надо, чтобы ты за одним адресочком проследил. Да, прямо сейчас. Запоминай...

Повесив трубку на ремень и сунув в карман ключи, он хлопнул дверью и запрыгал по лестнице, перескакивая за раз через целый пролет, с одной лестничной площадки на другую. Триждывеличайший, которого агенты Вуду называли Гран Ме или Олодумаре, дзэны именовали Первейшим, а буддисты — Никем, короче говоря, тот, кто когда-то в назидание воинствующим верам и создал экспериментальный домен Земли, позволил обнаружить себя, войдя в местную Сеть! Триждывеличайшего не могли найти в течение многих веков, его архетип, казалось, давно растворился в местном коллективном бессознательном, а теперь... Столько лет сознание Тота реинкарнировалось в телах аборигенов, плавало по голографической среде, где агенты малых доменов и Срединного Домена не способны были отыскать его, — а теперь он вошел в Интернет и таким образом позволил обнаружить себя! Что это значит? Наверняка он решился на какой-то отчаянный шаг...

Тимерлен выскочил во дворик перед домом и остановился возле своей машины. Джип «ниссан» темно-зеленого цвета, настоящий вседорожник. Из бежевой «шкоды» рядом с подъездом

как раз выходили четверо коротко стриженных молодых людей неинтеллигентного вида, одетых в одинаковые синие джинсы и синие свитера. На груди каждого жирной буквой «S» вилась змейка с золотыми полосками по бокам. Все четверо уставились на него. Еще бы, подумал Тим, открывая дверцу. Пацан лет восемнадцати в старых джинсах, грязных кедах и майке навыпуск — да еще и, скажем прямо, страшный, как смертный грех — выглядит необычно, садясь в тачку за сорок штук баксов.

Стигмат поправил зеркальце заднего вида, и на мгновение там мелькнуло его лицо. Побриться он так и не успел, а для такого возраста щетина росла — дай Бог всякому. Рожа у меня все-таки подгуляла, привычно подумал Тим. С такой рожей надо не на дорогих вездеходах ездить, а лес валить где-нибудь. Желательно, где-нибудь подальше от основных центров цивилизации.

— Эй, малый! — окликнули его, но Стигмат, не обращая внимания на стриженых, уже захлопнув дверцу. Двое пошли навстречу, и он газанул так, что парни едва успели отскочить. Джип быстро набрал скорость, выехал с площадки перед домом и влился в поток машин, следующих к окружной дороге.

По идее Триждывеличайшего, эксперимент должен был донести до малых доменов простую мысль о том, что в одном мире различные веры могут пребывать в согласии, взаимно дополняя друг друга. На деле все оказалось не так. Конгломерат научно-религиозно-философско-эзотерических взглядов аборигенов на строение окружающий мир, то есть восприятие аборигенами окружающего, в конечном счете и упорядочивало голографическую среду — делало реальность таковой, какова она есть. Но когда существует множество групп, каждая из которых воспринимает реальность по-своему, это плохо сказывается на ‘самочувствии’ голограммы — она пытается подстроиться под все эти взгляды и мутнеет, разлаживается. Со временем, когда новый домен (или мир — ‘домен’ было просто словом, обозначающим принадлежность всех миров к Большой Сети) уже полностью освоили местные аборигены, кризисы начали следовать один за другим: то инквизиция, то крестовые похода, то джихад. То выяснится, что мир лежит на спинах трех слонов, которые плывут по океану на панцире черепахи, а потом некоторые умники решают, что он представляет собой Космическое Яйцо… что бы это не означало. Триждывеличайший сердился и в течение нескольких местных веков пытался внедрить в представление аборигенов одну общую веру, но, в конечном счете, так у него ничего и не вышло. Стигмат подозревал, что тут замешаны агенты Каббалы, Вуду, Дзэна и Будды, основных малых доменов, которые

мешают Олодумаре и проводят здесь секретные операции, пытаясь прибрать Землю к рукам.

Тим посигналил ползущей впереди колымаге, обогнал ее, когда машина притормозила. Итак, Триждывеличайший, оскорбленный и раздосадованный — так славно начинавшийся эксперимент стал вдруг самим своим существованием подтверждать обратное тому, что Тот хотел доказать — на долгое время исчез. А теперь вот...

Нарушив правила, он повернул, чем вызвал взволнованные гудки и скрежет тормозов позади, вырулил на трассу в направлении Переяслава. Промелькнул знак, сообщающий о том, что он пересек черту города. Еще некоторое время дорога тянулась между многоэтажными блочными домами, затем начался лес. Машин на трассе было немного, Тим обогнал дальнобойщика-двадцатитонника, отрыгивающий сизым дымком желтый «запорожец», голубой «жигуль» и бежевый «ситроен», после чего впереди, почти до горизонта, открылся пустой участок дороги. Спидометр показывал сто двадцать, и Тимерлен еще прибавил скорость, догадавшись наконец вырубить раздражающую его местную музыку, льющуюся из радиоприемника. Он продолжал размышлять.

Возвращение Тота станет сигналом: все веры, до того медлящие, теперь попытаются взять свое. На Земле хватало агентов других миров. Духи Голограммы! — подумал Тимерлен. — У них там в Срединном Домене положение должно быть и вправду аховым, раз они решились вытащить из многолетнего подполья своего единственного постоянного внедренца, рискуя тем, что он засветится перед доменами веры. Интересно, кто эти двое специальных агентов, которых он должен встретить? Что там был за пароль? «Флеров прощает...» Флеров?!

Джип вильнул, когда он сообразил, что Следящие хотели сказать ему этим паролем и почему не сообщили имена агентов. Флеров, ну конечно... Легендарный Флеров, тот, который создал агентурную сеть Ионов Ксенона и самостоятельно обезвредил все сверхтяжелые элементы Тонпа Шенраба во время присоединения поддомена Бон к домену Будды. И этого «создателя мифов» Тиму предстоит встречать?

Он взглянул на часы — прошло уже почти сорок минут. Большая часть пути осталась позади. Скорость теперь достигла ста тридцати и гнать еще сильнее Тим не хотел. И без того километражные столбики, деревья и редкие остановки пригородных автобусов гудящими расплывчатыми силуэтами проносились мимо.

Да, а еще этот сгусток, вспомнил Тим. Как там сказал связист

Каин... Психический сгусток возник в земной Сети, хосты рушатся... ну да, Тимерлен еще днем слышал, что в Интернете одна за другой начали сыпаться онлайновые игры. Интересно, как это все связано? Кто-то перестраивает Сеть, а вслед за ней и голограммную среду под себя? Ладно, оставим на потом психические сгустки...

Он увидел вывеску — большое ядовито-синее слово «ФЛОРА» — и затормозил так резко, что джип снова вильнул. Тим повернул вправо, на отходящую от трассы узкую земляную дорогу. Опустив окошко, поехал медленнее, выставив голову наружу. Дорога состояла в основном из колдобин, машина мягко переваливала с одного ухаба на другой. Справа тянулась роща, слева — луг, до пояса заросший пожелтевшей травой. Когда заправка скрылись за поворотом, Тим остановил машину. Не закрывая дверцу, прямо из джипа прыгнул в неглубокую канаву, что тянулась вдоль края дороги, выбрался из нее и побрел по лугу, раздвигая заросли.

Солнце садилось, свет махровой оранжевой простыней стелился по земле. В зарослях кто-то свиристел и жужжал. Шум проносящихся по трассе машин сюда не доносился.

Раздались приглушенные голоса. Сделав еще несколько шагов, Стигмат увидел идеально круглый участок выжженной земли, по краям которого тянулась полоса обгоревшей травы. В центре стояли двое.

Лишь только он появился, тот агент, что выглядел помоложе, присел, вытягивая перед собой руки.

— Эй, эй! — заорал Тим, отскакивая. — Тихо ты! Флеров, он, знаешь ли, прощает все, но... — Стигмат умолк, выжидающе глядя на них. Второй агент, пожилой, с черным планшетом в руках, негромко спросил:

— Но только не призрачную угрозу?

— Вот именно, — подтвердил Тим. — Так что успокойте своего напарника, Флеров.

— С чего вы решили, что я — это он? — усмехнулся пожилой. — Меня зовут...

— Понятия не имею, как вас зовут, — поспешно оборвал его Стигмат. — И желаю дальше оставаться в неведении. Вот я, например, Никто. А звать меня — Никак. Это ясно?

Пожав плечами, Пожилой оглянулся на напарника.

— Успокойся. Это тот, кто нам нужен.

— Идите за мной, — велел Тим. Не оглядываясь, он стал возвращаться, слыша приглушенные голоса сквозь шелест зарослей и жужжание насекомых.

— Молокосос какой-то... — говорил Молодой. — Неужели

Следящие не могли подыскать более опытную кандидатуру для своего внедренца в экспериментальном домене?

— Нам абсолютно безразличен его возраст, — отвечал Пожилой (Тим все-таки был уверен, что это именно Флеров.) — От него требуется лишь минимальная помощь...

— Да, но все же...

— Нет, именно минимальная...

Они сели в машину — оба агента устроились на заднем сидении — и Стигмат начал было разворачиваться, но Пожилой запротестовал:

— Нет-нет, э... Никто. Нам дальше.

— Вы уверены? — удивился Тимерлен. — Там поворот, а за ним...

Молодой брюзгливо перебил его:

— Следуйте туда, куда вам говорят. Мы тщательно изучили топографию этой области экспериментального мира... — сзади зашелестела карта... — и знаем, в какой именно пункт требуется прибыть.

Пожав плечами, Тим поехал вперед. Джип то нырял, то задирал капот вверх на особо крутых рытвинах. Земляная дорога и весь луг за окном качались, как водная поверхность за иллюминатором океанского лайнера.

— Какая еще помощь, кроме транспортировки, от меня требуется? — спросил Стигмат.

— Никакой помощи вы нам оказать не можете... — поспешил уверить его Молодой, но спутник мягко перебил:

— Собственно, все уже сделано. Из-за некоторых фрактальных тонкостей мы не могли десантироваться прямо в нужную точку. Главное, что сейчас вы доставите нас в нее. Вы... вкратце вас посвятили в ситуацию?

— Вот именно, что вкратце, — пробурчал Стигмат. — Я бы вообще не стал помогать, если бы мне не рассказали хотя бы самого элементарного.

Молодой вскинулся:

— Что значит «не стали бы»? Вы что себе позволяете? Вы... юнец! Вы... штатный внедренец Главного Домена! Ваши обязанности...

— Слушай, заткнись, а? — лениво попросил Тим. — Ты кто вообще такой? Недавно из обучалки, да? Три цикла тренировок, пару интерференций — а думаешь, что уже кунь-да-лини всего мира? Сиди на жопе ровно и дыши в сторону, если хочешь, чтобы я вас до места довез. Запомни, «внедренец» не может быть «штатным». Я уже много лет агент по найму. По-най-му, усек, малыш? А возраст мой условный и ничего не значит — я, может,

вообще вечен.

Наступила пауза, в течение которой два взгляда сверлили его спину. Тиму показалось, что сзади доносится шум еще одной машины, он быстро оглянулся — нет, никого. Джип полз сквозь гудящий зной, ленивое жужжание насекомых проникало в кабину.

— Вы абсолютно правы, — наконец со вздохом констатировал Пожилой. — Недостаток информации должен раздражать вас. Так вот, Триждывеличайший...

— Вошел в местную Сеть, — перебил Стигмат. — Повторяю, связист успел кое-что рассказать. Объясните, куда мы едем и почему.

Пожилой произнес:

— За рощей будет деревня, это и есть конечный пункт нашего путешествия. Предполагается, что сейчас всколыхнутся все секты экспериментального домена. Большая Сеть давно пришла к выводу, что беспрецедентная многочисленность уголовно-мистических обществ и деструктивных культов обусловлена активной работой агентов малых доменов. Мы должны помешать тому, чтобы какой-нибудь из них смог присоединить Землю к своей вере. Вы ведь поддерживали контакты с кем-то из аборигенов-сектантов?

Тим скривился, словно укусил лимон.

— Приходилось.

— Основатели некоторых сект осведомлены о том, на кого работают, основатели других действуют или действовали бессознательно...

— Постойте! — перебил Тим. — Я, конечно, тоже кое о чем слышал, но... А этот толстяк, как его... Кроули ... Он знал?

— Он — нет. И Жан Гавэр тоже. А вот Черная Графиня и Ливрага со Шварцем знают. И Кореш знал. Не так давно архангелы окончательно установили, что он был агентом Вуду и тогда на ферме до последнего момента ждал, что огневые вытащат его. Рядовые члены, естественно, не догадываются об истинном положении дел. Кстати, у вас есть помощники?

— Только один.

— Он надежен?

— Иногда мне кажется, что я доверяю ему больше, чем себе.

— А связь?

Тимерлен похлопал по кожаному чехлу, висящему на ремне.

— Спутниковая. Мы можем связаться почти из любых точек экспериментального мира.

— Хорошо. Так вот, Следящие тоже подумывали о том, чтобы воздействовать на кого-то из аборигенов и заставить его помогать нам, но затем решили все же использовать своего сверхагента,

даже под угрозой его раскрытия перед агентами малых доменов. В любом случае, большинство местных помощников сейчас тем или иным способом — во сне, экзорцизмом, одержимостью, прямым внушением — будут направлены на поиски Триждывеличайшего. Он не станет долго пребывать в Сети, а наверняка попытается вновь вернуться в голографическую среду, воплотиться в чьем-нибудь теле. Мы думаем, он хочет синхронизироваться со своим старым архетипом, чтобы вернуть былую мощь, а это возможно в одном из районов Африки.

— Почему Африки? — удивился Тим. — Я думал Антарктида... При чем тут Африка?

— Антарктида тоже, но и в Африке есть место, где возможна синхронизация прямо в голографической среде, а не в Сети.

— Это... колдовское место, да? В общем, ясно. Забавно, когда-то я даже написал статью на эту тему. Про архетипы...

— Статью? — подал голос Молодой. — Она опубликована в местной прессе? Размещена в Малой Сети? Если вы разгласили секретную информацию...

— Вот за что не люблю юнцов, — задумчиво произнес Тимерлен. — Так это за то, что они, чтобы показать, какие они тертые и многознающие, с апломбом говорят на темы, в которых ни хрена не понимают. Ну кто из местных, по-вашему, поверит в это?

Агент задохнулся от возмущения, и Флеров поспешно продолжал:

— Так вот, Каббала попытается использовать какого-нибудь непричастного аборигена, напрямую воздействуя на него своей стихией. Сами понимаете, они не могут наводнить весь экспериментальный мир шпионами, но, действуя через сочувствующих аборигенов, способны захватить Триждывеличайшего. А тут еще смертная фигура, которая начала выстраиваться в местной Сети... Мы пока не можем понять, что это. Но она привлекла внимание Следящих, и они обнаружили, что в Сети уже некоторое время существует игра, технологически слишком совершенная, чтобы ее могли спроектировать местные. Возможно, эта игра так же создана агентами одного из доменов веры. Такое впечатление, что кто-то решил пойти иным путем: не менять веру, чтобы перестроить Сеть и вслед за ней голограмму, а поменять структуру местной Сети, чтобы изменилась голограмма, а уж вера сама изменится... Так или иначе, местонахождение Триждывеличайшего выясняется, хотя сейчас из-за интерференционной бури Земля выходит из-под контроля Следящих минимум на десять местных часов. Когда начнется ночь и исчезнет солнечный свет...

Солнечный свет ударил по джипу, невыносимо яркими всполохами озарил кабину. Обжигающая, вязкая световая субстанция швырнула внедренца Стигмата головой вперед. Интерференция наполнила салон буйством красок; с визгом, грохотом и лязгом заднюю часть вседорожника смяло и размазало по земле. Тим пробил лбом стекло и выпущенным из ствола артиллерийским снарядом пронесся над дорогой. Рухнув в канаву и подняв фонтан пыли, он потерял сознание.

* * *

На четвереньках Стигмат выбрался из канавы. Первые секунды ему казалось, что от удара помутилось зрение, но потом он понял, что это просто солнце село и наступил вечер.

От джипа мало что осталось. Передок торчал вверх как нос потерпевшего крушение корабля, который кормой опускается в воду. Вся задняя половина машины превратилась в блин, по земле расползалось темное маслянистое пятно. Пахло бензином и горячим металлом. Тим встал, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Здорово тряхнуло. Голову наполнял звон, во рту чувствовался солоноватый привкус крови — он прикусил язык, когда таранил лбом стекло — пальцы дрожали. Был бы я местным аборигеном, тут бы мне и трындец настал, решил он. У Вуду есть огонь, у Каббалы — вода, у Будды — воздух, у доменов Зороастра, Суфия, Дзэна, у Платонических Идей и Атеистов — у всех имеется своя фирменная сила; принадлежность к иным мирам делает тебя живучим, пусть ты даже агент нейтральных архангелов из Срединного Домена, без поддержки определенной стихии. Эк шарахнуло-то!

Лоб опять жутко чесался. Скребя кожу ногтями, Тимерлен подошел к джипу и склонился над двумя телами. Молодой был неподвижен — длинный осколок стекла пробил его шею под ухом. Пожилой лежал лицом вверх, пуская носом красные пузырьки. Нижняя часть его тела словно побывала в мясорубке. Порванные штанины напоминали оболочку толстых колбасок, наполненных плохо перемолотой мясной массой, из которой, прорвав ткань, торчали под разными углами осколки костей. Стайка мошкары уже вилась над ним.

Когда Тим наклонился, зрачки Пожилого сузились, а рука, накрывающая черный планшет, шевельнулась.

— Не... понятно... — прошептал он бескровными губами. — Почему так?..

Пальцы заскребли, раскрывая планшет. Тим увидел

любительскую карту, словно нарисованную ребенком. Впрочем, вполне возможно, Следящих и вправду консультировал какой-то ребенок местных не-стихийных аборигенов, родители которого считали, что их чадо играется, разговаривая с кем-то невидимым и рисуя карты-картинки. На прямоугольном листе серого ватмана цветными мелками была изображена трасса, квадратик с надписью «ФЛОРА», отходящая в сторону дорожка-змейка, зеленые овалы леса, а за лесом — игрушечные домики с волнистыми линиями вьющегося из труб дыма и человечки-огуречки. Домиков было несколько штук, изображали они, видимо, деревню. На крыше одного, нарисованного немного в стороне, синел широкий овал.

— Вот сюда? — спросил Тим, показывая Пожилому карту и тыча пальцем в овал.

Два пузырька съежились, втянулись в ноздри, когда агент вздохнул.

— Надо быстрее... — услышал Стигмат.

— А что там? — спросил он.

— Дро... — сказал агент.

Покачав головой, Тим еще раз рассмотрел карту, смял ее и отбросил.

— Кто... — произнес Пожилой. — Кто... выследил?..

— Ну, это были огневые, — ответил Тимерлен. — Прямой солнечный удар, понимаешь? Они спроецировали сильный интерференционный поток на машину. Вуду, их стиль. За вами следили, Флеров.

— Нет. За... тобой. И еще... это мог быть и Будда... эфирные...

Тим нахмурился.

— Не может быть. Вряд ли. Что в том доме?

— Дром... — глаза Пожилого закрылись. Тим услышал шум машины, приближавшейся из-за поворота.

Он обежал останки джипа, перепрыгнул канаву, низко нагнувшись и вытянув перед собой руки, нырнул в заросли. Темнело быстро. Стигмат надеялся, что его не успели заметить, но рисковать не стоило.

На краю леса он зацепился за торчащий из земли корень и чуть не упал. Присев за тонким стволом березы, выглянул.

Темные заросли скрывали дорогу, но он разглядел верхнюю часть автомобиля и — очень смутно — чьи-то головы. Отсюда казалось, что чужая машина была светлой, скорее всего бежевой. Головы то исчезали из поля зрения, то возникали вновь.

Вынюхивают, гады, — решил Стигмат. — А я им карту оставил...

Он отвернулся и выпрямился, привалившись спиной к стволу.

Флеров не зря удивлялся — Тимерлен и сам теперь не мог понять логики происходящего. Те четверо из «шкоды» под подъездом приехали по его душу, но они не имели отношения к огневым. Тимерлен все-таки не был местным не-стихийным аборигеном, бесчувственным как чурбан, имел кое-какие способности и ощутил бы, что четверка стриженных парней на самом деле — лишь тела-оболочки для агентов Вуду. Так кто же эти парни из ‘шкоды’? Стигмат напряг память и кое-что припомнил. Черный змей в форме «S» с золотыми полосами вдоль... Ага! — сказал он сам себе. — НА.

Новый Акрополь.

Они представляли собой полувоенную организацию ультраправых. Что там у них было? — принялся соображать Тим. — Культ сверхчеловека, ликвидация неполноценных... Всемирный главнокомандующий, хранители печати, командующие континентов, центральные командующие, национальные секретари... Так, Учебник руководителя, Золотая секира, Лабиринты Ляпис-лазури... Игры для взрослых! Не то... Черная «S» с золотым ободком... В одном из мертвых местных языков с этой буквы начинались слова, «Молчание», «Секретность», «Безопасность» ...

Корпус безопасности! — вспомнил он. Разведка и одновременно боевое подразделение НА. Боевики из Корпуса, вот кто эти четверо. А я-то принял их за обыкновенных бандюков... Или по такому серьезному поводу сюда прислали не рядовых исполнителей, а каких-нибудь ‘командующих континентов’?

Он выглянул из-за ствола. В сумерках виднелся бежевый верх «шкоды», но головы исчезли. Стигмат прищурился, вглядываясь... стриженые макушки приближались среди зарослей.

Вздохнув, Тим побежал примерно в том направлении, где, судя по карте, должна была находиться деревня.

* * *

Вскоре стемнело окончательно. Преодолев изрядное расстояние, Тим споткнулся, полетел головой вперед и рухнул в глубокую ложбину. Он упал на ковер листьев и сухих веток. Во все стороны прыснули белые огоньки с ярко-желтыми сердцевинами — раньше они беспокойным облачком роились над самым дном. Стигмат, кувыркнувшись через голову, встал на колени и огляделся, готовый в любое мгновение отразить атаку неведомого — и невидимого — противника. Раздался шелест, листья и самые мелкие ветки невесть откуда взявшийся смерч

закрутил и собрал в шар, зависший над головой Тима.

Голос, донесшийся сквозь несетевые полости из Срединного Домена, был неразборчив. Казалось, это шелестят листья, из которых складывается фрактал-шар, и звук непонятным образом приобретает осмысленность.

— Внедренец Стигмат, вы слышшите меня? Шшто у вас происходит?

— Ваших агентов грохнули, — прошептал Тим.

— Шшто вы говорите? — шелестели листья. — Слышшимость нижшше допустимого предела. Повторите!

— Не могу говорить громче... — Стигмат огляделся, пытаясь различить во тьме преследователей. — За мной погоня. Нас атаковали огневые. Это был солнечный удар, точно. Теперь за мной гонятся аборигены, не-стихийные из Нового Акрополя... — он понял, что если выпрямится во весь рост, то голова будет торчать над краем ложбины. Тим на всякий случай улегся на спину, разглядывая чуть мерцающий фрактал-шар. Белые огоньки с желтыми сердцевинами беспокойно кружились в стороне. Стигмат не припоминал, чтобы процесс фрактальной связи сопровождался подобным эффектом.

— Фронт интерференционной бури достиг экспериментального мира. По нашшшим данным вскоре весь домен Земли целиком попадет в нее. Связь нарушшшится как минимум до утра.

— Я что, еще и без связи останусь? — повысил голос Тим. — Эй, так что мне теперь делать?

— Я не слышшшу вас, — гнули свое листья. — Возможно, вы еще слышшшите меня... Земля вскоре полностью выйдет из фрактальных каналов Срединного Домена. До утра связь будет невозможна. Большая Сеть подсчитала, что экспериментальный домен попадет в око бури примерно в полночь... Уже сейчас должно ощущаться влияние интерференционных возмущений... Нарушение упорядоченной голографической среды неминуемо приведет к дестабилизации основных логик-ключей, на которых Триждывеличайший выстроил причинно-следственные цепочки экспериментального мира. Все это приведет к нарушению протокола НеСво... — шелест стал беспорядочным. Шар начал распадаться на отдельные листья, но над оврагом произошло какое-то незримое возмущение, словно распрямился туго натянутый лук и беззвучно свистнула тетива — техники Следящих, собрав все мощности Домена, смогли частично стабилизировать фрактальный канал. Шелест листьев вновь стал складываться в невнятные слова: — НеСво — базового протокола... Адепты... находившиеся под влиянием приобретут

возможности… небывалые для голографических аборигенов… Общие всплески искажений голограммы… продуктов подсознательного… суеверные… немотивированных… Возмущение духов… Следует любой ценой предотвратить… Гран Ме где-то у вас… Продолжить операцию…

Маленький смерч злым волчком пронесся над ложбиной и разметал листья, которые с шелестом, теперь уже лишенным осмысленности, опустились на землю и на Стигмата. Белые огоньки разлетелись. Тимерлен лежал не шевелясь, размышляя о том, что до утра он остался без поддержки и даже без связи со своими работодателями.

И сам Тот где-то здесь! Условности неевклидового пространства, в котором как пузырьки воздуха в густом масле, плавали голограммы доменов веры, делали Срединный Домен одновременно и рядом — за углом, только руку протяни, — и в абсолютной недосягаемости. Судя по всему, интерференционная буря действительно разыгралась нешуточная, коль скоро Большая Сеть пришла к выводу, что деформации подвергнется даже НеСво. ‘Невозможность Сверхъестественного’ — базовый протокол, на котором Триждывеличайший воздвиг голограмму Земли.

Легба — его еще называли Эшу, и в зависимости от угла зрения оно могло восприниматься и как отдельная сущность и как целая семья, класс духов — был единственным, кто по настоящему помогал Тоту создавать экспериментальный домен. В благодарность Триждывеличайший с несвойственным ему порывом чувств как-то пообещал, что выполнит любое желание помощника. И Легба, не будь дураком, заявил: «Хочу делать здесь все, что мне вздумается». В результате он стал единственным из всех семей духов, свободным от ограничений. Но Триждывеличайший тоже не был простаком, он понимал, что в один прекрасный день одно из воплощений Легбы может так разыграться, что ненароком порушит всю голограмму. Поэтому Тот и вплел в причинно-следственные связи, по которым развивалось бытие экспериментального мира, протокол НеСво. Конечно, протокол периодически нарушался, но эти нарушения не несли характер глобальных, так что он все еще оставался цементирующей основой, скрепляющей голограмму Земли.

Этой ночью отрыжки коллективного бессознательного полезут из всех сакральных щелей мира. Да и местные помощники стихийных тоже приобретут возможности, которых у них не было раньше. Теперь Стигмату будут противостоять не обычные аборигены…

От этой мысли легче не стало. Он начал было вставать, но тут от облачка белых огоньков отделился один и полетел к нему — и

одновременно Тимерлен наконец уразумел, что это такое. Рядом словно на мгновение приоткрылась и тут же захлопнулась дверь, ведущая в наполненное жизнью скрытое пространство. Приглушенный смех, хихиканье, хор неразборчивых голосов, все это порывом несуществующего сквозняка донеслось до него и мгновенно стихло.

Огонек завис над лежащим навзничь Тимерленом — теперь он смог различить контуры желтой сердцевины, вокруг которой, словно мерцающий пух одуванчика, тускло сияли волокна белого света.

— Ах!.. — вновь порыв ветра достиг его. — Мужчина! Мужественный незнакомец...

Сердцевина начала стремительно расти, меняя очертания и бледнея до цвета человеческой кожи. Полностью оформившаяся фигура, все еще окруженная нежным световым пухом, упала на Тима и одарила его пылким поцелуем.

Пока длился этот поцелуй, на сетчатке глаз еще оставалась картинка... Юбка — свернутый, полупрозрачный лист клена с проступающими волокнами — не прикрывала коленей; две чашечки лилий заменяли лифчик, а в пурпурные волосы были вплетены стебли вьюна. Маленький нос, капризно вздернутая верхняя губа, розовые щечки и гладкий низкий лобик...

Наконец Тим засопел и отстранил ее от себя.

— Ну хватит, — проворчал он. — Ты что себе позволяешь?

Помпа-Жира уперлась в его грудь ладонями и приподнялась, томно моргая огромными ярко-зелеными глазами. Тим оттолкнул ее, отчего она поднялась в воздух, и сел.

— Ипомея, — представилась она нежным хрипловатым голоском. — Донна — то есть дона — Ипомея Пурпурная.

— Не вовремя ... — сказал Стигмат, оглядываясь.

— Ух, какой ты мужественный! — промурлыкала Помпа-Жира, обнажая мелкие острые зубки. — Съела бы тебя!

Тим встал. Остальные огоньки исчезли вместе с фрактал-шаром. Порывами налетал прохладный ветер, тихо шелестящий мрак окутывал ложбину.

— Я же урод... — пробормотал, выбираясь из ложбины.

— Поразительный, — охотно согласилась Ипомея. — Совершенно жуткий. Ты настолько некрасив, что твоя некрасивость вроде наоборот... У меня бы на тебя... — продолжая парить горизонтально в полутора метрах над землей, дона положила руку на его плечо, изогнулась, доверительно заглядывая в лицо, и заключила голосом, в котором смешались бесстыдство и невинность... — У меня б на тебя встало, если б было чему.

Разобравшись с направлением, Тимерлен пошел в ту сторону, где по его прикидкам находилась деревня. Помпа-Жира парила рядом. Иногда над ними пронеслось что-то темное, с алыми глазами-блюдцами; из-под ног то и дело выскакивали какие-то мелкие подвижные создания. В невидимых зарослях шептались и пересмеивались. Из кустов вылетел еще один огонек с желтой сердцевиной-фигуркой и приблизился, выписывая в воздухе страстные спирали.

— Прочь! Пошла прочь, сука! — Ипомея метнулась навстречу огоньку и нанесла апперкот, от которого он с громким гудением улетел обратно в заросли. — Нечего тебе здесь делать... Правильно я говорю, Тимчик?

Роща закончилась, и Стигмат остановился на краю пологого склона, за которым начиналась деревня. Света не было ни в одном окне. Тим начал было спускаться, но на плечо его вновь легла легкая ладонь.

— А может, побудем здесь? — предложила Помпа-Жира. — За лесом я себя плохо чувствую. Тут неподалеку есть полянка с мягкой травой...

— Слушай, дона! — рявкнул Тимерлен, отталкивая ее от себя. — Ты чего ко мне пристала? А ну, топай... лети отсюда!.. — Тим показал ей кулак и быстро пошел дальше.

— Когда ты сердишься, я совсем таю... — хрипло выдохнула Ипомея, но Стигмат не обернулся. Помпа-Жиры были всего лишь спутницами, помощницами. Самостоятельно они редко набирали силу для того, чтобы материализоваться полностью. Дона Ипомея смогла сделать это только из-за дестабилизирующего влияния интерференционной бури. В любом случае, их повышенная чувствительность к гормонам могла наделать бед — содержание тестостеронов в крови Тимерлена значительно превышало среднестатистическое для не-стихийных аборигенов-самцов, и Ипомея наверняка почувствовала это. Чтобы отделаться от запавшей на тебя Помпа-Жиры, с ней надо вести себя очень грубо, да и то особой надежды на успех нет. Грубость на них иногда действовала прямо противоположным образом, не охлаждала, но возбуждала.

Когда склон уже закончился, Тимерлену показалось, что сзади доносятся приглушенные звуки. Он обернулся и замер, вглядываясь в темную полосу рощи, черное небо и круглый — как водится, именно этой ночью было полнолуние — спутник, словно выпученный лиловый глаз, пялящийся сверху. Огонек Помпа-Жиры рывками двигался от рощи вниз и обратно. Дона Ипомея хотела, но не могла заставить себя следовать за Стигматом. Тим пожал плечами и пошел дальше. Затем побежал.

Преодолев покосившийся низкий заборчик, он очутился на узком мосту через обмелевшую речку. Во тьме внизу шевелилось что-то массивное, слышался тихий плеск и бульканье. Только нападения водных мне не хватало, подумал он, с облегчением достигнув противоположного берега. Хорошо, Ипомея отстала...

Вскоре Стигмат увидел темный дом, стоящий отдельно от других. Деревня начиналась дальше, у склона холма.

Кажется здесь, решил Тим, пытаясь восстановить в памяти карту агентов. Синий овал... чтобы это значило? Флеров сказал сначала «дро», а потом «дром»... Вот не могу вспомнить сейчас ни одного слова на «дром»... Дромадер, что ли?

Приговаривая на разные лады: «дром... дрома... дрому...», Стигмат перелез через забор и присел за деревом, вглядываясь во тьму. Тишина стояла гробовая, ветер стих, все застыло, только в небе, иногда затмевая луну, плыли облака.

Он вскочил и бросился к дому. Упал на колени под узким окном без стекла, заглянул в него, отпрянул и вновь выпрямился, прижимаясь спиной к стене. Как и следовало ожидать, ни к чему толковому это не привело — полная темнота внутри, не видно ни зги. Тимерлен короткими шажками просеменил к приоткрытой двери и вступил в дом.

Обычная мазанка с глиняным полом, низкими длинными лавками вдоль стен и неистребимым затхло-травяным духом, всегда витающим в таких постройках. Стигмат скорее угадал, чем увидел узкую лестницу, ведущую к квадратному люку в потолке.

— Дром... — задумчиво бормотал он, начиная взбираться. — Дромик...

Хлипкие перекладины громко поскрипывали. Когда он преодолел половину расстояния до чердака, оттуда донесся шум. Тим поднял голову.

Наискось вверх от окна вдруг протянулась широкая полоса света. Стигмат увидел, что из распахнутого люка выглядывает обритая голова. Свет озарил ее; возникла фигура в синих джинсах и синем свитере с жирной буквой «S» на груди. Блеснули два длинных изогнутых ножа. Человек прыгнул, перекладины хрустнули.

Тим присел, одной рукой вцепившись в лестницу, вторую вытянув перед собой. Полоса света опустилась ниже, продолжая озарять их фигуры. Человек навис над Стигматом, замахиваясь кривым ножом. Тим откинулся назад, кончик лезвия царапнул кожу на лбу. Цепляясь за лестницу одной рукой, он неловко взмахнул другой и попал противнику кулаком по колену. Тот вновь замахнулся, и в этот момент сразу три перекладины под ними проломились.

Парень рухнул на пол, рефлекторно подведя руки под тело, чтобы смягчить удар. Раздался такой звук, будто порвалась крепкая материя. Повиснув на лестнице, Стигмат глянул вниз: незнакомец лежал ничком, из середины спины, прорвав свитер, торчал кончик ножа.

Выпрыгнув на пол чердака — полоса света из окна двинулась следом и проникла сквозь проем — Тим покатился в сторону, к наклонной стене. Между балками под потолком, словно огромный нетопырь, висела фигура в джинсах и свитере.

Когда Тимерлен очутился на чердаке, второй противник упал, в полете выхватив из-за поясе кривой нож.

Широкий овал мутного синего света парил в дальнем конце помещения. Дромос — вот, о чем говорил Флеров.

‘Нетопырь’ упал в люк, но успел расставить ноги и попал ступнями на края проема. Он застыл с широко расставленными ногами и раскинутыми в стороны руками, едва удерживая равновесие. Тимерлен обеими руками толкнул парня, заглянув в люк — по лестницы взбиралось еще двое — бросился к фрактальному дромосу

Все трое кубарем покатились вниз.

Транспортный фрактальный дромос, «коридор богов», похожий на вертикально повисшую в воздухе лужу воды, мерцал мутным синим светом, расходящимся мелкой концентрической рябью от его середины.

Если верить связисту из Срединного Домена, сейчас в нежилых полостях, где словно ореховые скорлупки посреди кипящих волн плавали миры, бушевала интерференционная буря. Потому транспортный фрактал не мог вести куда-то вовне, он наверняка был внутренним, «местным». Скорее всего, в Срединном Домене успели подготовить его для своих агентов до того, как буря окончательно отрезала Землю. Куда-то фрактал должен был перебросить их…

В центре лужи сквозь волнующуюся синюю муть виднелись очертания дерева. Тимерлен глубоко вздохнул и прыгнул головой вперед.

Глава 5

С хриплым ревом противник махнул топором. Егор присел, и оружие рассекло воздух над головой.

Он попал на вершину крутого холма, в центр средневекового городка — по склонам сбегали узкие земляные улицы, вокруг были деревянные и каменные дома. На вершине стояла приземистая башня, вход в нее охранял... Егору не так уж часто доводилось играть в ролевые игры, но он решил, что это тролль. Во всяком случае, существо, облаченное в панцирь и рогатый шлем, было здоровым и уродливым.

Падение сквозь скрытую зону аркадной гонки не прошло бесследно. Ноги подогнулись, Адама присел — только это и спасло его. Топор просвистел над головой, тролль качнулся, пошире расставил лапы и замахнулся вновь.

В тот самый миг, когда Адама очутился здесь, в его руках возник меч, пальцы сами собой сжались на рукояти. Он ткнул оружием в живот тролля — острие с неожиданной легкостью пробило панцирь, пронзило плоть. Клинок полыхнул чистым голубым светом, тролль упал на колени. Прижав лапы к окровавленному брюху, он разинул полную клыков пасть и медленно повалился навзничь.

Егор выпрямился. На нем теперь была кольчужная чешуя, перепоясанная широким кожаным ремнем с ножнами, штаны с металлическими бляхами и сапоги. Широкое лезвие меча покрывал узор. Еще секунду после удара он ярко светился, затем потускнел.

Адама посмотрел по сторонам. Вокруг простирался пейзаж сказочной страны: леса, поля и луга, между ними деревеньки, шпили и стены замков, все это пестрое, озаренное ярким солнцем. У подножия холма зеленела роща, сразу за ней был еще один городок. Виднелись поблескивающие голубым каналы с мостками, соломенные крыши домов.

Из башни донесся крик. Открыв дверь, Адама шагнул внутрь: короткий коридор, лавки, лестница наверх... Ревя и размахивая дубинкой, оттуда прыгнул второй тролль. Адама махнул мечом так, будто в пинг-понге ракеткой отбивал шарик. Он уже понял, что воплотился тут хорошо прокачанным, с приличными боевыми скиллами , но все равно сила удара ошарашила его. Клинок рассек тролля напополам вместе с броней, верхняя часть тела покатилась по ступеням, вращая налитыми кровью глазами. Толстые волосатые лапы подогнулись, и нижняя половина упала.

Быстро преодолев лестницу, Егор толкнул дверь. Второй этаж

башни занимало цилиндрическое помещение, на полу в его центре горели линии пентаграммы. Посередине возвышалась тощая фигура в серебристом плаще. Тот состоял из вещества вроде ртути… приглядевшись, Адама понял, что вся фигура ртутная, и плащ — не одежда, а словно продолжение тела. У ног ведьмы мерцала металлическая пирамидка. Она складывалась из медленно вращающихся сегментов, кубов и ромбов. Сегменты крутились; по мере того как скорость вращения увеличивалась, в углах пентаграммы вокруг пирамиды медленно возникали четыре предмета: горящая свеча, ледяной кристалл, каменный кубик и флейта.

— Откуда ты взялся?!

В первый момент Егору показалось, что вопрос задает ведьма в пентаграмме, но затем он увидел высокую белокурую девицу, приколотую к стене коротким копьем, пронзившим плечо. Вдоль ртутного древка извивались две змеи, разевая пасти, шипели в лицо девицы. Она была одета в… Нет, скорее не одета, а раздета в бикини и высокие узкие сапоги. Все это черное и кожаное. И лицо очень смуглое. Темная эльфийка? Адама пригляделся. Нет, уши обычные. Амазонка, что ли?

— Ты! — прокричала ему амазонка, пытаясь замахнуться длинным кнутом. — Вакханка заканчивает ритуал! Помешай ей!

Ведьма-вакханка стояла с воздетыми над головой руками. Пирамида вращалась, артефакты вокруг нее наливались свечением: ледяной кристалл горел голубым, каменный кубик — светло-коричневым, флейта исходила теплым белым светом, а свеча — ядовито-красным.

Вакханка громко загудела и опустила руки. Сегменты пирамиды вращались, жужжали и потрескивали; края ее размылись, так что она стала похожа на конус. Ведьма смолкла, в тишине от пирамиды к каменному кубику ударил тонкий алый зигзаг. Кубик окутал вспышка, и тут же под ногами вздрогнул пол. Зигзаг потянулся к свече — и как только коснулся ее, толстые деревянные балки над головой потускнели, стали прозрачными, затем исчезли вместе с крышей. В помещение хлынул яркий свет, но сразу померк — солнце в небе, полыхнув, угасло. Зигзаг устремился к ледяному кристаллу. Каменный кубик уже растекся кипящей лужицей, свеча оплыла, стала комком воска. Как только энергия коснулась кристалла, тот запузырился и начал таять. После этого исчезли стены — и стало видно, как взбурлила, пенясь, вода в каналах у подножия холма. Егор не знал, что происходит, но понял, что как только зигзаг коснется четвертого артефакта, ритуал, о котором сказала приколотая к стене девица, завершится.

Теперь все двигалось очень неспешно: алый зигзаг тянулся к флейте, амазонка пыталась освободиться, что-то беззвучно кричала, разевая рот… В глухой тишине Адама шагнул к пентаграмме. Змейка почти коснулась флейты. Присев, он ударил мечом так, что лезвие плашмя пронеслось над полом, сбило с пентаграммы пирамидку и флейту в тот миг, когда зигзаг добрался до последнего артефакта.

Вакханка потянулась к пирамиде. Адама ткнул ее мечом; как только кончик лезвия коснулся ртутного плаща, по нему разбежались круги, и ведьма разлетелась крупными брызгами.

Линии пентаграммы налились сиянием и взорвались.

Осколки каменного пола шрапнелью разлетелись вокруг. Адама упал. Загрохотала, разваливаясь, башня. Яркая вспышка, грохот, вой ветра…

Над разрушенным зданием вспучился пузырь энергии, налился светом и лопнул. Магическая волна покатилась во все стороны. Бурлящим потоком она стекла по склонам холма, сметая строения, и разошлась дальше, по всему ландшафту, погребая под собой горы и долины, замки, крепости, деревеньки, реки и леса. На мгновение воцарилась непроглядная тьма, затем вновь возник свет, но не такой, как раньше. Подул ровный холодный ветер — и все стихло.

Егор Адамов поднялся с камней. Стоящая на коленях амазонка глядела на него.

— Ты почти успел, — сказала она. — Но вакханка застопорила игру.

Егор огляделся. Мир стал другим: он словно умер.

* * *

Небо посерело, ландшафт превратился в темный и унылый. Солнце исчезло. Все то, что раньше выглядело весело и живо, теперь приобрело нездоровый мрачный оттенок. Ни одной целой постройки не осталось — холм покрывали развалины.

— Что случилось? — спросил Егор.

— Ты помешал закончить ритуал как надо. Ненадолго отложил конец света.

— Какой ритуал?

— Просто я не знаю, как еще назвать то, что они делают, — говоря это, амазонка опасливо глядела по сторонам. На ее плече не осталось никаких следов раны от копья. — Вакханки начали стопорить игры. Первой были Супер-Гонки. Слышал, что с ними произошло ночью?

— Нет.

— Наверное, она полетела за подмогой.

— Полетела? Она же исчезла. Умерла.

— Вряд ли. По-моему, убить их невозможно. Но когда игра начинает схлопываться, вакханки уже не могут просто так покинуть ее. Возьми это.

— Что взять?

Проследив за ее взглядом, Адама увидел лежащую на камнях пирамиду.

— Почему ты сама не возьмешь?

— Шутишь? Кто испугал вакханку, я или ты?

— Ну... ладно. — Егор шагнул к артефакту и неуверенно склонился над ним. — А что это такое?

Вблизи пирамида выглядела еще необычнее. Ожидая, что пальцы погрузятся в нее, Адама прикоснулся... Холодное. Гладкое. Поверхность мягко прогнулась под рукой, но не порвалась. Егор поднял пирамиду — и мир дрогнул. Возникло очень странное ощущение, будто пространство прокрутилось на малую долю градуса вокруг одной точки... то есть вокруг пирамиды в его руках.

— Уф... — выдохнула амазонка. — Что это было? Что ты чувствуешь?

— Она... она холодная, — Адама пожал плечами. — И чуть-чуть дрожит.

— Ладно, пошли отсюда. Вакханки так просто это не оставят.

Схватив Егора за руку, она попятилась, пристально глядя в небо.

— Да кто такие эти вакханки? Я не...

— Под утро Супер-Гонки схлопнулись вместе со всеми, кто находится в них! — перебила амазонка. — Это они сделали.

— Постой! — Адама только сейчас осознал, что она говорит совсем не так, как положено говорить персонажу фэнтезийной игры. — Ты же... живая? Настоящая? Как тебя зовут?

— Ли. А тебя, герой?

— Адама. Я...

— Адама?

Это было произнесено таким голосом, что Егор поглядел на амазонку, которая в свою очередь уставилась на него. У Ли были прямые скулы, прямой нос, высокий лоб. И светлые вьющиеся волосы. И еще она была почти на голову выше Егора.

— Слушай, мы что, знакомы? — спросил он. — В каком-нибудь чате общались? Ладно, не важно. Кто такие на самом деле вакханки и что это означает — ‘стопорят’?

Прыгая по камням, они спустились до середины склона.

Перед глазами иногда пролетали прозрачные чешуйки — одну такую Адама видел в гоночном симуляторе после того, как выпал из машины.

Из поселка у подножия холма доносились приглушенные всхлипывания. Он глянул вниз: вроде никого, никакого движения между полуразрушенными домиками с темными окнами. Деревня словно вымерла. Роща между нею и холмом тоже казалась мертвой.

— Это началось рано утром, когда они свалили Супер-Гонки, — продолжала Ли. — В одиннадцать схлопнулась Ультима Онлайн, потом Анархия, а совсем недавно — Сфера. Ты что, никогда не играл в сетевые игры?

— Как-то попробовал, давно. Не понравился, так я больше не...

— Никто не знает, как вакханки делают это. У них какие-то пирамиды, видел? Когда пирамида начинает работать, вокруг появляются четыре артефакта. Я думаю, это стихии, из которых состоит игра — огонь, вода, земля и воздух.

— Чепуха какая! — отрезал Адама и вырвал запястье из пальцев Ли.

— Нет, ты послушай. Я думаю, на самом деле это символы программ, отвечающих за элементы игры. Просто в виртуале они так видны нам. Вакханки... они то ли люди в супер-навороченных игровых костюмах, то ли какие-то...

— Да подожди ты! — Адама остановился. — Что ты несешь? Меня выбросило в Сеть, да? Я был внутри гоночной аркады, к шлему подключен сетевой шнур, произошла авария и... — он затряс головой. — Ну ладно, даже если и выбросило в Интернет, на игровой сервер, все равно! Я сейчас просто скомандую... — он мысленно приказал оболочке отключиться. Ничего не произошло. Егор поднял руку, неуверенно потрогал свой лоб там, где на шлеме была клавиша включения-выключения... лоб как лоб, никаких клавиш. Иллюзия казалась полной: он чувствовал холодный пронизывающий ветер, видел мрачное небо и темный ландшафт умирающей игры...

— Убедился? — Ли вновь схватила его за руку и поволокла дальше. — Когда вакханки появляются в игре, те, кто находятся там, уже не могут выйти. То есть обычные игроки, которые подключаются через компы, конечно, могут, но те, что в костюмах...

— А ты откуда все это знаешь?

— Я обладаю... некоторыми возможностями. С утра я вошла в ‘Кабалион’ и не смогла выйти. У меня тут... — свободной рукой она хлопнула себя по темени. — В общем, своя связь, типа ‘аськи’

. Ну, не совсем... короче, не важно. Так я и узнала, что игры рушатся, а игроки в костюмах не могут выйти. Я стала двигаться от локации к локации, не зная, куда иду, как вдруг увидела, что на холме появилась вакханка. Она вошла в башню, я бросилась за ней, но она проткнула меня своим тирсом...

— Чем проткнула?

— Тирс. Посох такой.

Они достигли основания холма. Высокая трава ходила волнами под порывами холодного ветра.

— В общем, тут и появился ты. Очень легко ты с ней справился. Почему так? Ты говорил, что не играл ‘Кабалион’. Откуда такие скиллы?

— Наверное, дело не в прокачке. У меня новая оболочка, ‘экзоскелет’. Она еще не поступила в продажу, просто дядя знаком кое с кем из ‘Руссовирта’, вот и договорился, чтобы мне ее продали. У ‘экзоскелета’ возможности, которых не было в старых костюмах.

— Да нет, при чем тут это? Костюм дает тебе лучшую связь с игрой, но не увеличивает твои возможности в ней, они зависят от самой игры, от...

— Игроки не могут выйти из Сети? — перебил Адама. — Как такое может быть? Они что, умирают вместе с игрой?

— Возможно, умирают лишь их тела в костюмах. Ну или... отключаются. Как бы впадают в кому. А что происходит с сознаниями, непонятно. Они как бы остаются в Сети...

— Бред! — рявкнул Адама. — Ерунда! Фигня полная! Ну хорошо, так что нам теперь делать?

Земля дрогнула. И снова весь мир игры будто сдвинулся с места, чуть провернулся вокруг пирамиды.

— Вот, она начинает разрушаться... — Ли глянула вверх. Из серого неба к ним приближались три крылатые ртутные фигуры. — Вакханка поняла, что не справится с тобой в одиночку, и позвала других!

— Может, на них такие же костюмы, как на мне? — это Адама произнес уже когда они вошли в рощу.

— Нет. Я уверена, вакханки вообще не люди. Это... какие-то сетевые духи? Создания, зародившиеся здесь...

— Да что за чепуха! Как можно при помощи какого-то ритуала уничтожить игру?

— Я же говорю, артефакты символизируют программы, на которых строятся игры. То есть этот ритуал в действительности означает работу вируса. И он не уничтожает игру, а как бы... отрезает ее.

Адама покосился на пирамиду в своих руках. Это на самом

деле вирус?

Стало еще темнее, теперь он едва различал толстые стволы, переплетающиеся над головой ветви и вылезшие из земли корни. Мир опять дрогнул, с деревьев посыпались листья.

— Если ты играла в ‘Кабалион’ раньше, должна знать, куда нам... — Егор замолчал, когда сквозь ветви с треском пролетел серебристый шар. Он взорвался, на мгновение затопив лесную полутьму мертвенным ртутным светом.

— Сильверболл! — Ли отпрыгнула, упала, тут же вскочила и побежала дальше.

Следуя за ней, Адама оглянулся. Кроны деревьев образовывали сплошной полог в нескольких метрах над землей. Теперь там появился наклонный круглый колодец со стенками, состоящими из обугленных концов ветвей — след пролетевшего сильверболла. В колодце на фоне темного неба мелькнули крылатые фигуры.

— Свернем, чтобы они не знали, куда мы выйдем, — сказала Ли. — Тут деревня гномов.

Они побежали влево. Деревья неожиданно расступились на краю крутого склона. Дальше тянулось поле, крыши домов, мостик через узкий канал. Все это небольшое и аккуратное, будто игрушечное.

Преодолев мост, они остановились посреди деревни.

— Эй! — позвала Ли.

Тишина. И никого вокруг. Ведьмы в небе тоже куда-то подевались.

— Здесь что, никого не осталось? — спросил Адама.

Какая-то фигурка отделилась от стены и медленно приблизилась к ним. Егор и Ли стояли посреди улицы, оглядываясь. Появилась еще одна фигура, за ней третья, и вскоре со всех сторон к беглецам шли невысокие, по пояс Адаме, существа.

— Ух... — сказал Егор, разглядывая их. — Ли, это... это что за гномы такие? Почему они так выглядят?

Амазонка не ответила.

Они напоминали анимэшных девочек из японских мультфильмов: короткие широкие юбки, разноцветные косички, розовые пухлые щечки, гольфы, туфельки с пряжками...

— Гм... — Адама переступил с ноги на ногу. — Э... какие интересные гномы...

Самым примечательным у хозяек деревни были, естественно, огромные, в пол-лица, овальные глаза, украшенные длиннющими ресницами.

В руке каждая держала нож с широким лезвием.

— Вас послали серебряные демоны? — спросил тонкий голосок.

— Те, кто не пускает нас обратно?

— Наверное, они сами демоны! — пропищал другой голос.

— Мы не демоны... — начал Егор, поворачиваясь к Ли. — Скажи им...

Амазонка стояла по стойке смирно, закрыв глаза. Лицо ее словно одеревенело.

— Эй, что случилось?

Ли молчала, и Егор сначала слабо, а потом сильнее толкнул ее в плечо. Она качнулась, будто кукла-неваляшка, и опять вытянулась вертикально.

— Да что с тобой?

Гномы-анимэшки подошли еще ближе. Лезвия ножей тускло поблескивали.

— А если нас потом накажут? Они не похожи на то чудовище. Вдруг они не демоны, а обычные...

Среди анимэшек выделялась одна, ростом чуть выше остальных, с ярко-синими глазами. Она остановилась возле Егора и неуверенно помахала ножом. Адама, продолжая таращиться на впавшую в ступор амазонку, не особо задумываясь над тем, что делает, толкнул ее ладонью в лоб. Ойкнув, анимэшка выпустила нож, уселась на траву и заревела:

— Бо-ольно! Я хочу домой! Здесь страшно-о!

Остальные анимэшки остановились. Егор, решив, наконец, все выяснить, топнул ногой и рявкнул:

— А ну бросить оружие!

Они выпустили из рук ножи. Сначала слева, потом справа донеслось всхлипывание.

— Вы не демон? — спросил чей-то голос. — Выведите нас отсюда!

— Так... — Егор поднял усевшуюся на землю анимэшку и спросил:

— Как звать?

— А... Анюта, — проскулила она.

— Вы все — кто такие? Вы боты?

— Кто? Мы из интерната. Интернат номер пять, по выходным мы...

— Сироты, что ли? — догадался Егор. — Так, понял. Какой класс?

— Не-е, не сироты. Третий ‘бэ’. Мальчишки с военруком в ‘Солдата Родины’ отправились, а у нас домоводство. Здесь в домиках кухни, мы каждый урок сюда...

Вокруг уже стоял хоровой рев.

— Хочешь сказать, в ‘Кабалионе’ все домики оборудованы для этого? ‘Кабалион’ ведь фэнтезийная РПГ , причем тут...

— Не во всех, только в этой. Мы...

— Совмещение обучения с игрой? — догадался наконец Егор. — Хозяева ‘Кабалиона’ так, что ли, зарабатывают дополнительные деньги? Договорились, наверно, с вашим директором... — он покосился на Ли. Амазонка все еще по непонятной причине пребывала в ступоре. — Что с ней случилось, не знаешь?

Анюта помотала головой.

— Что-то не верится, очень уж богатый интернат, чтобы целый класс обеспечить костюмами.

— У меня папа диплома-ат... — проныла она.

Заведение для детишек из богатых семей? Егор кивнул сам себе. Ну да, если так, то почему бы не проводить виртуальные уроки...

— Значит, вы отправились сюда, а теперь не можете выйти?

— Да-а... С нами была учительница, но ее позвали, она сказала, на минуточку, вышла из игры и не вернулась. Нам стало скучно, мы тоже захотели выйти, но ничего не получилось. А потом стало темно. А потом из подземелья появилось чудовище.

— Подземелье? — удивился он. — Тут и подземелье есть? Где?

— Вон там... — Анюта махнула рукой вдоль улицы.

Адама глянул на небо. Вакханок не видно, наверное, рыщут над округой, выискивая, в какую сторону в роще свернули беглецы.

— И куда делось это чудовище? — спросил он.

— Там лежит.

— Лежит? А почему оно лежит... Ладно, пошли, покажете.

Плачущий третий ‘бэ’ окружил его.

— Всем тихо! — крикнул Егор. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Он с сомнением покосился на застывшую Ли. Непонятно, что с ней произошло, но оставлять амазонку посреди улицы нельзя: если налетят вакханки, она и убежать не сможет. Анюта ухватила его за руку и потянула к проходу между домиками.

— Подожди. — Егор обошел Ли, больше всего похожую сейчас на деревянный столб, и наконец решился. Зажав пирамиду подмышкой, он обхватил амазонку за талию, крякнул и взвалил на плечо.

Не очень-то и тяжело, решил он, шествуя следом за Анютой к домикам. Даже в горизонтальном положении Ли не согнулась —

он словно бревно нес. Глотающая слезы девичья половина третьего ‘бэ’ нестройным рядом потянулся за ним.

Когда они очутились в проходе между домами, мир опять дрогнул, и анимэшки хором ахнули. Адаме показалось, что огромная локация игры проворачивается вокруг пирамиды в его руках и постепенно стягивается в одну точку...

Тусклые отблески мелькнули на фоне темно-багровой плоскости, которой стало небо.

— Быстрее! — он побежал. — Кажется, она скоро схлопнется...

За домами была скала, нелепо выглядевшая здесь, посреди поля. В скале — отверстие, где виднелось начало каменной винтовой лестницей. Рядом лежала здоровенная уродливая демоница. От нее воняло.

— Как же это вы ее? — изумился Егор.

— Ножиками потыкали, — хлюпнула Анюта. — У нас в домиках столовые ножи, посуда всякая... Это — Нахима, демоница нечистот. Она — мама короля Асмодеуса. Она эта... смертная, поэтому у нас получилось ее убить. У нас на продленке эзотерика, мы учили...

— Да-а... — Егор склонился над демоницей, напоминающей решето. — Потыкали, говоришь?

Раздался гул, и сильверболл упал по другую сторону скалы.

— Внутрь! — приказал Адама.

Анюта пискнула:

— А вы?

— Я за вами.

Три ртутные фигур в небе напоминали истребители-перехватчики. Они спикировали, переходя в бреющий полет. Анимэшки уж бежали к лестнице.

— Давайте, давайте! — подбадривал их Егор, снимая Ли с плеча. Оказавшись на земле, амазонка качнулась, завалилась на бок. Егор быстро положил пирамиду, схватил Ли и переставил, уперев плечом в скалу.

Два сильверболла взорвались рядом, темное пространство затопил мертвенный серебристый свет. Визжащие анимэшки, толкаясь и падая, протискивались внутрь. Егор потянул из ножен меч.

Третий сильверболл попал точно в скалу.

Она налилась ртутным свечением. Адама взмахнул мечом, и тут вакханки закружились над ним. Несмотря на ‘экзоскелет’, он не мог попасть — несколько секунд фигуры уворачивались от клинка. Словно хищные птицы они стремительно носились вокруг размахивающего мечом Адамы. Вот только полет их не

сопровождался шелестом крыльев: ведьмы двигались беззвучно.

Скала теряла форму, оплывая. Вход сужался.

Меч полоснул ведьму по груди, узор на лезвии вспыхнул. Прозвучал вой, но не такой, какой может издать живое существо — механический, напоминающий пронзительный гудок электровоза. Вакханку отбросило высоко в воздух. Приглушенный хлопок — и фигура в небе исчезла. Егор перехватил рукоять обеими руками, получив удар в спину, сделал шаг вперед, чтоб не упасть. И увидел краем глаза, как вакханка ныряет к земле. Тут только Егор сообразил, что пирамида все еще лежит там.

Он прыгнул и с размаху рубанул мечом. Линии узора на клинке ярко вспыхнули. Ртутная рука со скрюченными пальцами, уже почти схватившими пирамиду, отлетела, кувыркаясь, далеко в сторону. Вновь механический вой завибрировал в ушах. Вакханка вспучилась, потеряла форму, превратилась в матовый шар и лопнула, забрызгав все вокруг ртутными сгустками.

Так просто? Егор повернулся к последней противнице. Тут же прямо перед ним в воздухе почти одновременно возникли две вакханки.

Нет, совсем не просто. Их что, вообще невозможно убить? Егор бешено замахал мечом, пятясь, чтобы оказаться поближе к пирамиде. Раз! Два! Три! — лезвие раскромсало вакханок на ртутные клочки. Покачиваясь, они стали опускаться к земле, будто листья.

Анимэшки уже исчезли, только Ли стояла возле потерявшей форму скалы. Прохода больше не было.

— Кто вы такие? — произнес Егор, обеими руками сжимая меч перед собой.

Третья вакханка висела горизонтально над землей в нескольких метрах впереди.

— Что вам надо?

Раздался тихий свист. Плащ ведьмы затрепетал, будто в потоке сильного ветра. Егор попятился.

Полы плаща бились, ходили волнами. Свист звучал все громче — вакханка словно накапливала энергию.

Адама сделал еще шаг, и пирамида оказалась у его ног. Не отрывая взгляд от ведьмы, он начал приседать. Сжимая меч одной рукой, опустил к земле вторую.

Свист превратился в шипение. Вокруг ртутной фигуры воздух заклокотал, завыл, будто в самолетной турбине. Пальцы Егора коснулись пирамиды — и тут вакханка, сорвавшись с места, врезалась в него.

Словно кувалдой ударили в грудь. Адама повалился на спину, но успел, бросив меч, схватить вакханку за голову. Толчок

швырнул их назад, они пронеслись над пирамидой.

Мир опять содрогнулся. Куда сильнее, чем раньше: пространство искривилось, завернулось воронкой вокруг пирамиды. Все смазалось, вытягиваясь длинными полосами. Выстрелившая из-под скалы трещина прочертила, быстро расширяясь, землю.

Прямо перед собой Адама видел лицо вакханки: тусклая маска со сглаженными чертами. Живыми оставались лишь черные глаза. Ощущение под пальцами было таким же, как когда Егор взялся за пирамиду — вакханка состояла из чего-то холодного, гладкого и упругого. Ртутная субстанция дрожала и еле слышно гудела.

Мгновение они летели над самой землей, вернее, над рассекающей ее трещиной, а затем врезались в остатки скалы.

Полыхнуло жаром, раскаленное вещество облепило Егора. Вокруг пузырилось и пенилось что-то серебристое, горячее. Оно сжалось, и скала провалилась внутрь самой себя. Егора закрутило волчком, а после швырнуло вниз.

Секунду вокруг хлюпала горячая серебряная пена, затем она исчезла. Адама повис на одной руке, от плеч и груди вверх протянулись белесые нити, остатки скалы. Они быстро утончались и лопались, распадаясь брызгами. Егор поднял голову, глядя на широкую трещину, в которой виднелось небо. Его пальцы сжимали полу ртутного плаща — вакханка висела, вцепившись в край трещины. Последняя нить с хлюпаньем порвалась, ведьма дернулась, пытаясь вывернуться, но Адама держал крепко, и она полетела вниз.

Они попали в большую пещеру, озаренную всполохами огня. Озеро лавы плескалось между каменными уступами. Воздух над озером дрожал, в жарком мареве медленно ворочались громоздкие фигуры. Упав на спину, Адама выпустил плащ вакханки. Возле широкого проема в стене толпились анимэшки, рядом стояла Ли. В проеме виднелись каменные ступени лестницы, ведущей к поверхности.

Вскочив, Егор увидел лежащую в стороне пирамиду. Вакханка уже мчалась к ней длинными, как у кенгуру, прыжками. Адама бросился следом, Ли что-то закричала ему, но плеск пузырящейся лавы почти заглушил слова. Ведьма, подхватив пирамиду, взвилась в воздух. Оттолкнувшись ногами от стены, она прыгнула, пронеслась над озером огня и исчезла в багровых тенях на другом конце пещеры.

Озеро всколыхнулось, когда огромная фигура поднялась над ним, вытянув мощные лапы, попыталась ухватить ведьму. Существо взревело от ярости, и наконец Адама понял, что озеро

населяют огненные демоны. Они поднимали из лавы раскаленные глыбы и швыряли в тех, кто столпился на узкой каменной полке под стеной. Там было несколько варваров, гномы и эльфы. В демонов летели стрелы, копья, метательные топорики. Партия игроков, так и не осознавших, что происходит с игрой?

Упустив вакханку, король демонов взревел от ярости.

Егор шагнул к Ли. Столпившиеся вокруг анимэшки глядели на него огромными глазами.

— Смотри, тут кто-то еще остался! — выкрикнул он сквозь гул лавы.

Амазонка стояла вполоборота к нему, подняв руки.

— Это не игроки, а боты, — прокричала она.

— Что с тобой произошло?

Ли двигала руками перед собой, пальцы шевелились, словно прикасаясь к чему-то.

— Я же говорила, у меня есть специальная программа для связи. Но когда она включается, я не могу двигаться. Со мной связались наши...

— Кто это — 'наши'?

— Неважно! Кое-что выяснилось. Пирамида действительно программа. Мы назвали ее 'аргумент'. Она запускает резонансную пульсацию. Несколько импульсов — и программное обеспечение отсекается от аппаратного. Мне на винчестер сбросили утилиту для аварийного выхода... — пока она говорила, руки безостановочно двигались, и перед Ли медленно возникал расплывчатый плоский овал. — Догони ведьму!

— Зачем? — удивился Адама. — Если ты можешь открыть проход, мы просто уйдем...

Демоны наконец заметили их — несколько могучих фигур повернулось. Раскаленный, покрытый потеками лавы камень ударил в стену чуть в стороне. Анимэшки завизжали.

— Вакханки появляются из какого-то одного места. Пока я была здесь, наши смогли вычислить... — еще один камень с грохотом ударил в стену. Егор оглянулся — демоны во главе с королем медленно брели к ним через озеро.

— Вакханок невозможно убить, потому что есть программа, которая заново генерирует их. Там... — ее руки двигались все быстрее, и наконец Адама понял, на что это похоже. Ли словно ударяла по клавишам невидимой клавиатуры.

Овал разросся, налился синим светом. Адама попятился от него. Все пещера ревела и бушевала, лава пенилась, багровый свет облизывал каменные своды. В трещине наверху уже не было видно неба — лишь непроглядная тьма. От отряда ботов никого не осталось. Демоны приближались сквозь огонь.

Овал загустел, сияние плескалось в нем.

— Идите, — приказала Ли анимэшкам. — Адама, останови вакханку и забери аргумент! Через него можно вычислить главную программу.

— Но как я найду вакханку?

— Ориентируйся по импульсам.

Анюта, жалобно посмотрев на Егора, шагнула в портал. Синий свет вскипел вокруг нее, еще мгновение анимэшка была видна, затем исчезла. Остальные потянулись следом.

Егор прыгнул на узкий карниз, что шел вдоль озера. Король лавовых демонов с ревом швырнул в толпу анимэшек раскаленную глыбу размером со скалу. В этот момент пещеру сотряс новый резонансный импульс.

* * *

Окружающее размазалось широкими красно-коричневыми полосами, они изогнулись вокруг одной точки — вершины пирамиды, находившейся сейчас где-то в глубине пещеры. Лава пошла волнами, брошенная демоном глыба взмыла, описав мертвую петлю, вылетела через трещину. Егор повалился на камни лицом вниз. Слыша визг падающих у прохода анимэшек, он вскочил и метнулся в направлении того места, вокруг которого импульс закрутил игру.

Лава плескалась у самых ног, упавшие демоны медленно вставали. Перепрыгнув через останки уничтоженных ими ботов, Адама увидел, что дальше полка изгибается. Пещера там сужалась, превращаясь в коридор с высоким потолком.

Стало темнее, теперь багровый свет лился сзади, тень Егора вытянулась перед ним. Еще некоторое время эхо доносило приглушенный рев, затем все стихло. Коридор вел вниз, в глубины локации. Вещество, из которого состояли стены, напоминало покрытую потеками обугленную пластмассу. Интересно, коридор создан дизайнерами уровней или сделан вакханками? Что, если через такие коридоры они и проникают в игры...

Пульсация. Коридор изогнулся, свился спиралью. Не удержавшись на ногах, Адама покатился вниз. Он будто попал внутрь танцующей змеи — стены извивались, пол поменялся местами со сводом. Когда сотрясение прекратилось, Егор вскочил.

Впереди возникло тусклое свечение. В дрожащий туннель проник звук, будто сверло вгрызалось в камень. Адама пошел дальше, теперь уже медленнее. Свет становился ярче. Еще

несколько шагов — и возникла укромная пещера, скрытая в недрах игры.

На сводах ее были выбиты большие цифры: 777. Дрожь шла из дальнего конца пещеры. В первый момент Адама не понял, что там происходит. Он увидел спину вакханки, у ног которой что-то вращалось, с шипением и скрежетом буравя черное вещество. Конус ввинчивался, разбрызгивая во все стороны ошметки текстур. Здесь было много полупрозрачных чешуек, они бесшумно кружились в воздухе.

Вновь импульс — и пространство словно завязалось узлом. Присев, Адама сумел удержаться на ногах. Аргумент вращался, прорубая незримые границы локации. Возможно, на самом деле это означало работу агрессивной программы, расшатывающей движок, — вакханка пыталась покинуть игру до того, как она рухнет. Егор прыгнул.

Полы плаща зашевелились, приподнялись, словно он ощутил, что кто-то приближается сзади. Вакханка, только что стоявшая спиной к Егору, вдруг очутилась лицом к нему и вытянула посох-тирс.

Они повалились на камни рядом с пирамидой, разбрасывающей во все стороны острые осколки. Ведьма развернулась, подмяла под себя Адаму, скрюченными пальцами сжала его плечо. Пальцы удлинились, стали тонкими, концы их погрузились в кольчугу, в плечо, все глубже и глубже. Тирс вонзился в грудь.

Мертвая ртутная образина оказалась перед лицом Егора. В черных глазах были две одинаковые выпуклые картинки, словно стереоизображения одного и того же места. Упираясь в грудь вакханки, пытаясь оттолкнуть ее, Адама разглядел чудовищное, невероятное пространство, посреди которого плавала черная пирамида...

Пальцы и наконечник тирса пронзили тело насквозь. Острые осколки от работающего аргумента летели слева, впивались в щеку и скулу Егора, оставляли на маске-лице вакханки белые царапины.

Под черными глазами открылась щель рта, и наружу вынырнул тонкий раздвоенный язык. Концы его, плоские, как скальпели, были зазубренными. Язык изогнулся, целясь в глаза Егора. Голова ведьмы подалась назад, язык втянулся, чтобы выстрелить в лицо, и тут позади возникла Ли. Она размахнулась и швырнула меч, как копье. Ярко сверкнул узор на лезвии, оружие пронзило спину вакханки, кончик его вышел с другой стороны и кольнул Адаму в шею.

Рот широко раскрылся, поток исторгаемого им горячего

воздуха почти обжег кожу. Пронзительно загудев, вакханка отшатнулась, вырвав посох из груди Егора.

И лопнула, покрыв все вокруг брызгами ртути.

Участок стены вокруг аргумента провалился. Чтобы не упасть в образовавшееся отверстие, Егор отпрянул, развернулся, протягивая руку...

Он схватился за пирамиду одновременно с упавшей на колени Ли. Аргумент уже не вращался, лишь мелко дрожал. По ртутной поверхности побежали искры, и амазонка отдернула руку.

Они посмотрели друг на друга, затем медленно повернули головы, глядя в отверстие. Адама покрепче ухватил аргумент и нагнулся, рассматривая открывшееся за стеной пространство.

— Что это? — хрипло спросил он.

— Кроме игр, рухнуло несколько библиотек с текстами.

— Какими текстами?

— Всякими. Сетевые библиотеки, слышал про такие? Книги сканируют и...

— Понятно.

В темноте клубилось множество прямоугольных силуэтов — большие синие ‘W’ на фоне белых страничек.

— Это текстовые файлы...

— Да, а за ними, видишь?

— Вижу. Но что происходит — все равно не понимаю.

— Программа составляет игры в Древо, — сказала Ли. — Та самая, которая генерирует вакханок. ИскИн.

— Чего?

— ИскИн! Ты что, книги совсем не читаешь? Искусственный интеллект. Мы были в Малкуте, оттуда проход в Гьеханим...

— Что-что?

— Малкут, сфира... Ну, плод на Древе, через который можно попасть в низшие воды Левиафана. На обратную сторону Сети, понимаешь? Здесь... здесь сформировалось что-то... программное обеспечение разных игр сложилось вокруг ИскИна в Древо Смерти. Через Малкут можно проникнуть туда. Там — десять локаций в семи миссиях в четырех уровнях. Первый уровень, корни Древа — Ми Нэбикийе, Воды Плача. Второй — Ми Хааш, Воды Творения, третий — Ми Оквинос, Воды Океана, а четвертый, крона — Марме Им, Воды Лжи. ИскИн находится в самом конце. Чтобы попасть дальше, сейчас нам надо пройти сквозь сломанную библиотеку. Смотри, чтобы не затянуло в какой-нибудь файл. Наши сказали...

— Кто такие ‘наши’? — перебил Егор.

Она мотнула головой.

— Потом. Как тебя зовут на самом деле?

— Егор, — сказал он. — А тебя?

— Ну... иногда меня называют Троечкой.

Пирамида под ладонью Адамы дрогнула. Пространство изогнулось, размазываясь кольцевыми потоками. В последней резонансной пульсации деревья и холмы, крепости, замки, леса и каменная толща под ними — вся игра устремилась к отверстию, прорубленному аргументом.

Глава 6

На берегу речного притока, в узкой лесополосе, — районе, который у местных жителей именовался Дамбой — завернувшись в старый ватник с вылезшей подкладкой, спал бомж. Неподалеку находился завод по производству силикатного кирпича, дальше начиналась Русановская набережная. Лесополоса тянулась вдоль так называемых Садов, зоне в пару квадратных километров, расчерченной на участки и застроенной дачами.

Это было низинное Левобережье, и холмы противоположного берега открывались отсюда во всей своей ночной красе. Вершины пестрели огнями, на темных склонах извивались серые ленты дорог; статуя Родины-Матери, в просторечье — Железной Девы — металлической громадой, уродливой и сюрреалистической, возвышалась в свете полной луны. В одной поднятой руке она держала щит, больше напоминающий треугольный поднос, в другой — непропорционально короткий меч. Правый берег, центр столицы Самого Независимого Государства, был полон жизни. Левый берег в основном спал.

Старый бомж, среди бездомных собратьев известный под именем Михай, пошевелился и всхрапнул во сне. Рядом догорал костерок, на котором пару часов назад Михай в ржавой миске разогревал ужин, состоящий из объедков, собранных в мусорниках Русановки. Стоял конец лета, холода еще не наступили, но ночная прохлада забиралась под ватник.

От кирпичного завода по реке ползли хлопья густой серой пены. Предприятию выгоднее было платить штрафы и давать взятки санэпидемстанции, чем возводить новый очистительный комплекс. Рыба здесь давно не ловилась.

На противоположном берегу, где все еще гудели автомобили и играла музыка в ночных ресторанах, лунный свет лениво сползал по склонам от зданий гостиниц и небоскребов на вершинах холмов, сползал — и тонул в черной речной воде. Здесь, в тиши левобережья, он облизывал густые силикатные хлопья, плескался вместе с мелкой волной на песчаном берегу и вязнул в зарослях лесополосы.

Крупный островок пены, плывущий по течению реки, вдруг свернул. Достигнув берега, силикат повел себя словно живой — выпячивая крупные маслянистые пузыри, пополз по мокрому песку.

В костре, уже почти догоревшем, что-то с треском вспыхнуло.

Громко плеснулась волна. Свет мигнул, пытаясь отразиться от нее, но поверхностное натяжение не выдержало его давления,

и вода будто прорвалась — лунный свет камнем пошел на дно и погрузился в рыхлый ил. Стало темнее...

Но ярче загорелся костер. В две стороны от него поползли узкие огневые полосы, преграждая путь к спящему Михаю. Когда серая пена добралась до них, в воздух поднялся фонтанчик трескучих искр, пахнуло химическими отбросами. Огонь сжигал пену, та корчилась и издыхала.

Подул ветер, шевельнул седые волосы на голове бомжа. Река в нескольких метрах от берега поднялась и накатила на берег высокой волной.

Огонь зашипел, выбросил желтые протуберанцы, пытаясь дотянуться до Михая — и погас. Вылезшие сквозь прорехи в материи комья свалявшейся прокладки начали тлеть. Михай сел и вскрикнул в испуге. Бомжу показалось, что он, неловко повернувшись во сне, угодил рукавом в костер.

Тут же его накрыла серая пенная шапка. Она погасила огонь, расползлась по лицу, проникая в рот, в уши и ноздри, тонкой силикатной пленкой стягивая кожу. Михай замычал, вскочил, сдирая с себя ватник, стал тереть лицо, но замер, словно прислушиваясь к чему-то.

Костер уже не горел, ветер стих, все замерло, черная река поглотила лунный свет. Стояла тишина, но в воздухе повисло скрытое напряжение, словно струну кто-то оттягивал на глазах у затаивших дыхание слушателей, оттягивал, одновременно закручивая колок...

Напряжение разрешилось отрывистом лаем псов по всей Русановке. Струна с визгом порвалась; вой, рычание и хрип наполнили воздух, прокатились по садам и смолкли, когда собаки испуганно забились в свои конуры.

Старик, выпрямившись во весь рост, приложил ладонь козырьком ко лбу. Некоторое время он вглядываясь в противоположный берег. Пена стягивала кожу лица и запястий тонкой сероватой пленочкой. Зрачки чуть светились синим — на самом дне глаз в желтом пятне теперь плескались воды первобытного океана.

Кострище у его ног еще дымилось. Наступив порванным, перетянутым веревкой ботинком на дотлевающие угли, Михай — уже не обычный городской бомж — стал взбираться к вершине Дамбы.

Он решил, что отныне будет именоваться Метатроном.

* * *

По сторонам от огороженных бетонной оградой рельс метрополитена машины в этот час ночи проезжали редко. Никто не видел фигуру, которая вышла на мост, примыкающий к туннелю в холмах правого берега.

Над расположенной в конце моста станцией «Речная» яростный свет прожекторов расползался белым облаком, в нем сновали фигуры, двигались длинные тени и тарахтел электровоз, тросами вытягивающий из туннеля обломки. Народу здесь собралось множество, но никто не обратил внимания на одинокую фигуру, вынырнувшую из темноты.

Метатрон приостановился, разглядывая санитаров, которые по шпалам выносили из зева туннеля носилки с трупом.

Он подошел к перилам и замер, уловив остаточный след того, кто на этих перилах не так давно стоял. След был настолько мощным, что Метатрона тряхнуло, будто током, он отпрянул, в растерянности оглядываясь, затем приблизился к краю пассажирской платформы.

След тянулся к рельсам и исчезал в туннеле — а вернее, он начинался от туннеля, от места аварии. Надо было спешить. Тот, кто побывал здесь до него, оказался на шаг впереди. Мимо, матерясь сквозь зубы, прошли два ремонтника, волочащие конец толстого кабеля, подключенного к трансформатору, что стоял на платформе электровоза. Неподалеку трое служащих из МЧС, одетые в теплые униформенные куртки, наброшенные поверх цивильных костюмов, о чем-то спорили. Еще дальше несколько спецназовцев в бронежилетах и двое милиционеров разговаривали, пряча в кулаках тлеющие сигареты. На Метатрона никто не обращал внимания.

Он вернулся к перилам и вдруг перепрыгнул через них. Один из МЧС-ников, уловив краем глаз какое-то движение, оторопело огляделся, пытаясь понять, куда подевалась темная фигура, которую он вроде бы только что видел.

Снизу донесся визг тормозов.

Метатрон рухнул прямо на кузов фольксвагена-«муравья», и сонный водитель, очумевший от грохота, вдруг раздавшегося над самой головой, так вывернул руль, что въехал в газетный киоск. С хрустом и звоном проломив железную стенку, машина встала, вся облепленная обрывками газет и журнальными страницами. Водитель, вмазавшийся головой в лобовое стекло, скатился под приборную доску, но там пролежал недолго — чья-то рука, открыв дверцу, выволокла его наружу и швырнула на асфальт.

Усевшись за руль, Метатрон дал задний ход. Не обратив внимания на то, что правое колесо переехало тело водителя, он повернул.

В зеркало заднего вида старик увидел свет прожекторов и фигурки, столпившиеся возле перил моста. Они показывали вниз и что-то кричали. Метатрон вырулил на серпантин, петляющий по холмам и выводящий в конце концов к Арке Разъединения, бетонная дуга которой располагалась ближе к центру города.

Он преодолел несколько крутых поворотов, двигаясь сначала под гору, а затем с горы, миновал темную станцию метро, трамвайные пути, стадион и перед самой аркой свернул на боковую улицу.

«Муравей» остановился под старинным четырехэтажным зданием, торцом обращенным к дороге. На втором этаже прямоугольник синих лампочек освещал большую вывеску:

ФИНАНСОВАЯ ГРУППА РУССОВИРТ
(южный филиал)

Здоровяк Арсений исправно охранял дверь в комнату отдыха, вооружившись по случаю вечеринки стаканчиком бренди и бутербродом с черной икрой. Он бы с большим удовольствием оприходовал бы сейчас стопарь водки и закусил соленой редиской, но положение обязывало.

На узком балкончике комнаты отдыха Володя Элиарович Квас, директор ЮФ «Руссовирта», полный, но поддерживающий себя в форме частыми велосипедными прогулками тридцатипятилетний мужчина, с мягкой улыбкой рассматривал темный внутренний двор и автостоянку для служебных автомобилей.

Он перевел взгляд на подъехавшую к зданию машину. Квас часто улыбался. Тайные недоброжелатели говорили, что у Володи — улыбка змеи, что он может вечером, улыбаясь, расспрашивать тебя о здоровье беременной жены и пожимать руку, а утром, все еще улыбаясь, уволить без объяснений. Но тайные недоброжелатели надолго не задерживались в стенах южного филиала ‘Руссовирта’.

Не так давно предприятие расширилось — в пригороде был оборудован вычислительный центр с мощным сервером. Эти утром там должны были запустить новый экспериментальный протокол. Вечеринка на нижних этажах здания происходила как раз по этому поводу.

Звон и приглушенные голоса доносились снизу. Во дворе, на корпоративной стоянке, тлели огоньки сигарет водителей, покуривающих в ожидании финдиректора, главного бухгалтера, старшего менеджера и самого Кваса.

Он проследил взглядом за человеком, который вышел из только что подъехавшей машины, и вернулся в комнату, оставив балконную дверь открытой. От сквозняка пузырем вздулся легкий тюль и зазвенели подвески на карнизе.

Володя окинул взглядом узкий бассейн, который сегодня днем начали оборудовать строители. Выложенный в виде широкой буквы «П» высокий бордюрчик примыкал к стене, за ним пол покрывал слой цемента, лежали электроды, стояло ведро с остатками раствора, стопка голубых плиток и куб сварочного аппарата. Из стены торчали изогнутые концы эмалированных кранов с вентилями. Володя был поборником здорового образа жизни, все стены в одной из комнат его квартиры занимали подвешенные за рамы дорогостоящие импортные велосипеды разных производителей, от более дешевого «каманчи», до сверхдорогой «нирваны-супер».

Он прислушался к голосу диктора коммерческой радиостанции, доносящемуся из динамиков новенькой «Окаи» с квадро-системой и модерновым дизайном. Серебристая «мыльница», напоминающая макет космического аппарата, стояла на специальной полочке. Диктор взволнованно вещал: «...Подобное случилось впервые со времен постройки городского метрополитена. Авария обесточила самую старую ветку метро, от полного нарушения всех маршрутных графиков пока спасает лишь то, что катастрофа произошла как раз перед обычным ночным перерывом...»

Квас пожал плечами и шагнул к музыкальному центру, чтобы поймать другой канал, когда ведущая в комнату отдыха, обитая сафьяновой кожей дверь слетела с петель.

Она упала, с хрустом сломав литую металлическую ручку, и на нее спиной вниз повалился охранник Арсений. В руке его был осколок стаканчика, а в горле — плохопережеванный остаток бутерброда, которым Арсений давился, выпучив глаза и разинув рот. На белой рубашке под распахнутым пиджаком точно посередине груди виднелся след от ребристой подошвы ботинка сорок пятого размера.

Приветливая улыбка сползла с лица Володи, когда он увидел седого старикана в грязной шерстяной рубахе навыпуск, широких черных штанах и ботинках, на одном из которых подошва была подвязана веревкой.

Володя умел соображать быстро. В одно мгновение все нюансы создания и развития Южного Филиала пронеслись перед его мысленным взором.

— Кто вы такой? — спросил Квас, в то время как незнакомец встал над извивающимся в спазмах охранником.

Старик наклонился, схватив Арсения за плечи, поднял и развернул спиной к себе. Охранник был уже на грани обморока — он давился и хрипел, лицо его исказилось.

Незнакомец размахнулся и саданул его кулаком между лопаток.

Результат, к которому привел удар, ошарашил Володю. Раздался громкий хлопок, хлебная корка, словно дюбель из пневмомолотка, выстрелила изо рта охранника и врезалась в подвесной потолок. До ушей Кваса донесся тихий, но отчетливый скрип, с которым вся плоскость потолка разом приподнялась, а затем просела на утопленных в стены кронштейнах. Арсений, двухметровый бычок весом под сто килограмм, пролетел через всю комнату и вмазался головой в стену над эмалированными кранами. Удар был такой силы, что на мгновение массивное тело, изогнувшееся в позе делающего заднее сальто акробата, словно прилипло к плиткам стены, а потом рухнуло в недоделанный бассейн.

Старик развернулся к Володе и сказал:

— За тобой должок.

* * *

Когда-то еще молодой, недавно закончивший политехнический институт двадцатипятилетний Володя Квас женился на Илоне Неицкой — нервной симпатичной девушке, служившей вместе с ним в государственном вычислительном центре. Вскоре они решили, что работа «на дядю» не принесет ощутимых благ. Эти блага можно получить только если сам станешь «дядей». У них был автомобиль, старенькая «тройка». Продав его, супруги купили несколько подержанных компьютеров, зарегистрировали частное предприятие, уволились из рядов госслужащих и позвали на работу двоих бывших сослуживцев. Дело пошло и заказы стали приносить некоторый доход, но не тот, который позволил бы расширить предприятие. У ЧП имелся счет в банке «Быстрый Кредит». Банковский служащий, с которым Володя завязал знакомство, сказал, что может свести его с Боревым, олигархом городского уровня, владеющим несколькими доходными предприятиями. После беседы с олигархом супруги получили в долг определенную сумму и в течении нескольких лет сумели развиться от небольшой фирмы с несколькими машинами и пятью служащими до производства, входящего в пятерку самых крупных компьютерных фирм государства.

Деньги, выделенные Боревым, давно вернулись к нему, но одним из условий кредита были пятьдесят процентов от доходов, которые теперь ежемесячно переходили в руки олигарха.

И однажды, когда у них была уже пятикомнатная квартира, пара иномарок и счета в заграничных банках, у Володи — коллекция дорогостоящих велосипедов, а у Илоны — коллекция историй болезни из психиатрических лечебных учреждений, супруги решили, что пятьдесят процентов, которые они имеют со своего детища — это хорошо, но семьдесят пять — еще лучше. Однако Борев на четверть выручки не согласился.

Уход «из-под Борева» сопровождался кучей неприятностей, наймом личных телохранителей, заведением уголовного дела, организованными олигархом «наездами» налоговой полиции и УБОПа — и участившимися нервными срывами Илоны, от которых она лечилась в частном психиатрическом стационаре пригорода. Одно время казалось, что Борев побеждает. Тогда-то и появились люди, предложившие Квасу «крышу» — крупную русскую компанию ‘Руссовирт’, которая тоже не являлась самостоятельным подразделением, но чьим-то филиалом, а чьим... Бог весть. Володя многого не знал, хотя кое о чем смутно догадывался. Вышла на этих людей Илона и до сих пор она не рассказала супругу о всех подробностях первого знакомства с ними. Но как-то так получилось, что вскоре после появления новой «крыши» Борев отъехал, перестал докучать и вообще больше не показывался на горизонте. «Крыша», из которой супруги общались только с двумя мужчинами неопределенного возраста, не брала даже положенный процент. Она вообще с тех пор, как удалось отделаться от олигарха, почти не показывалась на глаза. Фирма лишь формально числилась южным филиалом ‘Руссовирта’, а на деле являлась вполне самостоятельным предприятием. Единственное, о чем предупредили Володю: когда-нибудь появится кто-то, кому ты должен будешь помочь. Буквально выполнить любую его просьбу. На вопрос Кваса, как ему узнать этого «кого-то», был дан ответ — узнаешь. Обязательно узнаешь.

* * *

Попятившись, Володя осторожно сел в кресло и уставился на старика. Шедший от того запах смешивался с тонким ароматов дорогой туалетной воды, которой уборщица недавно опрыскала помещение, и создавал тошнотворную смесь. Старик оглядел комнату, повернулся к Квасу и произнес:

— Хорошо устроились, буржуи. В Коцюбах вычислительный центр уже запущен? Протокол свой опробовали?

— Не до конца, — прошептал Володя. — К обеду обещают закончить. Кто вы такой?

— Называй меня просто — Метатрон.

Фоном к этим словам стали тихие ругательства и стоны Арсения.

Хозяин Южного Филиала и нежданный гость одновременно посмотрели в сторону бассейна. Охранник поднялся на колени, выуживая из чехла на ремне коробочку электрического шокера.

— Мать... — шептал Арсений, бывший борец дзюдо и питерский ОМОНовец, сваливший из города на Неве по причине каких-то темных дел, которые у него завелись с одной из местных бандитских бригад... — Глаза на жопу натяну... Ну, сука, в рот тебя...

Вытянув руку с шокером, он поднялся и шагнул к бордюру.

— Стой! — приказал Володя, но по плавающим зрачкам Арсения понял, что тот вряд ли расслышал его.

Метатрон, склонив голову, пошел навстречу.

— В рот? — переспросил он с непонятным выражением. — Можно и в рот...

Дальше Квас мало что сумел разобрать. Прозвучал сдавленный возглас, старик вдруг очутился в бассейне — встал там, широко расставив ноги. Между ног на животе лежал Арсений, выгнувшись так, что лицо обратилось к потолку. Метатрон вцепился в короткие волосы и тянул его голову вверх, выгибая бычью шею.

С громким треском заработал шокер. Старик вставил его в разинутый рот Арсения; отпустив волосы, с силой хлопнул ладонями по сплюснутым ушам. Охранник замычал и так сжал зубы, что прокусил пластиковую поверхность шокера — когда Метатрон шагнул к кранам, аппарат все еще приглушенно трещал.

Извиваясь, Арсений перевернулся на спину. Оскаленные зубы его светились от электроразрядов. Метатрон ударом ноги сшиб вентиль с крана. Вода, пузырясь, сильной струей ударила в дно, выбивая из него комки еще не застывшего цемента.

Володя оторопело смотрел, как Арсений бьется в судорогах, как искры сыплются по цементу и быстро разрастающейся луже воды, и как старик шлепает по этой луже разорванными ботинками сорок пятого размера.

Перешагнув через бордюр, он подошел к столу и опустил руку на никелированный абажур настольной лампы. Квас отпрянул, когда молочно-белая трубка на мгновение ярко

вспыхнула и тут же погасла, перегорев.

Сбросив таким способом накопившееся напряжение, Метатрон сказал:

— Нужно взорвать это помещение в Коцюбах. Сколько туда ехать?

— Час, — прошептал Квас.

— Ну, значит... — старик замолчал, оглядываясь на дверь.

Та приоткрылась, и в комнату заглянул Петр Ильич Васянин, финдиректор ЮФ, бывший преподаватель физики в институте, где когда-то учились супруги Квас-Неицкие.

— Володя... — произнес он, несколько удивленно глядя на Метатрона, но не замечая трясущегося в бассейне охранника.

— Все нормально, — поспешил уверить его Квас. — Что тебе?

— Понимаешь, я попросил одного нашего работника из левобережного отделения подвести сюда ведомость на зарплату и деньги... И он до сих пор не приехал, а сейчас по радио сказали про эту аварию... Я и подумал, может он как раз был в том поезде? Нет, я не из-за суммы, она не такая уж большая, но... Количество жертв пока не сообщают...

— Как его звать?

Это заговорил Метатрон, с любопытством разглядывавший Васянина.

Финдиректор перевел вопросительный взгляд на Кваса, тот натянуто улыбнулся и кивнул.

— Опанас, — сказал Петр Ильич. — Опанас Манкевич.

— Возраст?

— Ну... двадцать три, по-моему.

— Кем работает?.. — короткие вопросы сыпались один за другим.

— Системщик.

Метатрон взглянул на Володю.

— Компьютерщик, — пояснил тот и добавил, обращаясь к финдиректору: — Ты иди, Петя. Спасибо, мы с этим сами разберемся...

Васянин ушел, осторожно прикрыв дверь. Метатрон задумчиво подошел к бассейну и закрутил вентиль на изогнутой трубе, исчезающей в настенном кафеле. Смолкло бульканье, и вскоре Арсений, все еще сжимающий зубами шокер, перестал дергаться. Уровень воды, вытекающей из бассейна через частично забитый цементной крошкой слив, начал понижаться. Тело охранника плавало лицом вверх посреди грязно-серой, мутной от раствора и грязи жидкости. Между подрагивающих губ торчал край шокера.

— Значит, в том самом поезде ехал... Ты этого Манкевича

знал лично? — спросил старик.

Володя молча кивнул, но затем под пронзительным взглядом счел нужным добавить:

— Он ведь и здесь, в офисе, машины настраивал. Очень талантливый системщик, хоть и молодой.

— Талантливый... — Метатрон не спеша прошелся по комнате. Квас искоса наблюдал за ним, не понимая, что за странность присутствует в фигуре гостя. — Компьютерщик, да? А еще что о нем можешь сказать? Ничего? Где сейчас этот Манкевич может быть? Живет он где? Телефон?

— Да у него мобильный есть. — Квас достал из стола тетрадь в красной обложке, покрытой прозрачной пленкой-«оракалом». — Но если он действительно в том поезде ехал, то что значит ‘где он сейчас’? Он... он тогда умер, наверное. Погиб.

— Погиб! Ну так кА его найти?

— Здесь все телефоны записаны. Сейчас, минуточку... — отодвинув клавиатуру стоящего на столе компьютера, он раскрыл книгу. Метатрон тем временем перешагнул через бордюр и склонился над затихшим Арсением.

«Он же его убил! — билось в мозгу Володи, пока он искал нужный номер на разграфленных страницах. — И как! Что же это за «крышу» нашла нам Илона?! Что теперь делать? Начнешь сопротивляться — и тебя шокером...»

— Вот, — сказал он, поднимая голову. В ушах зашумело, екнуло в груди и внизу живота стало тепло, когда он увидел, что Арсений, весь облепленный жидким цементом, сидит, бессмысленно пялясь перед собой пустыми глазами.

— Вот номер... — слабым голосом повторил Володя.

Зубы охранника превратились в обуглившиеся пеньки, глаза остекленели, зрачки сузились до размеров булавочных головок. Кожа на лбу треснула в нескольких местах, но кровь не текла, виднелись лишь тонкие розовые полоски.

— Еще послужит... — проворчал Метатрон, отступая от Арсения, по затылку которого он только что медленно водил ладонями. — Будет теперь послушным, как... Ну, нашел? — Он шагнул к столу, выхватил из-под пальцев Володи книгу и глянул на страницу. — Вот этот, что ли? А ну, набери его, спроси, где он сейчас...

Опанас Манкевич не отвечал. Квас четырежды повторял вызов, но безрезультатно.

— Молчит, а? — Старик склонился над столом, и Володя, наконец рассмотрев его вблизи, понял, что такого настораживающего было в Метатроне.

Он казался смуглым, к тому же кожу оттеняли седые волосы.

Но смуглость не была естественной — будто тонкая серая пленка покрывала лицо. Она морщилась и натягивалась при каждом движении лицевых мускулов.

Торчащие из рукавов ватника крупные морщинистые запястья, тыльную сторону ладоней, пальцы и даже грязные ногти — все покрывала серая пленка. Когда Метатрон наклонился, Квас ощутил, что к смраду, в котором преобладала вонь тухлой воды, примешивается еще и запах разложения.

Володя с трудом удерживал рвотные спазмы. Метатрон спросил:

— Через кого вы подключены?

Изо рта его пахло еще хуже. Казалось, в теле старого грязного бомжа находится кто-то еще, кто-то уже почти умерший, но еще контролирующий речь и движения старика.

— «Мисто-Теле-Ком», — выдохнул хозяин ЮФ. В ушах его тонко зазвенело.

— Ладно посмотрим... А-ну, посунься...

Старик толкнул его локтем, Володя начал привставать, и тут взгляд упал на Арсения.

Охранник стоял, выпрямившись во весь рост. Пальцы обеих рук он засунул в рот, поковырялся там и вытащил шокер. Глаза Арсения, блестевшие неживым стеклянным блеском, смотрели бессмысленно, зрачки почти исчезли. Словно тонкая цементная корочка стягивала кожу, казалось, что электрические разряды выпарили всю влагу из тела — охранник превратился в набор костей, соединенных сухими связками и мускулами. Отбросив изжеванный шокер, Арсений двумя пальцами вытащил из десны обугленный пенек зуба и щелчком отправил его на пол.

Володя задохнулся в ужасе, с сипом втянул смрадный воздух и потерял сознание.

* * *

Когда он пришел в себя, Арсений-зомби неподвижно сидел на бордюре, а Метатрон, что-то приговаривая, колотил по клавиатуре. Лежащий навзничь Володя привстал, вцепившись дрожащей рукой в край стола.

Его все еще мутило, от удара о пол ныл затылок. Квас медленно выпрямился. Старик сидел в пол-оборота к нему.

В левом верхнем углу монитора серебром переливалась эмблема «Мисто-Теле-Кома». Остальной экран занимала карта города, причем, как понял Володя по названиям улиц, — левобережья. На ней перемигивались огоньки, зеленые и красные.

Каждый раз, когда вспыхивал красный цвет, рядом зажигались мелкие цифры — номера телефонов. Сообразив, что старик каким-то образом вошел в оперативную базу провайдера, Квас повел плечами, пытаясь справиться с неприятным сосущим ощущением под ложечкой. Он был уверен, что пролежал в обмороке всего ничего, наверное, меньше двух минут. И за это время старик исхитрился пройти сквозь защиту «Теле-Кома», крупнейшей местной фирмы-коммуникатора, организованной, между прочим, не кем-нибудь, а детьми нынешнего президента страны...

Огоньки то наливались красным и вспыхивали цифрами-номерами, то вновь становились зелеными. Некоторые передвигались вдоль ломанных отрезков улиц — это абоненты ехали в автомобилях или шли пешком — некоторые застыли, а другие прямо на глазах гасли, когда их владельцы на ночь отключали свои трубки.

Володя пригляделся к карте. Не может быть! — решил он. Не может быть в распоряжении провайдера такой системы, показывающей расположение каждого трубки, находящейся сейчас в черте города! Метатрон каким-то образом ухитрился вывести все это на плоский жидкокристаллический монитор, да еще и наложил на карту столицы, причем очень точную, сделанную, похоже, со спутника...

— Позвони ему еще раз, — велел старик.

Стараясь не глядеть в сторону охранника, Квас взял со стола трубку и набрал системщика. После нескольких длинных гудков Метатрон ткнул пальцем в экран. Володя увидел, что на кружке, обозначающем дом номер два на улице под названием Панельная, загорелся новый огонек. Длинные гудки в трубке сменились короткими, и одновременно с этим огонек погас.

— Он вообще отключился, — сказал Квас. — Странно, ведь должен был завести ведомость Пете...

— Срал он на вашу ведомость. — Метатрон дернул за шнур и вытащил вилку из розетки. Экран погас. — Дело сдвинулось, и его огневые своим сделали... — поднявшись со стула, старик глянул на охранника. Володя тоже посмотрел в сторону бассейна.

Охранник, даром что Арсений, был настоящим Ваней, со всеми карикатурно-типичными чертами славянского парня из народа — нос картошкой, розовые щеки, русые волосы... Но сейчас щеки потеряли здоровый цвет, волосы посерели, лицо осунулось. Низкий лоб рассекали розовые трещины-раны.

— Прогуляюсь, — решил Метатрон. — И болвана с собой захвачу. У него оружие есть? Не эта электропукалка, а настоящее? Пусть возьмет с собой.

Володя почувствовал облегчение. У Арсения был зарегистрированный по всем правилам пневматический пистолет, а в старом сканере имелся небольшой тайник, где еще со времен разборки с Боревым хранился малокалиберный «дамский» — но вполне боевой — пистолетик «колибри». Пусть забирает и то и то — но, главное, уберется отсюда. Володе меньше всего хотелось оставаться наедине с охранником, ставшим теперь с виду натуральным зомби.

— А ты... — старик повернулся к Квасу, и того взяла оторопь от мертвенного взгляда синих глаз. — Раздобудь пока взрывчатку. Килограмма четыре-пять. И детонаторы. До утра все это должно быть здесь. Мы скоро вернемся.

Квас едва нашел в себе силы отрицательно качнуть головой. Все последнее время он действовал словно в наваждении, загипнотизированный убийством Арсения и смрадным облаком разложения, физического и духовного, которое распространялось вокруг ночного гостя. Только сейчас нелепость происходящего стала доходить до сознания сквозь растерянность и страх.

— Никакой взрывчатки, — сказал Квас. — Да что вы вообще себе позволяете...

Он не договорил — какая-то сила толкнула его, перевернула вверх тормашками и пронесла сквозь распахнувшуюся дверь на балкон, прямо сквозь тюль и штору. Перед глазами хозяина ЮФ мелькнули огни ночной улицы, бетонная радуга Арки и фонтаны...

Метатрон, вытянутой рукой удерживая Володю за ноги, тряхнул его. Всего лишь четвертый этаж, но Квасу показалось, что под ним глубокой ущелье, образованное отвесными кирпичными склонами, и на дне с бесшумным грохотом сталкивающихся камней стремительно проносится мостовая-река...

Словно издалека до него донесся голос:

— Будем делать, что сказано? — Володю снова встряхнули. — Или не будем делать, что сказано?.. — пальцы разжались, он начал падать, но его вновь ухватили за лодыжку.

— Мы выкупили у Novell технологию, — лепетал Квас минуту спустя. — На основе нее и протокола ODL разработали SNLSP. Это такой... SuperNetWare Link Services Protocol. Там совсем другое разделение потока данных, можно создавать огромные распределенные Сети, и все это при низкой загруженности...

— Ага, — сказал Метатрон. — Большая Сеть на чем-то похожем и работает.

— Какая сеть? — не понял Квас.

— Большая! Ваш Интернет — только часть нашего. Мы вас

видим и пользуемся вами, а вы нас — нет.

— Что.... О чем вы говорите?

— Что-что! У вас тоже, допустим, протокол DTCP-IP имеется. Благодаря нему можно через обычную TCP-IP сетку в зашифрованном виде передавать всякое мульмедио, правильно? А по Большой Сети реальность передается... Вот вы, как свой протокол дальше хотите развивать?

— Ну, как... Думаем делать децентрализованные приложения, которые будут на разных системах выполняться, то есть распределенные по Интернету. Так чтобы эти системы могли самоорганизовываться, меняться, создавать собственные сети... Ну то есть они будут существовать не на серверах, в смысле, не на машинах, а прямо внутри Сети. Только нам мешает, что Интернет изначально был надстройкой над телефонной сетью, вот и...

— Ну-ну, — сказал Метатрон. — Надстройкой? Электрончики по проводам бегут, а вы на них свою сетку наложили, так вроде, да? Но электроны — они ж не только в проводах, они вообще повсюду. И Большая Сеть — она прямо в электронное поле вложена. Не понимаешь? Ну, она в веществе, в самой ткани бытия... И протокол у нее — природный, естественный. Реликтовое излучение, слышал про такое? Пятьсот квантов на кубический сантиметр — вот тебе и весь протокол. Это, считай, беспроводная сенсорная сеть, только вместо кремниевых кристаллов в ней... — Метатрон развел руками. — Все, что вокруг, в общем.

— Так, подождите, она что... она по всему космосу, что ли? — изумился Квас.

— Космосу! Что такое космос, по-твоему? Звезды всякие, метеоритики, астероиды? Дискретная среда... плевое дело, короче. Тут бери выше, Большая Сеть — она вообще везде. И она сама оптимальные маршруты прохождения данных вычисляет, сама себя настраивает — динамическая, короче. И сама собой подключает к себе новых пользователей, когда они до определенных вещей додумываются.... Вы свою Сеть не создали, она и так была, вы только в какой-то момент научились к ней подключаться. Ну и типа как систематизировали ее для себя, оформили то, что уже существовало, для своих нужд — домены там создали, сайты всякие... Но пока что на примитивном уровне, потому что протоколы ваши до сих пор были слабые. Уже сейчас Большая Сеть вашу сетку пользует, хотя вы этого не видите, а если вы еще этот новый протокол введете — она вас в себя окончательно включит, потому что твой SNLSP — он уже более высокого ранга, к природному протоколу приближается... все равно не понимаешь, а? Тупой ты, голограммный продукт, что тут

скажешь. И еще — вы этот свой седьмой протокол без согласования с ‘Руссовиртом’ разрабатывали? Ну вот, а ‘Руссовирт’ — он наш.

— Чей — ваш? — спросил Володя, мало что понимая.

— Чей-чей! — передразнил Метатрон брюзгливо. — Водный, твою мать! Мы потихоньку у ‘Тебаха’ под боком свои вопросы решаем, незаметно, они и не догадываются, мозгляки хреновы. И только собрались вашу сетку в нужную нам форму привести, уже и игру сделали подходящую, с которой все бы и началось... тут вы со своим протоколом! Сеть, она ж не просто так, через нее энергия интерферируется и определенную голограмму создает. Вроде фильтр такой, просеивающий электроны с фотонами. Когда мы вашу сетку по-своему переделаем с помощью своей игры, то ваш домен станет таким, как нам надо. Интерференционные волны по-другому сложатся, и вы все уверуете в нашу... Вот, но если до того новый протокол успеете ввести, то вас Большая Сеть окончательно интегрирует в себя и, ясное дело, не уже позволит нам свою структуру наложить. Потому не должны вы протокол этот вводить... А, ладно! Что с тобой говорить, болван.

Вскоре Метатрон с Арсением-зомби ушли, смолк шум отъехавшей машины.

Володя Квас вызвал Петра Ильича Васянина. Финдиректор ЮФ умел не только корпеть над бухгалтерскими отчетностями и сверять суммы прибыли и расходов, его отличала еще одна ценная особенность. Он решал вопросы — и именно за это свое умение получал ту немалую ставку денежного содержания, которую ему платил Квас. Если надо было раздобыть какой-то редкий девайс, найти почтовый адрес потенциального заграничного клиента, связаться с нужными людьми, узнать, у кого в городе можно дешевле всего купить оргтехнику — все это Васянин выполнял быстрее и лучше других. Его электронная записная книжка была забита адресами, телефонами, фамилиями и прозвищами. Сейчас Володя поставил перед Васянином одно очень необычное задание: побыстрее раздобыть пять килограммов взрывчатки.

* * *

Люди на мосту не смогли разглядеть, что за машина сначала врезалась в газетный киоск, а после, переехав водителя, исчезла вместе с незнакомцем, перед этим спрыгнувшим с моста. Шофера с раздавленными ногами унесли на носилках те же санитары,

которые до того вытаскивали из туннеля трупы погибших в аварии. А там дело тоже было нечисто — создавалось впечатление, что состав сам собой сошел с рельс.

Теперь уверенность была только в том, что автомобиль с незнакомцем укатил вверх, на холмы.

Патрульные, объезжающие этой ночью городские улицы, получили задание останавливать любое подозрительное транспортное средство, сосредоточив при этом внимание на правом берегу.

Но фольксваген-«муравей» без труда проскользнул мимо ментовских машин, преодолел реку по мосту метро, свернул влево, миновал высотку гостиницы «Турист» и углубился в район Никольской Слободки. В конце его, вдоль границы Русановских Садов, от хозяйственного магазина «Прометей» к кирпичному заводу протянулась улица Панельная. Помимо магазина и автостоянки она состояла лишь из трех домов. Два — давно построенные обычные блочные девятиэтажки, а один — дорогая жилая башня в двенадцать этажей, с подземным гаражом, автономной бойлерной и пока еще лишь пятой частью проданных жилых площадей.

У ворот автостоянки приткнулся неказистый ‘запорожец’. Метатрон остановил фольксваген рядом, вышел и огляделся. Во всем доме были освещены только два окна. На первом этаже мигали разноцветные сполохи, а на двенадцатом горел тусклый свет. Район считался престижным, но расположение для фешенебельного дома было неудачным: кирпичный завод насыщал воздух кислотной дымкой и иногда посреди ночи оглашал окрестности низким ревом сирены. Те, у кого водились деньги, предпочитали покупать квартиры подальше от него.

По газону, еще мокрому после недавнего дождя, Метатрон приблизился к освещенному окну, вцепился в карниз, подтянулся и заглянул внутрь.

Ритмичная музыка лилась из колонок стереосистемы. Всполохи разноцветных лампочек озаряли потолок и стены красно-зеленым светом. На широкой тахте, боком к окну, сидел толстый мужчина в расстегнутых брюках, с отвисшим волосатым животом, и пил что-то из жестянки. Рядом на круглом столике стояла вазочка с конфетами и курилась в пепельнице длинная самокрутка. На ковре перед тахтой танцевала голая брюнетка. Изгибаясь, она опустилась на колени и стала медленно приближаться к толстяку.

Ноздри Метатрона раздулись, когда сквозь приоткрытую форточку их достиг ядреный дух того, чем была заправлена самокрутка. Старик спрыгнул и отошел, глядя вверх, на второе

освещенное окно. Вернувшись к машине, распахнул дверцу.

— Вылазь.

Арсений-зомби двигался быстро, но как-то негибко, деревянно. Он выпрямился, глядя на старика мертвыми глазами.

— Слушай внимательно, болван. Ты поднимешься на верхний этаж. По лестнице, и чтоб без шума. Станешь возле двери, которая слева от лифта. С пистолетом. Где он?

Арсений полез в карманы и достал сразу два пистолета — пневматический, выполненный в форме старинного «нагана», и миниатюрный «колибри», утонувший в широкой ладони бывшего омоновца.

— Будешь держать их в руках. Пока внутри тихо — стоишь и ждешь. Если тот, за кем мы пришли, попытается выскочить, — пристрелишь его. Целься в глаза, понял? Услышишь внутри громкий шум — выбивай двери и стреляй в него. Да меня не продырявь, олух! Все ясно?

Серые сухие губы шевельнулись, словно охранник хотел что-то ответить, но теперь это было выше его сил. Арсений кивнул и зашагал к подъезду. Движения были целеустремленными и резкими, но как бы дискретными, состоящими из коротких рывков и мгновенных пауз.

Подождав минуту, Метатрон вновь приблизился к дому, но теперь к той части, где тянулись балконы. Вцепился в узкую щель между полом и ограждением нижнего и прыгнул.

Звук, с которым тело вознеслось ко второму этажу, был необычен. Не шелест воздуха и не свист — хлюпанье, словно наполненный водой полиэтиленовый пакет с небольшой высоты упал на землю.

Повиснув на втором балконе, старик выдохнул, вдохнул — и взлетел еще выше. Двигаясь длинными скачками, он достиг двенадцатого этажа немного быстрее Арсения, который по лестнице как раз подходил к указанной квартире.

Перевалившись через ограждение, Метатрон приник к застекленной двери.

Свет лился из коридора, а в спальне было темно, но синие глаза старика разглядели очертания большого дивана, шкафа и стульев.

Метатрон нажал на дверь — та не открылась. Можно разбить, но старик не хотел шуметь. Приложив к стеклу ладони, он замер в напряженной позе.

Несколько секунд ничего не происходило. По морщинистому лбу потекла капля пота.

И сразу же другая капля поползла по стеклу от самого верха. Она возникла из щелки между замазкой и планкой оконной рамы,

к ней тут же присоединилась вторая.

Когда они достигли середины стекла, сверху тек уже каскад мелких капель — они расплывались, образуя лужицы, которые словно маленькие медузы ползли дальше.

Ладони Метатрона мелко дрожали, пот покрывал лицо. Он стоял, не шевелясь, со сведенными от напряжения бровями.

Из-под замазки продолжалась капель, но теперь уже плыло стекло — опускалось, оставляя над собой незримую прозрачную плоскость. Она все увеличивалась и наконец достигла рук Метатрона.

Капли протекли под его ладонями — те продолжали упираться в воздух — и вскоре все дверное стекло расплылось по полу балкона лужей ледяной, хрустально-чистой воды.

Старик качнулся, выходя из транса. Опустил руку за раму, повернул шпингалет и бесшумно вступил в комнату.

На столе стоял монитор, на полу лежал разломанный системный блок. Метатрон ногой раздвинул обломки — винчестера среди них не было.

Хлопнула входная дверь. Раздался тихий звук шагов, и старик выскочил наружу.

Под дверями лежало тело в комбинезоне, над ним склонился человек. Когда Метатрон появился в коридоре, незнакомец выпрямился. Оказалось, что это невысокий сутулый парень с отвисшей губой. Он покачивался взад-вперед. Какая-то неопределенная сущность, словно вуаль, состоящая из чуть мерцающего воздуха, висела под потолком.

Метатрон сделал осторожный шаг.

Парень, положив что-то в карман, поднял голову. Их взгляды встретились.

— Каббала? — спросил Бокор и оскалился. Его глаза начали вылезать из орбит, зрачки налились красным цветом, а белки пожелтели.

— Вуду? — спросил Метатрон.

* * *

Приложив ухо к обитой коричневым дерматином двери, Арсений прислушался. Из квартиры доносились звуки, но слишком тихие, чтобы что-то понять. Зомби отступил, подняв пистолеты. Во всей заселенной лишь на четверть жилой башне стояла тишина, шум возвращающихся с Садов автомобилей не доносился сюда, молчали сторожевые псы на автостоянке...

Арсений застыл, глядя на дверь блестящими глазами.

Все изменилось. Исчезли инстинкт самосохранения, воля и желания. Движение времени, названия для вещей и имена для людей, все это тоже пропало. Зомби осознавал присутствие себя здесь и наличие вокруг каких-то материальных объектов, но их имена и названия потерялись вместе со временем. В тусклом застывшем пространстве обезличенной материи важны были лишь глаголы — действия, но не существительные — названия и имена.

* * *

...Метатрон с такой силой ударился о ванну, что та сдвинулась.

— Оборзел, Бокор! — Старик вскочил и огляделся. Сутулая фигура медленно приближалась по темному коридору. Глаза горели словно два факела, желтые пятна в их глубине сверкали яростным солнечным огнем.

Не дойдя до ванной комнаты, Опанас повел рукой назад и что-то пробормотал. Услышав, как пошевелилось тело мертвого электрика на полу, шагнул дальше.

Старик ухватился за водопроводный кран, потянул, срывая раковину с креплений. С треском упала и раскололась высокая керамическая подставка. Метатрон стал вытягивать из стены трубу, осыпая пол известкой и осколками настенного кафеля.

Бокор уже подошел к дверям, когда старик вцепился зубами в вентиль, сорвав его с нарезки, поднял конец трубы. Струя кипятка ударила Опанаса в грудь и распалась шипящим зонтиком, отбросив назад. Пар заволок коридор, Бокор пролетел через все помещение и влип в противоположную стену.

Несколько мгновений, пригвожденный водяным потоком, Опанас висел в метре над полом, затем упал и на четвереньках пополз на кухню.

Метатрон, осклабившись, зашагал вперед, волоча за собой потерявшую жесткость, извивающуюся будто змея трубу. Отмахиваясь от одушевленной вуали, которая атаковала его сверху, он пересек коридор. Раздался хруст и синие отблески упали сквозь распахнутую кухонную дверь. Перед стариком фонтаном били кипяток и пар, но он сумел разглядеть противника — тот стоял посреди кухни, подняв над головой массивную газовую плиту. Узкая труба на стене была переломана, газ вырывался наружу, смешиваясь с воздухом. Вся верхняя часть плиты, четыре круглые конфорки и решетка, были объяты синим пламенем.

Метатрон поднял водопроводную трубу так, чтобы попасть кипятком в лицо противника, а Опанас швырнул плиту.

* * *

Выйти на лестницу никто не пытался, но Арсений услышал громкий шум и устремился вперед. Он врезался в дверь и сорвал ее с петель, опрокинув внутрь, прямо на Опанаса, а сам повалился сверху. «Колибри» вылетел из его руки. Арсений увидел движущийся факел огня, в который превратился Метатрон, но не попытался помочь ему — он помнил только «стреляй в глаза». Зомби встал, широко расставив ноги.

Метатрон, воя, как пожарная сирена, крутился волчком, пытаясь сбить пламя. Он вбежал в комнату и закружился вдоль стены, наматывая на себя ковер. С трудом подняв руку, опрокинулся на пол, преодолевая сопротивления водяной струи, схватился за конец трубы и подтянул ее.

Огонь с шипением погас, когда из двух концов свернувшегося в широкий цилиндр ковра ударила вода и повалил пар. Труба, извиваясь, отлетела в сторону, конец ее короткими стремительными рывками заметался по комнате, подталкиваемый водяным потоком. Ковер развернулся и старик встал на колени. Улучив момент, поймал трубу, приставил конец ко рту и начал пить. Потом выпрямился во весь рост, вытирая губы. Вода била с небывалой силой, уровень ее медленно поднимался.

Арсений, отшвырнув дверь, схватил Бокора за шиворот и развернул лицом вверх. Красные глаза обратились к нему, зомби опустил ствол пневматического «нагана», приставил дульный срез к веку. Кто-то прыгнул на него. Зомби, не устояв, отшатнулся, выпустил пистолет и вцепился в нового противника.

Метатрон выбрался в коридор по колено в воде. Он увидел встающего Бокора, Арсения, который привалился спиной к дверному косяку, и тело, раньше лежавшее на полу коридора. Мертвец, обхватив Арсения ногами, бил его по голове и царапал лицо. Метатрон видел лишь спину, в которую с двух сторон вцепились пальцы зомби.

Опанас выпрямился и шагнул к нему. Позади него труп замычал, когда Арсений продавил его кожу и вцепился в ребра. Зомби напрягся, разорвал тело пополам и отшвырнул части в стороны. Склонившись, он разгреб плавающие в воде внутренности и выпрямился, сжимая свои пистолеты.

Метатрон направился к Опанасу, а тот медленно пошел к нему.

Мощный запах газа наполнял коридор. Бокор остановился, старик тоже замер, они взглянули друг на друга — синие и красные глаза встретились в тот момент, когда прозвучал взрыв.

* * *

Этим взрывом разворотило половину двенадцатого этажа. Крыша сначала развернулась бетонными лепестками, а затем провалилась внутрь здания. Грохот прокатился каскадом нарастающих звуков, от последнего этажа до первого, и закончился извержением треска, шипения и скрежета, клубами кирпичного крошева и пара, которые выплеснулись из узких окошек полуподвального гаража. На автостоянке сторожевые псы заскулили, а ночной дежурный свалился с раскладушки.

Два тела стремительно пронеслись от вершины башни, одно — вертикально вверх, а второе — наискось, в сторону магазина «Прометей».

Метатрон повис, вцепившись в подоконник. Он подтянулся и сел, глядя вниз, на прямоугольный колодец, образовавшийся на всем протяжении этажей. Исчезли перекрытия, груда обломков лежала далеко внизу, на полу гаража.

— Во даем! — рявкнул старик, имея в виду и себя и Бокора.

Ответом ему был тонкий свист. Он раздался сверху, из темного неба, видневшегося в проломе крыши, быстро усилился и сменился ревом. Мимо Метатрона по строго вертикальной траектории пролетело небольшое тело, сопровождаемое шлейфом черного дыма, сквозь который пробивались отблески пламени. Бокор словно падающий метеорит пронесся сквозь башню, рев кнутом ударил по кирпичным стенам.

Стекло, конечно же, давно вылетело, и Метатрон чуть не выпал спиной из окна, когда снизу взметнулся столб огня и дыма. Он почти достиг ног старика, лизнул пятки и стал медленно опадать. Сквозь шипение и треск донеслось хлопанье дверцы и шум мотора. Метатрон развернулся, не обращая внимания на осколки стекла, раня пальцы, вцепился в оконную раму и, перевесившись через карниз, выглянул.

Раздвижные ворота подземного гаража опрокинулись, когда наружу выехала двухдверная иномарка. Взвизгнув шинами, она развернулась, нарушая все правила, вырулила на дорогу и скрылась из вида.

Метатрон сел спиной наружу, помедлив, резко откинулся назад. С треском ломая кусты, он упал на газон, пробив в рыхлой земле яму полуметровой глубины. Старик встал и зашагал в

сторону параллелепипеда «Прометея», вдоль ограждения автостоянки, слыша поскуливание псов и ругань ничего не понимающего спросонок дежурного.

— И хрен с тобой, — произнес он, криво улыбаясь. — Катись куда хочешь, если ты такой живучий. Мне сейчас не до тебя, Бокор.

* * *

Снизу казалось, что здание цело, но когда Метатрон взобрался по стене, то увидел проломленную крышу. Что именно ее проломило, выяснилось, когда он спрыгнул внутрь.

Первый этаж магазина занимала всякая электроника, на втором торговали инструментами и сантехникой. Старик прошел по темному лабиринту стеллажей и прилавков, в центре помещения обнаружил завал из кухонной посуды и перевернутых раковин, посреди которого безмолвно сидел Арсений. Одежда его почернела, лицо покрывала гарь, на темном фоне выделялись горящие неживым стеклянным блеском глаза.

— Ну ты горазд летать, — проворчал старик, слыша доносящиеся с улицы сирены пожарных и милицейских машин, что съезжались к жилой башне. — Этот Бокор теперь в Африку отправится, нюхом чую. Ладно, потом с ним разберемся. Надо в Коцюбы ехать. Скоро светать будет...

* * *

Шум подъезжающих и отъезжающих автомобилей, грохот взрыва, вой собак и все остальные звуки исправно фиксировал электродинамический микрофон, расположенный в кабине неказистого «запорожца», который приткнулся возле ворот стоянки. Только снаружи машина казалась старьем, которое можно купить на авторынке за пару сотен долларов. Под проржавевшим корпусом скрывались дорогостоящие электронно-механические внутренности и форсированный двигатель. Мужчина на водительском сидении повернул к зеркалу заднего вида лицо, которое могло принадлежать лишь тому, кто неоднократно вверял себя заботам пенитенциарной государственной системы. Окинув взглядом пожарные и милицейские машины, он достал из бардачка изящную черную трубку и набрал одиннадцатизначный номер. Сигнал достиг орбитального спутника связи, оттуда разошелся дальше и в конце

концов нашел нужного абонента, который в этот момент находился в сердце дождевого леса, на краю деревни, где шаман, потрясая асо, танцевал вокруг дороги духов.

Глава 7

Ядовитая африканская ночь дрожала в такт рокота тамтамов.

Тишины здесь не было никогда. Наполненный взвесью теплых капель дождевой лес шелестел, рычал, стонал и ухал на тысячи голосов.

Тим свалился в мокрую траву с полуметровой высоты, над ним синяя лужа транспортного фрактала плеснулась мелкой рябью. Не вставая, он вытащил из кармана платок и отер кровь со лба. Лоб опять чесался. И пятки тоже — хотелось снять кеды и долго скрести их ногтями. Вверху что-то тускло блеснуло за мгновение до того, как фрактал отключился, Стигмат перекатился на спину, но ничего не увидел. Встал и огляделся. Мокро... темно... опасно...

Если он хоть что-нибудь понимал, его должно было выбросить туда, где кто-то из местных, не-стихийных, частично приобщенных к тайным знаниям, готовил какой-то ритуал. Этому ритуалу, вроде бы, и должны были помешать агенты Следящих. Или наоборот — помочь? Знать бы еще, что за ритуал такой... По крайней мере, от стриженных парней с буквой «S» на груди он на некоторое время отделался. Тимерлен не представлял, каким способом они смогут попасть сюда в кратчайший срок. Естественные пути, которыми двигались не-стихийные, здесь не годились — автомобиль, поезд, корабль, все это слишком долго, а самолет... попробуй вот так сразу раздобыть билет и именно в Африку и именно...

Куда, собственно? Тимерлен зажмурился и замер, вызывая в памяти координатную сетку экспериментального мира. Техники Срединного Домена не зря имплантировали в его мозжечок соответствующую формулу — через мгновение на карте полушария проступила алая точка.

Тропические леса Нигерии, самые большие на континенте. До местных плат — Йоруба, Уди, Джос — было далеко. Он находился в образованной речными наносами Приморской долине, где-то между Авкой и Оничем. На западе, за нескончаемым пространством лесов — Бенин, там плещутся волны Гвинейского залива; на юго-востоке — граница Камеруна, а на северо-востоке по берегу озера Чад задумчивый бродит жираф...

За рекой тропические леса не росли, там царство саванн — высокие травы, колючий кустарник, акации и баобабы.

Оставался последний вопрос: в какую сторону идти?

Тим, не мудрствуя лукаво, пошел туда, откуда, как ему казалось, доносится звук барабанов. Не успел он сделать и

несколько шагов, как по пояс погрузился в воду. Заросшая узкими листьями ветка хлестнула по плечу, брызги попали в лицо, он покачнулся, когда ноги разъехались на мягком илистом дне, и стал лихорадочно тереть глаза. Вода здесь была темная, насыщенная гумусными кислотами, и потому речная растительность развивалась очень бурно.

Ухватившись за ветвь, выбрался на пологий берег, прошел еще немного и увидел ряд оплетенных лианами деревьев, высотой метров под тридцать каждое. Тимерлен прищурился, разглядывая ближайшее из них.

Сейба — местное священное дерево. От корней до вершины ее оплели лианы. Вверху Стигмат разглядел узкую двухъярусную галерею, окруженную пологом ветвей. Вдоль ствола к ней тянулась лестница. Тим решил туда не лезть — те, кого он искал, скорее всего находились не здесь.

Он пошел дальше, слыша хохот гиены и какие-то подозрительные взрыкивания. Стигмат вообще не слишком любил путешествия, предпочитая сидеть в своей квартире и не высовываться по пустякам. А когда тебя за одно мгновение уносит на другой континент и бросает в сырые объятия тропического леса...

Зазвенел телефон в чехле на поясе. Тимерлен достал трубку, быстро глянул на одиннадцатизначный номер, который высветился на зеленом экране, и прошептал:

— Что у тебя?

Сквозь шум, похожий на вой ветра, неразборчивое бормотание и шипение донесся голос человека, которого звали Григорий, но которому Тимерлен дал оперативную кличку «Зорба».

— Они тут хрен знает чего вытворяют, — сказал Зорба. — Только что крышу жилого дома снесли, а теперь разъехались.

Тим уточнил:

— Кто именно?

— Старик с каким-то помощником-увальнем и пацан лет двадцати пяти. Я подслушку хорошо настроил. Один у другого спросил: «Каббала?», а тот у того: «Вуду?». Потом, значит, после взрыва, этот увалень улетел аж на магазин и, кажись, крышу там разворотил. Пацан, который Вуду, сел в тачку и укатил, а старик-Каббала пошел своего помощника вытаскивать. И последнее, что он сказал, — мол, этот Бокор отправится теперь в Африку. А мы сейчас в Коцюбы поедем. Коцюбы это, Тимош, знаешь...

— Знаю, — перебил Тимерлен, хмурясь. — Там же новый сервер собираются запускать! Чтоб я лопнул, если они не хотят этот седьмой протокол...

— Это не мои проблемы, хозяин, — перебил Зорба. — Мне до твоих протоколов дела нету. Мне главное, чтоб на меня самого протокол не составили. Тут же менты. Говори, чего теперь?

Григорий, когда-то — квалифицированный инженер-электронщик, а ныне — рецидивист с десятилетним стажем отсидки, был из местных, не-стихийных, и жил сейчас на полном содержании Тимерлена, в свое время спасшего его от «вышки». Довольствуясь не слишком частыми, но, как правило, опасными заданиями, он плевать хотел как на их таинственность, так и на некоторую экзотичность хозяина. Не обладая вообще никаким воображением, Зорба был лучшим порученцем-исполнителем, которого в экспериментальном мире мог бы заполучить внедренец: сильный, хитрый, с большим опытом всевозможных разборок, взломов, краж и даже мокрых дел, начисто лишенный моральных принципов и фантазии. Хорошая хаза, бабки, бабы, выпивка и, иногда, наркотики — все, что интересовало его в этом мире. Главное, на памяти Тима, он вообще никогда ничему не удивлялся.

— Езжай за тем, который Вуду, — решил Стигмат. — Проследи, как это он в Африку собирается...

— Тогда до связи, а то я его не догоню, — заторопился Зорба.

— Погоди! Ты ему не попадайся. Но если он слежку учует — а он может — и если вам столкнуться придется, то стрелять надо в глаза. В глаза, понял? И, слушай... он опасен очень. Ты, конечно, личность для всяких штучек непрошибаемая, но все равно... Если он там с тобой начнет разговоры разговаривать или всякое такое вытворять — не жди. Мочи его сразу. В глаза.

— Ладно, — сказал Зорба и отключился.

Звук тамтамов становился громче. За деревьями мелькнул красный огонек, и Стигмат, остановившись, осторожно выглянул из-за толстого узловатого ствола.

Лес кольцом окружал деревню дагомейцев. Возле невысокой изгороди стояло несколько горбатых коров — зебу. Тим перепрыгнул через изгородь, пригнулся и перебежал к стене хижины.

Приземистое круглое строение накрывал колпак пальмовых листьев. В центре деревни, состоящей из полутора десятков домиков, была небольшая площадь. Все казалось миниатюрным, игрушечным и безобидным, все, кроме чернокожих в красных одеждах, которые танцевали вокруг костра.

Красное.

И жертвенная свинья — ее обезглавленное тело лежало рядом с костром...

Ничего себе, ночь нежна! — подумал он. Ведь свинья, а не

петух! Это был ритуал Петро, более жестокий и кровавый в сравнении с традиционным Радой, который взывал к положительным сторонам духов. Значит, понял теперь Тим, это не дагомейцы, а йорубы. Хотя он мог и спутать — многочисленные мафиозные семьи экс-африканских духов, каждая со своими донами и боевиками-исполнителями, делающие «крышу» различным областям от Гаити до Бразилии, взимающие с территорий дань в виде поклонения и жертв, были слишком многочисленны и пребывали в слишком сложных родственных взаимосвязях, чтобы кто-то, не посвятивший изучению Вуду множество лет, мог со знанием дела рассуждать о них.

Пятеро йоруба, сидя на корточках, стучали в небольшие барабаны-нгамби. Ближе к костру стоял сан-нгамби, большой барабан. Все сделаны из пустотелых обрубков стволов, затянутых кожей и обмотанных веревками.

Бокор — невысокого роста сморщенный старикан, измазанный красным, с жезлом силы в одной руке и ножом с черным лезвием в другой — извивался возле костра. Одет он был в потрепанный армейский френч, из-за пояса торчали рукояти погремушки и ножа с белым лезвием, длинная игла, толстый конец которой обматывали узкие кожаные полоски с разноцветными перьями. На шее висели бусы, с макушки обритой головы свисал пучок волос. В него тоже были воткнуты перья.

Танцоры кренились в разные стороны, дергались в припадке; они словно тонули, захлебывались в рокоте барабанов, который волнами захлестывал игрушечную деревню. Рокот расходился вокруг, пронизывал дождевой лес: ветви содрогались, листья падали на землю.

Возле костра лежала наполненная стеблями травы миска, стояли белые и черные пузатые бутылочки-гови, кувшин-канари и козлиный череп с длинными, обвитыми лентой рогами. На двух толстых сучьях над костром висел котел, рядом возвышался вкопанный в землю, разукрашенный столб.

Бли, праздник урожая, уже прошел, до Амарилло Ходжа, праздника падающих листьев, было еще далеко... Все это затеяли по какой-то иной причине, и вскоре Стигмат понял, по какой. Он как раз заметил небольшой пенек возле дверей хижины, когда в поле зрения появилось трое здоровенных йоруба, ведущих под руки четвертого, еще более крупного. На конвоирах были только закатанные до колен штаны, а пленник и вовсе голый. Он сильно хромал; в свете костра Тим различил кровь под его носом, на подбородке, шее, плечах.

Процессия миновала танцоров и приблизилась к бокору. Тот,

вскинув голову, нечленораздельно закричал — Тим разобрал что-то вроде «аконко-акнонко», а еще расслышал несколько раз повторившееся слово «ачу» — и выбросил перед собой правую руку. Трое отскочили в стороны, четвертый остался стоять неподвижно.

Они ж его зомбируют, понял Стигмат и стал похлопывать себя по зудящему лбу, усиленно соображая. Что говорил Следящий? Операция по вычислению имен архетипа, то есть его кода, проведенная на разрозненных хостах, чтоб трудно было выйти на организатора... Потом вычисленные имена сбросили на один винчестер... Так вон оно что!

Барабаны звучали все громче, их ритм, казалось, вошел в резонанс с ритмами мозга. Тимерлен давно заметил, что большинству суеверий и обрядов можно подобрать вполне удовлетворительные научные или наукообразные термины. Это была биолокация, нейропрограммирование — ритм действовал гипнотически. Плохо соображая, что делает, Тим шагнул вперед...

И сильно ударился коленом о пенек. Боль лезвием рассекла окутавшую мозг паутину гипноза — Стигмат встряхнулся, повел плечами и выпучил глаза так, что в голове загудело.

— Колдуны по вызову! — проворчал он, наблюдая, как танцующие дергаются все быстрее, как тени среди красных сполохах изгибаются и корчатся, и уже словно живут сами по себе, двигаясь не в ритм с блестящими черными телами. Рокот барабанов набухал пузырями транса и лопался, расплескиваясь по дождевому лесу.

Что-то зашипело у ног, он глянул вниз: из расщелины в пеньке выглянула плоская голова.

«Даашь!» — не то прошипела, не то произнесла гадюка, разевая пасть с тонким, раздвоенным на конце языком. Она стремительно качнулась вперед, и Тимерлен отпрыгнул, вскрикнув от неожиданности.

Рокот барабанов, в такт которому уже дрожала земля и извивались языки костра, стал беспорядочным грохотанием и оборвался так внезапно, что тишина обрушилась на деревню, словно поток ледяной воды. Гадюка тянула к Тиму тонкий язык. Схватив с земли палку, он обрушил ее на змею и размазал плоскую голову по пеньку.

Подняв голову, Тимерлен увидел множество обращенных к нему лиц.

— Бо! — воскликнул жрец, указывая на пенек и выуживая что-то из-за пояса. — Ты раздавил Даа, змею мудрости!

Он взмахнул рукой. Тимерлен попятился за угол хижины, но спрятаться не успел — ритуальная игла виа муэртэ вонзилась в

левую половину груди.

Стигмат сначала даже не понял, что произошло. Он с удивлением посмотрел на пучок перьев, торчащий из майки, поднял руку и дернул. Игла вышла наружу, струйка крови сбежала вдоль нее. Он словно откупорил сосуд с болью, и теперь содержимое выплеснулось. Пошатнувшись от внезапной слабости, Тим привалился к стене хижины.

Бокор был уже рядом. Он замахивался жезлом силы — палкой, обмотанной красными веревками с болтающимися кисточками и двумя резными фигурками, мальчика и девочки, на конце. Она опустилась; дождевой лес взорвался калейдоскопом сверкающих красок, словно сама Радуга Айда-Ведо, любовница Великого змея Данбала, засияла, с треском рвущегося черного шелка разорвав африканскую ночь.

* * *

Опанас остановился возле дворца культуры, на одном из холмов правобережья. Позади здания открывался плоский как блин ландшафт левого берега, полускрытый тьмой. Проспект, очерченный рельсами трамвайных линий, озарял лишь тусклый свет одинокого фонаря. В узкой низине у холма, скрытой от глаз верхушками деревьев, стояла полуразрушенная беседка, обугленные пеньки и изрезанные ножами низкие деревянные лавки.

Оставив прикованных Андрея и Ксюшу в машине, он пошел вниз, перебегая от ствола к стволу. Барон Суббота парил над ним.

Отблески пламени пробивались сквозь ветви кустов. Опанас остановился, вглядываясь.

Возле беседки горел небольшой костер, вокруг танцевали фигуры. На выжженной почерневшей земле тянулись узкие дорожки пшеничной муки, составляющие магические рисунки вевэ, который символизировал одного из лоа, внешних духов. На стене беседки кто-то углем нарисовал пятиугольную звезду, в ее центре длинным гвоздем был прибит полусгнивший трупик кошки. Свет костра озарял торчащие из кустов широко раздвинутые голые ноги. Из магнитофона лилась диковатая музыка и голос, речитативом читающий что-то вроде: «Имирп сан ебес к, акыдалв ымьт о, меавызирп ябет!».

Это была безумная смесь акводана , сатанизма и неизвестно чего еще. Жалкое любительство. Сплюнув, Бокор шагнул в свет костра. Несколько фигур шарахнулось от него, кто-то вскрикнул. Из кустов, оправляя черный свитер, выбралась девчонка, обутая в

сандалии, с широкой черной повязкой, перехватывающей длинные, до пояса, волосы.

— Ты кто? — к нему подступил мужчина с костью какого-то животного в руках. Остальные начали медленно подходить, сжимая кольцо вокруг Бокора.

— Это что такое? — Опанас презрительно указал на дохлую кошку. — Ваш рампа-рамп ? Провинциалы!

Мужчина, скорее всего, предводитель подростков-сатанистов, замахнулся костью, но Барон Суббота пыхнул ему в глаза едким дымком. Запахло серой, мужчина отшатнулся. Опанас, вцепившись в его запястье, сначала толкнул, а потом потянул на себя. Предводитель упал на колени. Опанас, схватив кость, высоко поднял ее, показывая остальным.

— А это что? — заорал он в ярости. — Жезл? Он ни на что не годен! Кроме этого!

Бокор с размаху опустил кость на голову мужчины, потом, все еще чувствуя ярость, ударила несколько раз подряд, пока кость не сломалась. Мужчина упал головой в костер, остальные с воплями побежали вверх по склону, но Бокор успел схватить за шиворот девицу в черном свитере. В кустах, из которых она появилось, зашелестело. На ходу натягивая штаны и застегивая ширинку, оттуда выбрался высокий тощий парень. Опанас, несколько раз ударив девицу по лицу и швырнув ее на землю, развернулся к тощему, но тот и не думал убегать. Приглаживая волосы, Тощий окинул взглядом лагерь, шагнул к костру и с интересом посмотрел на неподвижного предводителя.

— Клёво, — сказал он и перевел взгляд на Опанаса.

— Ты — новый хозяин? Извиняй... — Тощий шагнул в сторону, поднял все еще работающий магнитофон и швырнул его в костер. Несколько секунд магнитофон продолжал играть, потом голос, читающий задом наперед, стал тянуть слова, загнусавил и смолк.

— Никогда не любил эту музыка, — пояснил Тощий свои действия и взглянул под ноги Опанаса. Тот перевел взгляд.

Девчонка лежала, съежившись, прикрыв голову руками. Свитер задрался, обнажив бедра.

— Хочешь ее? — с любопытством поинтересовался Тощий.

— Тебя как зовут?

— А зови Буратино. У того нос длинный был, а у меня... — Буратино ухмыльнулся. — Тогда она — Мальвина, правильно?.. Она немая, только мычит. Слышь, Мальвина, вставай. Новый хозяин пришел... — он шумно втянул носом воздух, принюхиваясь к запаху горело мяса и плавящейся пластмассы, которые начали распространяться от костра. — Отойдем куда-нибудь, шеф?

Воняет...

В сумочке-«кенгуру» на ремне Опанаса было три тысячи долларов. Возле машины, получив треть, Буратино воскликнул:

— Ну, ты даешь!

Он обнял Мальвину, прижавшуюся головой к его плечу. В его глазах была радость, в глазах Мальвины — удивление, но, кажется, страха ни один из них не испытывал.

— Это вам на расходы, — пояснил Опанас. В сумочке лежала еще пара мобильных телефонов, один он передал Буратино. — Куда ехать, я уже объяснил. Что делать — тоже.

Он окинул взглядом стоящие в ряд машины, шагнул к потрепанной зеленой ‘оке’ с тонированными стеклами и легко открыл ее.

— Возьмете эту тачку. Оружие ясно где раздобыть? Вы должны задержать их до моего возвращения. Если будут трудности — свяжетесь. Я в дороге по радио свяжусь со Стрелком и пришлю его вам на подмогу. Вопросы?

— Только один, шеф. Куда ты направляешься?

— Тут рядом, — пробормотал Бокор.

Глава 8

Над головой был потолок в пятнах ржавчины. Некоторое время Егор Адамов рассматривал его, лежа на спине, затем медленно сел. Что-то звякнуло.

Егор находился в длинном, просторном металлическом коридоре — почему-то это напомнило ему звездолет. Вроде такой здоровенной космической баржи, перевозящей тысячи поселенцев от одной звездной системы к другой.

На полу валялись обрывки бумаги, куски пластика, осколки стекла. И еще рядом лежал человекообразный робот. Адама огляделся, но пирамиды не увидел — исчезла.

Робот пошевелился, потом сел.

Скорее не робот, а роботесса. Бывают роботы женского пола? Во всяком случае, у нее имелось нечто вроде бюста, соединенного с нижней частью узкой гибкой ‘талией’ вроде массивной пружины. Да и черты лица... если, конечно, сочетание динамиков и фотоэлементов можно назвать лицом...

— Ты кто? — спросила она.

Когда Егор поднялся на ноги, вновь раздалось звяканье. Он оглядел самого себя, увидел блестящий торс, металлические ноги, длинные ступни с закруглениями — там, где раньше были пальцы.

— Вот черт! — Егор уставился на роботессу и неуверенно спросил: — Ли?

— Троечка, — поправила она. — Ли — это мой ник в ‘Кабалионе’, а обычно я подписываюсь...

— Мы общались пару раз в игровых форумах, — сказал Егор. — Я тебя помню, хотя плохо.

— Я тоже тебя помню, — она огляделась. — Вот значит как... Теперь мы роботы.

— Ага. Причем ты... — он замолчал.

— Что? — Троечка оглядела саму себя. — Что такое?

— Я хочу сказать, из тебя получилась вполне, гм, симпатичная... роботиха. То есть роботесса.

— Ясное дело! Я и в реальности вполне ничего. Но где мы?

— Ну, мне кажется, это космический корабль. Помнишь какие-нибудь игры с ними?

— Полно, только не онлайновые. Хотя нет, были ‘Star Wars Galaxies’, а еще...

— Пирамида исчезла, — сообщил Егор. — Нигде нет.

Из глубины коридора донесся приглушенный лязг.

— Что это там? Пошли посмотрим?

Коридор освещали утопленные в потолок плоские лампы. Пол был усеян мусором.

— Все-таки не похоже на звездолет, — заметила Троечка через несколько шагов. — Во-первых, посмотри, здесь же все ржавое. Во-вторых, на звездолетах мусор должны как-то утилизировать. Сжигать или в космос выбрасывать, а не сваливать на пол.

Лязг стал громче. Он звучал ритмично, будто... будто чем-то железным колотили по чему-то железному. Послышались неразборчивые восклицания, затем ругань.

— Что там происходит? — Троечка ускорила шаг. Коридор изогнулся, и они очутились на свалке.

Зал с высоким потолком-куполом заполняли горы мусора. Здесь шел дождь: из широких отверстий в куполе то и дело что-нибудь вылетало. Более крупные предметы — детали каких-то устройств, тяжелая рухлядь — проносились подобно метеорам и с грохотом падали среди завалов, взрываясь мелкими обломками; ошметки пластика, куски бумаги и металлическая труха наполняли пространство рваными хлопьями, которые планировали, лениво покачиваясь, словно грязные снежинки.

А еще в воздухе парили прозрачные чешуйки.

Под стеной два робота били третьего. Он лежал, прикрыв голову руками, дергался, иногда принимался ругаться визгливым голосом. Те, кто его бил, более всего напоминали тумбочки на гусеницах. Они откатывались, наезжали на жертву и вновь откатывались.

— Вы что делаете? — крикнула Троечка и пнула одного из них в зад. Робот качнулся на узкой платформе, правая гусеница зашипела, в то время как левая оставалась неподвижной. Развернувшись, он манипуляторами ухватил Троечку за пружинную талию. Второй робот продолжал заниматься своим делом.

— Эй, эй! — Адама подскочил к ним.

Троечка размахивала руками и ногами. Робот приподнял ее, поворачивая, рассматривая со всех сторон. Адама прыгнул ему на спину, вцепился в манипуляторы и резко развел в стороны. Троечка упала на пол.

Робот дернулся, пытаясь высвободиться, и тогда Адама со всей силы заехал ему кулаком по макушке. Из головы робота донесся низкий протяжный звон.

Егор отпрыгнул. Гусеницы вновь зашипели, крутясь в разных направлениях, робот начал вращаться на месте, дергая манипуляторами. Второй робот наконец заметил неладное и оглянулся.

В корпусе первого что-то переклинило: вихляя гусеницами из стороны в сторону, он вдруг сорвался с места и влетел в мусорные завалы. Несколько секунд фонтаны взлетающих отбросов и треск сопровождали его передвижение по свалке, затем все стихло.

Подняв кулак, Егор шагнул ко второму роботу. Тот попятился, развернулся и исчез в коридоре, через который они вошли.

— П’асипа, п’ратан!

Адама чуть не подскочил, услышав скрежещущий голос. Так могла бы разговаривать старая циркулярная пила.

Жертва поднялась на ноги. Егор уже сообразил, что сейчас скорее годятся слова вроде ‘манипуляторы’, или ‘конечности’, но решил, чтобы не путаться, думать о них как о привычных руках и ногах. Если бы этот робот был человеком, то скорее всего — бродягой-дистрофиком. Напоминающие веточки ножки, казалось, могли сломаться в любое мгновение, хотя вес, который им приходилось нести, был совсем невелик. Тощие руки состояли из потемневших стержней и перепутанных проводов, голова покачивалась на кривой шее. Левый фотоэлемент прикрывала полоса разлохмаченной черной изоленты. В разных местах из тела торчали обрывки изоляции, обнаженные контакты, спирали проводков.

— Г’рла! — какой-то дефект мешал бродяге связно произносить слова. Периодически в его горле раздавались щелчки, будто клемма искрила, и тогда робот глотал отдельные звуки. — Ни х’я себе!

Он выпучил единственный глаз-фотоэлемент, разглядывая Троечку сквозь медленно падающий мусор.

— Йо! Редко сюда зап’редают такие т’лки.

— Кто? — Троечка вопросительно посмотрела на Егора. — Что он сказал?

— Ни-ни! — бродяга примирительно поднял руки. Ладони у него были широченными и плоскими, похожими на лопаты, а ступни напоминали ржавые жестяные ласты. — Все в ажуре, рып’ка, это был к’мплимент.

Голоса разносились по всему залу. Кроме них тишину нарушал лишь тихий шелест мусорного снега. Егор наконец задал вопрос, который давно надо было задать.

— Ты кто такой?

— М’ня звать... — рука-лопата хлопнула по груди, подняв рыжее облачко ржавчины. — Рипа.

— Где мы? — спросила Троечка. — Как называется это место?

— Как это — где? — Рипа оглянулся. — С’ма не видишь, что

ли?

— Э… Рипа, мы не отсюда, — пояснил Егор. — Пришли издалека, понимаешь? Объясни толком, где мы находимся.

В глубине свалки упало что-то тяжелое, взметнув облако трухи.

Робот поднял руки. Внутри него защелкало, сквозь щели в помятом нагруднике посыпались искры. Двигался Рипа так, что казалось — основные усилия он тратит на борьбу с собственными суставами. Ноги, судя по всему, давным-давно разучились сгибаться.

— Это Шаари Мот — Вр'та Смерти. Чуток выше — Бар Шачет, Могила Разрушения, средние этажи — Целмос, Тень Смерти. Самый верх — Титихоза, Смертный Прах.

— Это уровень Вод Творения? — уточнила Троечка.

— Над нами… — он сделал широкий жест… — Великий город Р'бополис. Вокруг нас, 'го м'ть — лучший район города, именуемый Отстойником. Я часто здесь т'суюсь…

— Робополис? — переспросила Троечка. Почему-то лишь сейчас Егор заметил, что по бокам ее головы расположены две небольшие радарные тарелки. — Что-то не припомню такой игры.

— Великий город… Йо!! — Рипа упал навзничь.

— Что? Что это с ним? — Егор уже ничего не понимал. — Почему он упал?

— Не знаю, — Троечка осторожно коснулась тела Рипы ногой. Хоть она и стала роботом, но ноги были длинными, так сказать — от радаров. — Послушай… Как-то странно, я не могу понять, игрок это или бот? Для бота слишком разговорчивый…

Тонкая рука поднялась, ладонь-лопата помахала в воздухе, и робот сел. Второй рукой он полез куда-то в недра своего организма, достал две круглые линзы, скрученные проволокой на манер очков, и надел их. Одна линза пришлась на фотоэлемент, а вторая — на полоску изоленты.

Голова со скрипом повернулась из стороны в сторону, и незнакомый голос произнес:

— Чем обязан?

— Что? — опять не понял Егор.

Рипа поднялся. Внутри него все так же полязгивало и потрескивало, но двигался он теперь иначе — более изящно.

— Чем обязан, г'спода? — робот взглянул на опешившую Троечку и слегка поклонился. — Мадам?

Они молчали, ошарашено глядя на него.

— Простите… — он поправил очки. Сквозь линзу огромный фотоэлемент уставился на Егора. — Простите, возможно, мой вопрос п'кажется вам несколько, э… дерзким — но кто вы т'кие?

— Но как же, Рипа... — начала Троечка. — Мы же... ведь мы только что познакомились?..

— Во-первых, мадам, меня зовут Агриппа, а во-вторых, не имею чести... — тут он несильно хлопнул себя ладонью по лбу. — Ах да, конечно, Рипа... Видите ли, у меня сбоит реле в л'бной доле... Из-за этого 'мост' переключается между двумя... — вдруг робот с подозрением уставился на них. — А вы необычно выглядите. Что вы здесь делаете?

— Ну, мы... — начал Егор, но Агриппа замахал руками.

— М'лчите! — он настороженно оглянулся. — Тот всемогущий! Я п'нял. Агенты, присланные, чтоб свергнуть тиранию...

— Да? — удивился Адама. — Вообще-то мы не...

— Ни слова б'льше! Конечно, вы не можете открыть тайну первому встречному. Но знайте — я с вами. Клянусь, я приложу все усилия, окажу любую п'мощь...

Падающий со стен рассеянный свет мигнул, комья пыли и ржавчины посыпались с далекого потолка. Свет разгорелся вновь, Адама успел различить темные летящие предметы, затем он погас окончательно. Пол дрогнул.

— Это еще что такое? — чуть не упав, Егор ухватился за Троечку. — Как тебя... Агриппа! Что происходит?

Одновременно в разных местах загорелись прожекторы, световые столбы прорезали тьму. Источники их зигзагами передвигались над свалкой.

— Цензоры! — завизжал Агриппа. Луч прожектора пополз мимо них, и Егор различил темный силуэт робота, который присел, озираясь.

— Д'шители свободной воли!

— Бежим? — неуверенно спросил Егор.

Сверху донесся свист. Они подняли головы, секунду смотрели, потом Егор и Троечка отпрыгнули в разные стороны, а робот начал приподнимать ногу, что сопровождалось серией щелчков и жалобных позвякивание, донесшихся из его коленного сустава...

Вылетевший из отверстия в потолке толстый обрезок трубы в полметра длиной упал ему на голову. Раздался звук, будто по церковному колоколу с размаху заехали ломом. Робот плашмя повалился на пол, точно так же, как и в первый раз. Труба, крутясь пропеллером, отлетела от него и шмякнулась под ноги Егора.

Из головы робота еще некоторое время доносился, постепенно стихая, протяжный металлический гул, затем наступила тишина.

— Ой, — довольно спокойно сказала Троечка, как бы ставя точку.

Егор шагнул к поверженному Агриппе.

Кто бы ни были эти цензоры, но они услышали шум и заинтересовались им — летающие источники света стали приближаться.

Рука робота поднялась, сняла очки и сунула их куда-то. Еще секунду он не двигался, затем вскочил и деловым голосом приказал:

— Что я вам скажу, п'ратва — всеобщий ш'хер! А ну, давай за мной... — подхватив обрезок трубы, Рипа устремился по тропинке, извивающейся между завалами мусора. Переглянувшись, Егор с Троечкой побежали следом.

* * *

— Б'рзеют л'гавые...

Рипа полз по узкому вентиляционному ходу, за ним следовал Егор, потом Троечка. Сначала труба тянулась наискось вверх, а когда они покинули уровень Отстойника, стала горизонтальной.

— Ты назвал их цензорами, — подал голос Егор. — Это местная полиция, что ли?

Колени Рипы громко щелкали, иногда на полу за ним оставались пятна машинного масла.

— Да, рядовые. Так, п'чти на месте...

Труба изогнулась и стала шире, робот улегся перед проволочной решеткой. Адама, устроившись рядом, выглянул.

Площадь, похожая на очень большой вокзал или аэропорт... Только вместо пассажиров-людей — роботы. Гул голосов и лязг металлических конечностей наполняли помещение. В центре высился памятник: обычный бородатый человек, одетый в обычный костюм, в галстуке. Он стоял, чуть склонив голову, словно задумчиво рассматривал снующих у его ног существ. Вокруг тянулись витрины магазинчиков, вдоль стен ползли прозрачные кабины лифтов. Егор поднял взгляд. Зал, по сути, был очень широкой и высокой трубой, верхнюю часть которой скрывали висячие коридоры. Между ними что-то летало.

— Рипа! — шепотом произнесла улегшаяся рядом Троечка. — Рипа, чей это памятник? В смысле — кому?

— Ты чё, с'стренка? — проскрипел робот. — Как это — чей? Да, это же Тв'рец!

— Творец?

— Йо! Вы откель свалились к нам? Л'дно, погодите чуток,

надо разведать, чтобы л'гавые не выпасли... — с душераздирающим скрежетом робот развернулся и уполз в боковое ответвление трубы.

Подождав, когда звуки его передвижения стихнут, Адама придвинулся к Троечке и зашептал:

— Интересно, почему эти цензоры появились сразу после того, как мы попали в Отстойник? Может, нас уже ищут? Я думаю, цензоры — это те же вакханки, просто здесь они принимают такой вид. Так же, как мы стали роботами...

Троечка молчала, пристально разглядывая что-то на площади.

— Нам достался спутник с раздвоением личности, — продолжал Егор. — Причем он сам про это знает, представляешь? Никогда не думал, что бывают роботы-шизофреники...

— Ты понимаешь, кто это? — кажется, Троечка не услышала ни единого слова. — Этот памятник?..

Адама вгляделся в склоненное лицо.

— Японец какой-то, что ли...

— Это же Тот Джигурти!

— Джигурти? — повторил Егор. — Я что-то вроде слышал... это не он изобрел вирус, как его...

— Погибель. Вирус назывался Погибель. На самом деле это не совсем вирус, просто такая программа, способная разрушать... Джигурти не японец, он, кажется, грузин, но работал на 'Тебах'. Ну же, вспоминай, про него еще писали в газетах. Тот Джигурти, гениальный ученый-изобретатель, занимался AI . Потом они с 'Тебахом' из-за чего-то поссорились, и Тот исчез, прихватив часть своих разработок.

— И?.. — спросил Адама, когда Троечка замолчала.

— И... дальше я тебе не могу рассказать. Извини.

— Что? — возмутился Егор. — Не можешь рассказать? Так что, может давай разойдемся сейчас в разные стороны?

— Не обижайся. Просто... Ну, ладно. В общем, Джигурти — он наш спонсор. Спонсор нашей группы. Он нас, можно сказать, и создал.

— Это те 'наши', с которыми ты связывалась? Так кто вы такие?

— Мы вроде хакеров. Джигурти нас снабжал деньгами, чтоб оборудование покупать. Хотя мы сами Тота никогда не видели, он переводил суммы через банк. Иногда просил нас выполнять разные несложные задания. Мы вообще-то не так давно познакомились с ним и объединились в группу, всего несколько месяцев. Нас четверо, двое — мои старые знакомые, с которыми я связывалась, а четвертый — человек Джигурти, которого он к нам

прислал. Такой… странный мужик. Высокий, волосатый. На барана похож. Джигурти с самого начала сказал, что позже у него будет для нас одно важное задание — стереть программу, которая вскоре даст о себе знать. ИскИн, генерирующий вакханок, наверняка эта самая программа и есть. Но совсем недавно Джигурти неожиданно исчез, перестал выходить на связь. Контакт с ним оборвался, теперь я точно не знаю…

Егор окинул взглядом толпу роботов.

— Ладно, но если этот аргумент перебросил нас сюда, значит, путь к ИскИну лежит через Робополис?

Их ушей достигли треск и щелканье суставов Рипы.

— Нашел! П'шли! — весело проскрежетал робот.

Вскоре проход стал спиральным. Несколько раз Егор пытался отмахнуться от прозрачных чешуек, но пальцы проходили сквозь них. Чешуйки казались неприятными и стесняли дыхание… хотя ведь теперь он не дышал.

Они съехали по наклонному желобу, пробрались сквозь сломанную железную диафрагму и наконец очутились снаружи.

Сколько Егор не глядел, так и не заметил дерева или каких-то других природных материалов — только гладкий бетон, металл и пластик. Все светилось, поблескивали стальные поверхности, перемигивались разноцветные огоньки, иногда вспыхивали красные и синие лазерные лучи… Робополис был ярким и шумным — чумовым.

— У вас есть правительство? — прокричал Егор. — Кто управляет всем этим?

Вокруг толкались роботы разных конструкций и размеров. Троечка пихнула Адаму локтем в бок, показывая на почти точную копию R2D2 из 'Звездных войн'. У некоторых прохожих не хватало конечностей либо они были прикручены к корпусу проволокой. На стенах сквозь блеск металла нет-нет да и проглядывали пятна ржавчины.

— Ваще-та у нас Конклав, — Рипа, зажав обрезок трубы подмышкой, уверенно вел их сквозь толпу. — Мы его выбираем. Но на деле п'ханом давно Резидент.

— Резидент?

— Да, с'стренка. Никто его не видел, он ж'вет где-то… — робот неопределенно махнул рукой вверх. — Теперь его цензоры прессуют простых п'рней навроде меня. О!

— Что 'о'? — спросил Егор.

— Во! — Рипа показал куда-то вперед, заозирался, потом приказал: — Ждите м'ня там… — и уковылял в толпу.

— Где? — Адама оглянулся.

— Вон. Идем.

Троечка потянула его в глубокую полутемную нишу между стенами двух магазинов. Они встали там, наблюдая за роботами, что проходили мимо проема. Ли сказала:

— Ну хорошо, давай разберемся. Слышал, что Рипа болтал про Резидента? Наверняка это как-то связано с вакханками. Если Резидент там... — они поглядели на ползущие вверх и вниз лифты, на металлические арки и коридоры...

— Думаешь, на верхних ярусах... — начал Егор, и тут в нишу, быстро переставляя негнущиеся ноги, ввалился Рипа.

— Есть! — робот воровато оглядывался. Он держал железную коробочку с парой блестящих контактов, изображением черепа и перекрещенных молний. — А ну п'держи, п'ратуха, — робот отдал Егору обрезок трубы.

— Что ты собираешься делать?

Рипа неопределенно качнул головой.

— Послушай, а что находится вверху? — спросила Троечка.

— Центровые кварталы для б'гачей. Простым п'цанам вроде меня там делать нечего, — робот поднял левую руку, несколько раз согнул и разогнул ее так, что наружу вылез провод с содранной изоляцией.

— Нам надо наверх, — сказал Егор. — Поможешь подняться туда?

— Ты чё, п'рателла? — удивился Рипа. — Л'гавые нынче оборзели. Не, я конечно, п'лагодарен, что вы помогли в Отстойнике, но... Ни-ни, наверх не пойду. Так, а ну, посуньтесь ч'ток назад...

— Зачем?

— Отойди, отойди, г'рю.

Егор с Троечкой попятились в глубь ниши. Рипа примерился и вонзил контакты на коробочке в неизолированный сгиб локтя. С треском сыпанули искры. Коробочка полетела на пол, робот присел на расставленных ногах, качнувшись, широко развел руки...

— ЙО!!!

Его фотоэлемент покраснел.

— Как торкнуло! — он стал заваливаться на бок, и подскочивший Адама схватил робота подмышки. — Неф'вый приход, п'ратишка... — счастливо скрипнул Рипа.

Сквозь царящий на площади шум донеслись звуки сирены.

— Опять л'гавые... — в голосе Рипы появились отрешенные нотки, будто теперь появление цензоров его не очень-то и тревожило. — Перекемарим п'ка здесь.

— Нам надо наверх, — повторил Егор, отпуская робота.

Рипа пошатнулся и привалился плечом к стене.

— Я ж тебе уже сказал. Тут д'же старик Меркюри не поможет.

— Кто такой Меркюри?

— Босс нижних уровней.

— Как босс уровней? Так, значит, это все же игра?

— Ты чё, п'ратан? Какая игра? Если это игра, то она интереснее жизни!

— А что значит 'босс'?

— То и значит: п'хан нижних районов Роп'ополиса. Переменным током пр'торговывает, стволами, роболярв держит, тот еще с'тенер... Но я здесь тусуюсь, наверх к этим п'дикам ни ногой.

— Но мы...

— П'ратан! — Рипа начал сердиться. — Я Меркюри на глаза п'казываться не хочу. Ты чё, не п'нял? Отвянь, наверх не п'йду.

Сирены над площадью надрывались. Выглянув из ниши, Адама узрел нечто, напоминающее помесь осы и большой кофемолки, с узкими крыльями и единственным выпученным фасетчатым глазом на лбу. Оно промчалось низко над разбегающейся толпой и исчезло из поля зрения. Егор взглянул на Троечку. Та пожала плечами и кивнула. Тогда Егор, взяв обрезок трубы обеими руками, широко размахнулся и ударил робота по голове.

* * *

Лифт поднимался быстро. Площадь внизу была видна как на ладони.

— Как болит...

Стоящий у прозрачной покатой стенки Егор оглянулся.

Агриппа обеими руками держался за голову.

— Повторите еще раз, что я вам обещал, пока... пока верх взяла моя другая личность?

— Ты сказал, что поможешь нам проникнуть в верхние ярусы, — пояснила Троечка, пряча глаза. — Дал слово.

— Слово дал? — уныло переспросил робот.

— И еще перед этим, в Отстойнике, сказал, что приложишь все усилия, чтобы помочь нам.

— Да, это я п'мню... чего не сделаешь в сиюминутном порыве.

— Сказал, что почтешь за честь помочь тайным борцам против тирании Резидента.

— А вы — тайные б'рцы?

— Не сомневайся. Пока ты был Рипой, мы предоставили тебе неоспоримые доказательства.

— Что, совсем не'споримые?

— Абсолютно.

— Ох... А... я что-то делал при этом?

— Да, у тебя была такая коробочка с двумя контактами, и ты пустил себе ток в руку.

Робот помрачнел.

— Ясно. Это был переменный ток, вызывающий всплеск нелинейных флуктуаций. Моя вторая личность — грубое, м'лоразумное существо. Он п'лучает удовольствие, а у меня потом голова кружится и отнимаются к'нечности. Но как же я смогу п'мочь вам?

— Ты упомянул какого-то Меркюри, — подал голос Егор. — Кто это?

— Местный босс. Занимается оружием, наркотиками и прочим в таком же роде.

— Он может помочь нам?

— П'нятия не имею. Его логово выше.

Снаружи мелькнул силуэт цензора. Егор попятился. Цензор пролетел вниз и скрылся из виду.

— Тот всемогущий, вот и они! — взвизгнул Агриппа.

Егор присел, осторожно выглядывая. Цензор опустился к площади — он явно кого-то искал.

— Откуда они вообще берутся? — спросила Троечка у робота.

— Они п'явились давно. Их хозяин Резидент.

— И сколько этот Резидент у вас командует?

— Долго уже.

Егор с Троечкой переглянулись.

— Как это — долго? — спросил Егор. — Ведь все начало происходить только что?

— Может, это потому, что в разных играх время течет по-разному? — предположила она. — Не все ведь реал-таймовые. Может, по местному времени уже прошли года с тех пор, как 'Кабалион' схлопнулся...

Описав несколько кругов вокруг памятника, цензор взлетел. Он пронесся мимо лифта, резко затормозил и повис в воздухе. Егор отскочил в глубь кабины, прижался спиной к стене, но это не помогло. Цензор словно почувствовал их и подлетел ближе. Сквозь колпак лифта фасетчатый глаз просканировал кабину. Цензор взмыл вверх и пропал из виду.

Егор повернулся к Агриппе.

— Надо выбираться отсюда. Долго еще ехать?

— До второго уровня минут десять! — простонал робот. — Он п'летел за п'дмогой!

— А какие-нибудь промежуточные этажи есть?

— Да здесь сплошь технические ярусы! Но чтобы остановить лифт, нужен специальный допуск.

Возле раздвижной двери был щиток со светящимися цифрами этажей, кнопками и горящей зеленым лампочкой. Егор заколотил по кнопкам, но кабина продолжала двигаться с той же скоростью.

— Может, здесь есть аварийная остановка... — начал он.

Оттолкнув его, Троечка обеими руками вцепилась в крышку и рванула.

— Дай мне... — она склонилась над обнажившимися контактами — и тут же лифт встал.

— Быстро ты... — удивился Егор.

— Это не я. Я еще ничего не успела сделать...

— Отключили дистанционно! — Агриппа показал наружу, и Егор оглянулся.

Теперь их стало трое. Выпученные фасетчатые глаза заглядывали в кабину. Одновременно в трех брюхах разъехались щитки, из отверстий выдвинулись узкие дула.

— Э, Ли... — начал Егор.

— Что там? — стоя спиной к нему, Троечка лихорадочно копалась в контактах панели.

— Там трое... трое легавых, и у них оружие.

Один из цензоров выстрелил, отдача качнула металлическое тело.

Прямо перед лицом Егора на прозрачной стене появилось белесое пятно. Кабина дрогнула.

— Что они делают? — спросила Троечка, не оборачиваясь.

— Стр'ляют! — взвизгнул Агриппа.

— И?..

— И ничего, — добавил Егор.

Два цензора выстрелили одновременно, еще пара пятен возникла на стенке.

— Хорошо, что у них не пулеметы. Какое-то время кабина выдержит. Как у тебя?

— На самом деле это всего лишь программы, — пробормотала Троечка сквозь зубы. — А я разбираюсь в программах, просто мне нужно время...

— Слушай, вдруг ты откроешь двери, а там глухая стена? Попытайся запустить лифт вверх.

Цензоры выстрелили залпом, и ответа Егор не услышал.

Агриппа сжался в углу. Теперь стало трудно различить, что происходит снаружи — половину стенки покрывали белые пятна. Вдруг кабина дрогнула и с шипением опустилась на полметра.

— Ой! — сказала Троечка. — Не то!

Опять прозвучал залп.

Егор приник к небольшому участку, чистому от следов выстрелов. Снаружи маячило уже не три, а четыре противника. Новый цензор был куда крупнее остальных. Он напоминал жука с металлическим панцирем и длинными изогнутыми антеннами.

— Сержант! — прокричал сзади Агриппа.

Раздался треск, кабину озарили искры.

— Есть!

Адама оглянулся. Дверцы раскрылись, обнажив глухую бетонную стену.

— Плохо... — начал он, но Троечка показала вверх. Под потолком виднелась часть темного проема. Если бы кабина не опустилась, дверь пришлась бы как раз на него.

— Агриппа, давай туда!

— Но я не вл'зу.

Два сегмента, составляющие панцирь сержанта, разъехались в стороны. Из спины поднялась турель.

Егор с Троечкой схватили Агриппу и приподняли.

— Хватайся и залезай туда!

Робот, скрежеща суставами, охая и причитая, втиснулся в отверстие. Секунду его тощие ноги дергались снаружи, потом исчезли.

На турели сержанта поднялись стволы строенного пулемета.

— Теперь ты. Стань мне на плечи, потом подашь руку. — Егор опустился на корточки под стеной. Ступня Троечки звякнул о его спину. За колпаком стволы пулемета начали вращаться.

— Давай! — послышалось сверху, и он вскочил. Троечка, свесившись из прохода, тянула вниз руку.

Три ствола превратились в один, широкий с размытыми очертаниями. Адама ухватился за тонкое запястье, Троечка потянула, он уперся коленями в стену, пытаясь взобраться и соскальзывая. Сержант открыл огонь.

Пулемет выплеснул сноп огня. Трассирующие заряды ударили в стенку, мгновение она держалась, затем разлетелась осколками. Егор карабкался, скользя железными подошвами по бетону, Троечка тянула его, отодвигаясь в глубь прохода. Грохот наполнил кабину, она затряслась. Прямо под ступнями Егора стену прокороздил ряд дырок, извергающих цементное крошево. Взмахнув ногами, будто неумелый ныряльщик, прыгающий с трамплина, Егор влез в нишу.

— Агриппа где-то впереди. Давай быстрее!

Здесь можно было стоять полусогнувшись. Адама побежал следом за Троечкой, слыша грохот позади. Прямоугольный бетонный проход оказался коротким — спустя несколько секунд они оказались в более просторном помещении. От пола до

потолка тянулись покрытые каплями влаги ржавые трубы, изогнутые и прямые, узкие и широкие. Из вентилей капала вода, что-то гудело за утопленными в стены трансформаторными щитами.

— Агриппа! — позвала Троечка.

Ответом были звуки выстрелов и лязг. Через проход в помещение влетел цензор-рядовой. Егор и Троечка отпрыгнули в разные стороны, пробитая зарядами толстая труба выплеснула фонтан пара и кипящей воды. Все это ударило в цензора, он качнулся и взлетел под потолок, не прекращая поливать помещение огнем. Егор бросился вперед, пролез между двух труб, споткнулся, побежал влево, потом вправо...

Выстрелы грохотали позади, трубы отзывались гулом. Вокруг клубился пар.

— Егор!

Нагнувшись, Адама побежал вдоль стены и увидел очередное отверстие, на этот раз круглое. Из него торчала голова Троечки.

— Робот уже там, — произнесла она и исчезла.

Егор нырнул следом.

Грохот выстрелов и шипении пара стали тише. Труба напоминала ту, через которую они покинули Отстойник, только уже — двигаться пришлось ползком. Преодолев несколько поворотов, Троечка остановилась.

— Что там? — спросил Егор.

— Тут выход. Отверстие в стене.

— Ну так вылезайте.

Молчание.

— Да что случилось? — спросил Адама.

— Кажется, он застрял.

— Кто, Агриппа?

— Кто ж еще?

Раздалось приглушенное кряхтение, потом жалобный скрипучий голос:

— Не п'лучается...

Прижавшись щекой к стене, Егор попытался разглядеть, что происходит впереди.

— Имейте в виду, цензор вполне мог влететь сюда за нами, — предупредил он.

Агриппа впереди задергался.

— Если он сейчас начнет палить мне... мне в спину, — не унимался Егор, — то винить в этом я буду вас.

— При чем здесь я? — возмутилась Троечка. — Это же он застрял!

— Подтолкни его.

— Да? Ладно, сейчас попробую.

Она стала поворачиваться, подогнув под себя ноги и упираясь руками в стены. Оказавшись головой к Егору, Троечка легла на спину. Теперь Адама разглядел узкое отверстие и Агриппу — наполовину снаружи, наполовину внутри. Жалобно мыча, робот извивался и сучил ногами.

Лежа на спине, Троечка запрокинула голову и покосилась на Егора.

— Что ж делать, попробуй... — сказал он.

Она согнула длинные ноги так, что колени прижались к груди, и резко распрямила.

Лязг и вопли наполнили трубу. Агриппа судорожно заскреб конечностями по бетону, перевалился через край и исчез внизу. Мгновение было тихо, затем пронзительное ‘бряц-бряц-бряц!!!’ возвестило о том, что тощее металлическое тело вошло в соприкосновение с чем-то твердым. Судя по продолжительности звука — с несколькими ступенями. Стало тихо, а потом знакомый голос произнес:

— Йо!

* * *

Под потолком горела тусклая лампочка без абажура. От покосившейся двери вверх вели три ступеньки, дальше начинался коридор с облезлыми обоями на стенах.

Егор следом за Троечкой спрыгнул на грязный пол. Груда металлических костей на ступенях зашевелилась; из нее показалась рука-лопата, ухватила валяющиеся рядом треснувшие линзы и убрала куда-то. Потом Рипа встал.

— Чё? — он огляделся. — Ну, ясно! Вы таки пр’тащили меня сюда.

— Куда? — спросил Егор.

— Да в логово Меркюри! Надо с’бывать отсюда побыстрее... — Рипа повернулся к двери, но тут она сама раскрылась, и робот отпрянул от тех, кто вошел внутрь.

— Надо же... — прошептала Троечка. — Черные роботы.

На верхней ступеньке стояли три здоровяка из иссиня-черного металла. Могучие плечи, толстые руки и ноги... Широкие короткие шеи поддерживали головы, напоминающие выкрашенные ваксой страусиные яйца. На покатых лбах играли световые блики. На шее одного, самого крупного, висела толстая металлическая цепь.

— Кто? — произнес богатырь. — А, ты... Спокойно, братья,

это всего лишь Рипа...

Он и еще один робот держали пистолеты. У третьего правой руки не было, вместо нее из плеча торчала турель с длинным стволом.

— Откуда ты свалился? Босс как раз приказал найти тебя...

— П'нза, брат! А я сам пр'шел! — покосившись на Егора с Троечкой, Рипа тихо выругался. — Зачем искать? Еще и двух к'нтов с собой привел, вишь...

— Вижу, — Пенза окинул их взглядом. — Интересные у тебя друзья.

— Типа того, п'рат.

— Ладно, пошли, — богатырь шагнул в коридор.

— Вы идите, а я вас д'гоню, — сделал Рипа жалкую попытку. — Щас, т'лько по одному дельцу сб'гаю...

— Знаем мы твои дела, братишка. Потом сбегаешь. Топай, топай.

Коридор повернул под прямым углом и стал шире. Больше всего это напоминало ночлежку — под потолком висел чад, из-за тянувшихся с двух сторон дверей доносился шум голосов, лязг, звуки перебранок. В дальнем конце коридора стояла электроплита, на которой что-то булькало в большом тазу.

Пенза вставил указательный палец в скважину замка и отпер одну из дверей. За ней оказалась узкая крутая лестница.

— Сюда давайте.

Черные роботы шли уверенно и неторопливо, чуть покачиваясь; Рипа переставлял ноги по ступеням, как пьяница на ходулях. Площадка, еще одна лестница, совсем уж крутая и узкая... Они миновали второй коридор, пересекли захламленную кладовую. В тенях на другой ее стороне пряталась очередная дверь, широкая и очень крепкая с виду. С глазком.

Богатырь нажал кнопку звонка. Глазок мигнул, в двери щелкнуло, и Пенза толкнул ее.

— Не тушуйся, Рипа. Входите.

В большой комнате стояла пара шкафов, стулья, стол и громоздкий сейф под стеной. За решетчатым окном без стекла открывалась широкая улица-коридор с бетонным потолком.

Спиной к окну за столом сидел высокий робот. Не черный, а как бы смуглый — тело покрывал темно-серый хром.

Два робота встали слева и справа от закрывшейся двери, а Пенза шагнул к столу

— Босс, глядите, кто заявился.

— Рипа, брат... — голос Меркюри был хриплым и таким низким, что дрожь пробирала. — Долго ты не наведывался к нам...

— П’нимаешь, брат... — чувствовалось, что Рипе не по себе. — Все д’ла, д’ла...

— Да, дела... — сочувственно протянул хозяин и окинул взглядом Адаму с Троечкой. — Серьезные у тебя дела, все мешали заскочить на минутку, отдать долг...

Рипа молчал.

— Ну что же, брат, теперь ты опять с нами и готов рассчитаться? Три затылочных чипа, шотган и станковый огнемет стоят денег... Что такое? — Меркюри перевел взгляд на Пензу. — Отчего это наш брат молчит?

Богатырь уставился на несчастного Рипу пронзительным взглядом.

— Как думаешь, может, он на самом деле пришел не рассчитаться? Где вы его нашли?

— Да он случайно к нам свалился, прямо под входом — проворчал богатырь. — Мы вообще по своим делам шли.

— Свалился? — высокий робот посмотрел на Егора. — Говоришь, брат, это твои друзья? Что ты делал здесь с ними?

— Мы... понимаешь... — начал Рипа и замолчал.

— Мы убегали от цензоров, — сказал Адама.

Наступила тишина.

— Внизу до сих пор шумят? — спросил наконец Меркюри.

— Ага, босс. Легавые стрельбу подняли, лифт зачем-то расколотили.

— Так... Вы двое, подойдите ближе.

Егор с Троечкой шагнули к столу. Меркюри долго смотрел на них, потом спросил:

— Ладно, так что вы не поделили с цензорами?

Позади раздался скрип, когда Рипа переступил с ноги на ногу. Затем он в отчаянии выпалил:

— Они — тайные аг’нты, брат! Они пришли сюда, чтобы разобраться с Резидентом!

В руках двух черных роботов лязгнули заторы оружия, ствол на плече третьего повернулся. Меркюри произнес:

— Нет, погодите. Что-то ты путаешь, брат Рипа. Агенты не бывают сами по себе. Если они агенты — то их кто-то послал, так? — Он медленно поднялся из-за стола, и Адама с Троечкой задрали головы — босс роботов оказался очень высок.

— Ну так чьи вы агенты, а? Вы что... оттуда?

За его спиной из-за края окна всплыл цензор-рядовой. Секунду он висел неподвижно, сканируя комнату фасетчатым глазом, затем из-под брюха выдвинулся ствол.

— Осторожно! — заорал Адама, шарахаясь в сторону и сбивая с ног Троечку. Меркюри присел, скрывшись за столом. Рядовой

выстрелил, один из черных роботов отшатнулся к стене и сполз вдоль нее, прижав ладони к дымящейся дыре в грудном щитке.

— Высл'дили! — Рипа упал и пополз по полу. — Брат, я не виноват, я не...

Грохот наполнил комнату. Пенза, встав на одно колено, открыл огонь сквозь широкие отверстия между прутьями решетки. Цензор пытался подлететь ближе, но выстрелы отбрасывали его назад. Еще два рядовых появились над улицей. Меркюри был уже возле сейфа, пригнувшись, крутил кодовый замок. Робот у двери дал очередь из наплечного автомата. От первого цензора повалил дым, он рухнул вниз.

Выстрел другого разворотил плечо Пензы, богатырь покачнулся, но не упал.

С громким гудением за окном появился сержант, из его панциря поднялась турель пулемета. Он не мог преодолеть решетку, но рядовые влетели внутрь. Глаз одного разлетелся осколками, когда Пенза и второй робот одновременно попали в него. Последний рядовой полетел зигзагами, уходя от выстрелов, и тут у Пензы кончились патроны.

Меркюри все еще пытался открыть сейф. Троечка и Рипа подползли к нему. Цензор прострелил голову черного робота у двери, повернулся к Пензе, который лихорадочно перезаряжал оружие. Ствол уставился в лоб богатыря.

Егор прыгнул, вцепился в цензора обеими руками. Тот качнулся, и заряд разворотил пол у ног Пензы. Крутясь, рядовой взлетел к потолку, и тут за окном сержант начал стрелять.

Загрохотало так, будто они попали внутрь работающего автомобильного двигателя. Вися на цензоре, Егор поджал ноги. Трассирующие полосы прочертили комнату, разрывы пересекли сейф, стену, дверь... и голова Пензы взорвалась.

Богатырь встал. На широкой шее остался проломленный лицевой щиток и часть металлической скулы, за которыми находился мозг: потрескивающий, исходящий искрами шар, состоящий из металлических и стеклянных сегментов. Один фотоэлемент исчез, второй повис на проводе.

Широко расставив ноги, Пенза поднял пистолет обеими руками и начал стрелять. Он четырежды попал в сержанта, тот закачался — полоса разрывов от его очереди прочертила зигзаг и подрубила ноги богатыря. Пенза упал на колени, затем повалился на спину. Руки все еще сжимали пистолет, чей ствол обратился к потолку, продолжая посылать в него заряды.

— Пенза! — прокричал Меркюри от сейфа. Он уже справился с замком и распахнул широкую дверь.

Цензор, к которому прицепился Егор, крутился, пытаясь

сбросить противника. Адама, обхватив его, задрал ноги, согнув их, уперся ступнями в потолок. Сержант подлетел ближе к решетке, медленно поворачиваясь. Трассирующие заряды подползали все ближе.

Егор изо всех сил оттолкнулся от потолка и сделал движение, будто тяжеловес, мечущий ядро. Вот разве что Адама в этот момент находился вниз головой... Он швырнул цензора вниз, очередь сержанта прошила того насквозь, превратив в лохматый клубок обугленных проводов и рваного металла. Еще мгновение Егор ‘стоял’ на потолке, затем упал прямо на трассирующие вспышки, но тут Меркюри выстрелил в сержанта из гранатомета.

* * *

Комната расплылась, съежилась, вновь расплылась. Что-то не так с фокусировкой... Егор попытался встать, но металлические ноги не слушались.

После грохота и рева воцарилась неприятная звенящая тишина. Он поднял руку и хлопнул себя по лбу. В голове звякнуло. Комната опять расползлась, дрогнула... Наконец окружающее стало видно отчетливее.

Адама лежал за столом, рядом с неподвижным Пензой. От развороченной головы черного робота по полу расползалось маслянистое пятно. Руки все еще были подняты, ствол разряженного пистолета уставился в потолок.

По обломкам цензора Адама пополз в обход стола.

— Эй! — слабо позвал он.

— Ты где? — после паузы откликнулась Троечка. В ушах гудело, казалось, ее голос доносится откуда-то издалека.

Егор достиг распахнутого сейфа. Внутри была всего одна полка, а под ней — отверстие со ступенями, ведущими в темноту.

У сейфа валялся гранатомет. Привалившись к стене, сидел Рипа. Рядом лицом вверх лежал Меркюри, над ним склонилась Троечка. Стараясь не потерять равновесие, Егор встал. Сделал шаг и вновь опустился на колени.

В корпусе Меркюри появились три рваных отверстия, сквозь них виднелись электронные внутренности. Очередь сержанта все же зацепила его.

— Он умирает, — сказала Троечка.

— Вижу.

Диафрагмы на фотоэлементах Меркюри медленно разошлись.

— Вы оттуда? — тихо произнес низкий голос. — Троечка?

— Да, — сказала Ли. — Откуда вы знаете?

— Меня зовут Тот Джигурти.

Троечка и Егор уставились на робота.

— Как... — начала она и запнулась. — Как такое может быть?

— Меня убили, но я успел переправить сознание в Сеть. Тело умерло. Сознание живет здесь.

— Кто вас убил?

Раздался скрип. Между Троечкой и Егором протиснулся Рипа.

— Босс! — простонал он. — Босс, простите м'ня, я не хотел...

Меркюри перебил:

— Заткнись... — его правая рука приподнялась и указала в потолок. — Выход в следующую сфиру. В Робополисе я... на самом деле я готовил войну с Резидентом. Он... это Дионис. Он решил отрезать Сеть. Я смог добраться только сюда. Теперь вы идите дальше. Я ждал вас.

— Дионис?

— Да. Я... тренировался. Поставил эксперимент перед тем, как переправить в Сеть себя. Сначала призвал его — просчитал имена, озвучил их. Дионис оформился в Сети, но не захотел подчиняться. Вышел из-под контроля. Вы поймете. Там... — рука указала на сейф, — мастерская. Возьмите оружие. Поднимитесь наверх. Под куполом есть корабли, летите к черному астероиду. Последний уровень там. Возьмите дум, потом — ковчег.

— Дум? — повторил Егор.

— Ковчег? — спросила Троечка.

— Ковчег — моя программа. Это модуль, на котором сможете двигаться к Водам Лжи. Ковчег затянуло в черную сфиру, вместе с остальным. Через плоть Астарота проникнете дальше. Рипа...

— Босс? — простонал робот.

— Ты поможешь им. Понял?

— Конечно, босс!

— В мастерской лежит кей-генератор... — Меркюри замолчал, его диафрагмы сдвинулись.

— Кто такие вакханки? — спросил Егор. — Цензоры? Откуда они?

Правая диафрагма дрогнула.

Троечка произнесла:

— Дионис — он на четвертом уровне, на самом верху? Там, где...

Молчание. Егор наклонился к динамику. Еле слышный голос произнес:

— Марме Им, Воды Лжи. Там Троичный Ад. Я еще выйду на связь, — и смолк.

Глава 9

Остановив машину под воротами стационара, Володя выбрался наружу и принялся стучать. Наконец железная дверь возле массивных ворот приоткрылась, он увидел припухшее со сна лицо охранника. Одетый в спортивные штаны, тот прямо поверх голого тела нацепил ремень с кобурой.

— Я — муж одной из ваших пациенток, — сказал Квас. — Мне сейчас с ней надо поговорить.

— Ты сдурел? — Охранник широко зевнул. — Все спят.

— А дежурная медсестра?

— Ленка, что ли? Тоже дрыхнет.

— Но мне надо немедленно... — начал Володя, засовывая руку в карман.

— Говорю тебе, спят все. Подожди до утра, тогда...

Охранник раскрыл рот, уставившись на пятидесятидолларовую купюру, которую Володя сунул за его ремень.

— Да что у тебя случилось? — удивился он.

— Понимаете, у нас родственник умер. Близкий. Очень важно поговорить прямо сейчас.

— Ну... лады, давай... Только, извиняй, ворота я открывать не стану. Так зайдешь...

Охранник отступил назад, пропустил Володю и запер дверь. Через короткий коридор они прошли во внутренний двор стационара — охранник задержался только чтобы накинуть черную униформенную рубашку с надписью «АНГЕЛЫ» на спине — и вскоре очутились перед стойкой регистрации. Сидя на высоком стуле и положив голову на стойку, здесь спала немолодая женщина в белом халате.

— Елена... — позвал охранник и постучал по стойке костяшками пальцев. Медсестра подняла голову, моргая. — Тут вот к тебе. Несчастье у них. Разберись... — он ушел.

— Что случилось? — Медсестра встала, оправляя халат. — Вы кто?

— Муж вашей пациентки, Илоны Неицкой. — Квас вновь полез в карман. — Меня зовут Володя Элиарович. Мне надо сейчас же повидать жену.

Она посмотрела на электронные часы и перевела растерянный взгляд на ночного посетителя.

— Прямо сейчас? Что вы, это против правил. Все спят, я...

— И вы тоже спите на дежурстве... — Володя двумя пальцами опустил на стойку очередную купюру. — Мы платим приличные

деньги за содержание в этом заведении. Что если кому-то станет плохо посреди ночи...

— Там есть кнопки, а здесь... — Она показала на ряд стеклянных прямоугольников на панели за своей спиной... — начинает сигналить. Я обязательно услышу и...

— А можете и не услышать, — перебил Володя. — Я хорошо знаю Андрея Викторовича, вашего главврача. Как раз сегодня днем собирался поговорить с ним. Но сейчас нам с женой, скорее всего, придется уехать. Днем мы сюда вернуться не успеем, а когда приедем в следующий раз, я уже могу забыть про то, что увидел вас спящей на дежурстве... — Он выжидающе смотрел на Лену.

— Ну хорошо... — покорно сказала она, снимая ключи с крючка на стене. — Пойдемте...

Илона лежала в дорогой одноместной палате. Здесь были ковры, телевизор, кресла, горшки с цветами на подоконнике и красивое бра на стене. Включив его, медсестра погладила пациентку по плечу и когда та проснулась тихо вышла.

— Что случилось? — Илона села, поправляя лямку ночной рубашки. Квас опустился на стул рядом с кроватью, разглядывая жену. Она была худая, стриглась коротко, «под мальчика» — в свои тридцать напоминала юношу лет двадцати двух. Щеки впалые, покрыты болезненным румянцем, губы бледные, глаза чуть блестят. С каждым годом жена менялась все сильнее — и внутренне и внешне. Володя, демократично здоровавшийся за руку с любым охранником, всегда готовый ласково улыбаться и расспрашивать о семье, давно с огорчением понял, что чем больше у них становилось денег, тем сильнее портится нрав супруги.

— Скажи мне, наша «крыша» — кто они? — спросил Квас.

* * *

Неизвестно, как действовал Петр Ильич Васянин, но еще до рассвета он вошел в дверь на первом этаже южного филиала «Руссовирта» с картонной коробкой из-под обуви в руках. Петр Ильич очень осторожно поставил ее на тумбочку возле стены, достал мобильный телефон и набрал номер Кваса.

— Володя, — сказал он, когда шеф откликнулся. — Я все сделал. Это обошлось в пять тысяч «уе». Да, в офисе. А ты где?

— Я сейчас с Илоной, — ответил Квас. — Мы собираемся заехать в Коцюбы.

— А куда мне это деть?

В паузах между словами звучали приглушенное чириканье и стрекот.

— Оставь в... — начал было Владимир Элиарович, но его перебил рокочущий звук, который донесли до их трубок фоновые помехи. Похожий на рокот барабанов, он накатил волной и смолк, затем надрывный голос произнес с угрозой:

— Шанго взялся за топор. Свой кровавый топор...

Запнувшись, Квас продолжал:

— Поставь в комнате отдыха. И сам подожди, пожалуйста, не уходи. Должен появиться тот... тот пожилой мужчина, с которым ты меня видел. Седой. Отдашь ему. И, если он что-то захочет — помоги.

— Хорошо, — откликнулся Васянин, хмурясь. — Передавай привет Илоне.

— Да, Петя... — добавил Квас, и тут звук барабанов вновь усилился. — Арсений, он слегка... обкурился. Понимаешь? Странный стал, не обращай внима...

Его прервал новый голос, на этот раз женский, очень высокий и надрывный. Он сказал:

— Этот мужик Шанго такой мускулистый — настоящий громила. А Ошоси достает свои стрелы...

Васянин, будучи человеком серьезным и деловым, но несколько пугливым, поспешно отключился. Оглядевшись, прислушался к звону бокалов, который все еще доносился со второго этажа — средний административный состав офисного коллектива продолжал праздновать. По углам холла, освещенного круглыми белыми светильниками, сейчас горевшими вполсилы, залегли глубокие тени.

Сунув трубку в карман, он взялся было за коробку, но тут дверь распахнулась и в холл вошел тот самый седой старик, которому Квас приказал помогать.

Петя Васянин не то чтобы шарахнулся от него, но на всякий случай отступил к дальней стене. Облезлый ватник незнакомца потемнел, с бахромы обгоревших клочьев капала вода, волосы намокли.

— Ты кто? — спросил он. — Петя? Петечка? А я — Метатрон. Достал?

Выхватив из рук Васянина коробку, старик раскрыл ее, внимательно оглядел содержимое и сунул обратно Петру Ильичу.

— Знаешь, как проехать к этому вашему новому вычислительному центру? — спросил он.

— Конечно, — ответил Петя почему-то шепотом.

— Тогда поехали. В нашей тачке бензин почти закончился. Поедем в твоей. Водила у тебя есть, конечно?

Не дожидаясь ответа, Метатрон развернулся и вышел. Петя, крайне раздосадованный своим испугом — и одновременно испугавшийся еще больше — потопал за ним.

Перед входом стояла служебная «тайота» Васянина, рядом водитель Толик курил, выпуская дым сквозь черные усы.

— А теперь куда? — спросил он недовольно.

— Едем в Коцюбы, — скомандовал Метатрон и распахнул заднюю дверцу. — Болван, чеши сюда...

Петр Ильич и Толик обернулись, услышав тяжелые шаги. Из темноты выступила высокая плотная фигура и, двигаясь как-то странно, словно марионетка, подвешенная на невидимых нитях, стала неловко залазить в машину.

— Мать вашу, это кто такой? — прошептал Толик, оторопело выплевывая сигарету. — Петр Ильич, это Арсений, что ли?

— Едем, — ответил Васянин. Арсений громко и монотонно хлопал задней дверцей.

В машине Толик сказал:

— Дома на холодильнике потренируйся... — перегнувшись назад, он отодвинул в сторону коврик, угол которого мешал дверце закрыться. Арсений, не обращая на него внимания, хлопнул с такой силой, что замок жалобно треснул.

— Ты, на фиг, двинулся совсем? — обозлился водитель, поворачиваясь, но прикусил язык и повернул ключ зажигания, встретившись взглядом с неживыми блестящими глазами.

Петр Ильич, пристроив коробку под ногами, тоже оглянулся. Метатрон глядел в окно, Арсений сидел с выпрямленной спиной, положив большие руки на колени. Пахло гарью, тухлой водой и потом. Васянин поспешно отвернулся, и машина поехала.

* * *

— Музыку послушаем? — спросил Толик, выруливая с окружной на дорогу, ведущую к Коцюбам. Здесь фонари не горели, лучи фар выхватывали из темноты стволы деревьев и отблескивающие люминофором знаки. Впереди был крутой поворот, дальше дорога становилась извилистой. Не дождавшись ответа, водитель нажал кнопку, и ритмичное цоканье электроударника вместе с у-уканьем синтезатора наполнили кабину. Женский голос замурлыкал «Я — твой котенок, твой ласковый котик...»

Петя Васянин, человек осторожный, так и не задал старику ни одного вопроса. Приедем на место — там все станет ясно, — решил он. Ощущая что-то мерзкое, опасное, омертвевшее,

находившееся за спиной, он ни разу не рискнул обернуться.

Что-то новое вплелось в мурлыканье певички, которая, пискнув напоследок, смолкла. Шелест дождя, плеск волн, тявканье и завывание... Из динамика раздался рокочущий, наполненный азартом погони и предвкушением крови голос:

— Ошоси на тропе войны!

Загрохотали барабаны. Фары высветили изгибающуюся стену деревьев и крутой поворот.

Позади Васянина грузно заворочался Метатрон. Что-то с хрустальным звоном прилипло к лобовому стеклу и расплылось по нему полупрозрачной амальгамной лужицей. Сквозь нее проступали искаженные серебристые очертания дороги и деревьев по краям.

«Тайота» миновала поворот, и тут же сбоку включились фары другого автомобиля. Лужица на лобовом стекле расплескалась в виде неровного, лишенного четких очертаний креста — из середины в разные стороны торчали наконечники стрел, вокруг дрожали две пары звезд с пятью лучами на каждой.

— Да что это?! — заорал Толик, подпрыгивая на сидении и пытаясь выглянуть на дорогу поверх серебристого пятна. Оно быстро меняло цвет.

— Ошоси! — рявкнул Метатрон, протягивая руку через плечо Петра Ильича. — Стрелок! Дон семьи кабоку... — его пальцы коснулись одной из клавиш на панели справа от руля.

Фары второй машины озарили салон. Васянин увидел потрепанную зеленую «оку» с тонированными стеклами. Толик, матерясь и пытаясь не съехать на обочину, все крутил головой, привставал и отклонялся в разные стороны, а пятно на лобовом стекле превращалось в маску, аляповато раскрашенную фиолетовым, красным, зеленым и синим. Птичий клюв, глаза с перьями-ресницами, разинутая пасть, золотые рожки, пучки волос... Жуткая образина в упор смотрела на Толика. Пасть, обрамленная жестким ворсом бороды и щетками усов, разинулась, два ряда мелких треугольных зубов-наконечников клацнули о стекло. Рот раскрывался все шире, внутри него алая воронка гортани изгибалась, в ней кружился водоворот розовой слюны, из которого тянулись руки, поднимались головы и наполненные мукой лица, красные рты что-то беззвучно кричали... Толик вжался в спинку сидения, уже не видя, куда едет, уставился прямо перед собой и заорал.

Палец Метатрона вонзился в клавишу. Ударили фонтанчики воды, «дворники», тихо скрипнув, поднялись наискось вверх. Метатрон, сжав губы и блестя синими глазами, загудел. Струйки воды выстрелили с такой силой, что лобовое стекло покрылось

сетью трещин. Ошоси-Стрелка «дворники» и вода смели куда-то в сторону. Проскрежетав на прощание зубами по стеклу, он исчез. Толик вывернул руль — «тайота» едва не врезалась в деревья на обочине.

Четыре луча фар рассекали тьму. Кабину наполнил поток свежего воздуха; Васянин, полуобернувшись, увидел, что Арсений опустил стекло в своей дверце. Из зеленой «оки» высунулась голова в черной повязке, с развевающимися на ветру волосами. Позади нее виднелся профиль водителя.

— Ошоси вооружил их своими стрелами! — заорал Метатрон. — Пригнитесь...

Он не договорил — девица с черной повязкой на лбу выставила в окно какое-то оружие, больше всего напоминающее пружинный самострел. Боковое стекло возле водительского сидения разлетелось, стрела пронеслась в миллиметре от подбородка Толика, миновала грудь Васянина и, разбив второе стекло, улетела в ночь. Петр Ильич сжался, прикрыл голову руками и наклонился вперед, под панель.

Девица вновь подняла самострел, и тут — «страхх-м!», «страхх-м!» — громко прокашлялся пневматический пистолет в руках Арсения. «Как-дамм!», «как-дамм!» — вторил ему «колибри». Толик крутанул руль. Два автомобиля со скрежетом соприкоснулись, более массивная «тайота» заставила «оку» съехать к краю дороги. Там тянулся широкий овраг. Девица исчезла, отброшенная ударом в глубь салона. Арсений, по пояс высунувшись наружу и повисший горизонтально, успел вставить оба ствола в открытое окно передней дверцы и выстрелил несколько раз подряд.

Свет фар веером прорезал тьму, полоснул по деревьям и белым конусом уперся в беззвездное небо — «ока», съехав в овраг, перевернулась.

— Толян, молоток! — гаркнул Метатрон в самое ухо водителя, и автомобиль вновь вильнул. — Жми дальше, бля! Эти вуду-мафиози обломятся сражаться с истинной верой!

* * *

В бесшумном грохоте сталкивающихся интерференционных потоков домен Земли то выныривал к Большой Сети, то исчезал в мутных глубинах. Образованные верой населяющих голографическую среду аборигенов, его тонкие стенки прогибались под ударами сюрреалистических волн, источались, готовые в любое мгновение дать течь и впустить внутрь Экстру.

Этой ночью время смешалось и часовые пояса перепутались, но в разных точках экспериментального домена эмиссары заинтересованных сторон упорно продвигались к своей цели. Бокор подъезжал ко входу в городские катакомбы, — и в двух сотнях метрах позади с выключенными фарами ехал Зорба; на служебной ‘тайоте’ южного филиала финансовой группы ‘Руссовирт’ Метатрон приближался к Коцюбам; бригада сотрудников спецотдела корпорации ‘Тебах’, пересевшая на небольшом аэропорте посреди сельвы с самолета на транспортный вертолет, летела вглубь африканского континента. В глубинах Смертного Древа Егор Адамов, Троечка и Рипа шли сквозь густеющую завесу чешуи клипот, а сверхагент Тимерлен Стигмат только что приготовился стать зомби.

Часть вторая. Буйство стихий

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: экспериментальный домен / Большая Сеть

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: как всегда безусловное в исчислении Большой Сети

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЗИЦИИ: Древо Смерти / вычислительный центр / озеро Чад

СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ: очень быстрая смена событий

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО: СВЕРХСКОРОСТЬ

Глава 10

Поморщившись, Стигмат открыл глаза. Ярко горел костер, грохотали барабаны. Тим стоял спиной у столба, руки стянуты веревкой... А про ноги забыли, умники! — подумал он.

Йорубы потеряли человеческий облик, вокруг костра извивался в судорогах падучей хоровод обезумевших демонов и демониц. Отблески пламени плясали на черной, лоснящейся от пота коже, рельефно выделялись мышцы, колени, ягодицы и груди, скалились зубы, когти выскакивали из подушечек, заплетенные в длинные косицы волосы летали, щелкая, как бичи. Шаман, приподнявшись на цыпочки, поднес ко рту Стигмата миску. Оттуда шла вонь.

— Пошел на хер! — прохрипел Тим, стискивая зубы. Только порошка зомби ему сейчас не хватало. Тетродотоксины действовали на него не так сильно, как на местных, но подобный сверхяд не мог полностью подавить даже его организм. Шаман оскалился, показывая выкрашенные красной краской зубы. Только сейчас Тимерлен заметил того здоровенного йорубу, которого раньше привели трое конвоиров. Они исчезли — скорее всего, присоединились к танцующим — а он все еще стоял, не шевелясь, глядя прямо перед собой стеклянно блестящими глазами.

— Твой маленький добрый ангел! — прошептал шаман. — Я заключу его в канари! Глиняные стенки — все, что ты сможешь видеть оставшуюся жизнь.

Тим не слушал — он глядел на светящуюся синим овальную лужу, которая виднелась позади хижин. Тут был еще один дромос! Йорубы ждали, когда прибудет некто и доставит то, что следовало заключить в зомби. А теперь вместо чернокожего собирались использовать Тима. По телефону Зорба сказал, что Бокор собирается в Африку — значит, он и должен доставить этот предмет, содержимое которого поместят в тело человека, чтобы контролировать...

Снизу доносилось бульканье, и Стигмат скосил глаза. Клокотало в котле, висящем на толстой палке — ее концы опирались на раздвоенные сучья, воткнутые в землю по сторонам от костра. Темно-коричневая жидкость, куда добавили кровь, кладбищенскую землю, насекомых и траву, бурлила, то и тело вынося к поверхности скелетики птиц, превратившиеся в мочала толстые ветви, человеческие кости и черепа — будто микрокосм, зачаток какой-то жуткой, убийственной вселенной заваривался в котле.

Шаман достал из кармана глиняный пузырек, высыпал на

тыльную сторону ладони дорожку белого порошка и медленно втянул его носом.

— Джо! — выдохнул он. По морщинистым щеками потекли слезы. Старик спрятал пузырек, поднял с земли миску, полную другого порошка — смеси для зомбирования — и потыкал ее краем в зубы Тима. Вонь, жуткая рвотная вонь заползла сквозь ноздри в череп и принялась разъедать мозг ядовитыми парами.

— Джо! — повторил старик.

Полоса света протянулась к ним из-за стены хижины и оформилась в Помпа-Жиру: она ударила бокора кулачками между лопаток. Старик качнулся, стукнув лбом в подбородок Тима, а тот наподдал ему коленом промеж ног. Выпустив миску, Бокор отшатнулся. Миска упала в котел — и тут же, зацепившись за него коленями, следом вверх тормашками полетел бокор.

Котел качнулся, густая пузырящаяся масса, на поверхность которой водовороты, как останки кораблекрушений, выносили дерево и кости, широким потоком пролилась в костер. Низкий вой заглушил рокот барабанов. Когда содержимое котла смешалось с углями, густой пар повалил во все стороны. Огонь зашипел, языки его взметнулись вверх. На кончике каждого Тим, не веря своим глазам, увидел миниатюрные выдолбленные тыковки, украшенные змеиными позвонками. Словно кареты по склону горы они покатились по пламени на круглых жемчужинах-колесах; в каждой было окошко, из которого выглядывали черепа пассажиров. Тыквы-кареты достигли земли и прыснули в разные стороны, черно-красные демоны запрыгали, пытаясь раздавить их босыми пятками. От костра посыпались искры, взвихрились смерчем, сошлись в кокон и развернулись, показав высокую костлявую фигуру.

Помпа-Жира, развязывающая руки Тима, пискнула:

— Эшу Рей! — и попыталась спрятаться за столб.

— Царь... — простонал кто-то.

Тимерлен, сорвав оставшиеся веревки, быстро пошел в обход костра, не сводя взгляда с высокой фигуры. Эшу Рей — старший среди Эшу, дон этой семьи — еще не оформился полностью. Сквозь фигуру проступали хижины и деревья, но она быстро наливалась красками и густела.

На земле извивался, стараясь сбить с френча пламя и что-то хрипя, шаман. Трое йоруба бросились к Тиму, он засветил одному кулаком между глаз, но двое других схватили Стагмата за руки и стали выворачивать их.

— Уйди! — взвизгнул шаман. — Я не звал тебя!

Длинное лицо Эшу скривилось в гримасе-улыбке. Его брови состояли из перьев, глаза были как два ярко-красных граната, а

вместо волос на голове двигался сверху вниз поток черных жуков.

— Прочь! — повторил шаман, уже стянувший горящие остатки френча. Встав на колени, он поднял жезл силы.

— Я не звал тебя!

— ХОРОШО... — загрохотало над деревней. — ЗНАЧИТ, Я ПРИШЕЛ НЕЗВАНЫМ!

От этого голоса языки пламени взметнулись к небу, земля задрожала, с крыш хижин посыпались сухие пальмовые листья. Шаман замахнулся жезлом, но Царь Эшу повел плечом, и из костра всплыл котел. Перевернувшись в воздухе, он сам собой наделся на голову старика.

— ЧУДЕСНОЕ ВРЕМЯ! — сказал Эшу, оглядываясь. — КАК МНОГО СИЛЫ ВОКРУГ ЭТОЙ НОЧЬЮ!

Он присел, накрывшись плащом из искр, а когда выпрямился, лицо его было уже другим — еще более костлявым и вытянутым. Плащ стал черным. Эшу взмахнул им, полы закружились, вытянулись вокруг костра, заставив тех йоруба, что сжимали локти Тима, повалиться на землю.

Плащ превратился в ветер, в воющий смерч: сбил с ног танцоров, сначала поволок их по земле, а потом поднял в воздух. Тима тоже поволокло по кругу, но он вцепился в столб; сверху на его ладони легли пальцы Помпа-Жиры.

— Капа Прета... — шептала она. — Если он приходит незваным, то становится Капа-Претой. Эшу В Черном Плаще!

Стигмат пытался удержаться. Ветер кружил йоруба, поднимая их все выше, он срывал полоски земли и закручивал огонь ревущей спиралью. Столб под пальцами Тимерлена трещал. Они попали в око смерча, вознесшегося к небу словно темная башня, чьи стены состояли из свистящего воздуха. Капа Прета был самый злобным Эшу, спец по черной магии. И он пришел незваным, значит, ни бокор ни кто-то другой не мог контролировать его. Ночь застала экспериментальный мир посреди интерференционной бури и теперь вырвавшийся на свободу Черный Плащ мог натворить такое, что...

А если он захочет поучаствовать во всем этом? — испугался Тим. Я же не смогу его остановить. Здесь не боги создают людей, но люди богов. Черный Плащ — всего лишь результат верований, а как прикажете бороться с архетипом коллективного бессознательного? Хотя, если появился Капа Прета, то почему бы не появиться и другим...

Дона Ипомея, согнув руки, приникла Тимерлену и вдруг поцеловала его. Стигмат, от неожиданности чуть не разжав пальцы, заорал на Помпа-Жиру — беззвучно, потому что ветер тут же унес слова прочь.

Дух одновременно и единственен в своем роде — и воплощен во многих сущностях. Эшу, Лоа, Геде… Все они на самом деле были одним и тем же… но в то же время разными семьями. Как ни крути, в этом присутствовала большая доля условности. Верования африканцев, гвинейцев, бразильцев наделяли различные семьи различной атрибутикой, внешностью и привычками. Как настоящие мафиозные кланы, и каждый контролирует свою территорию, подумал Тим. Все, вроде бы, занимаются одним и тем же — криминалом — структура у всех одинакова и даже имена похожи, но на самом деле разница есть. И конкуренция тоже. Только в этом случае — не за рынки сбыта наркоты, а за умы и души аборигенов. Сначала те придумывали богов, а после боги подчиняли себе тех, кто их придумал… Стигмат не сомневался, что если представители разных семей вынырнут из небытия этой ночью, то вряд ли продемонстрируют пример делового сотрудничества. Самая удивительная метаморфоза произошла с основной верой, владевшей сейчас экспериментальным доменом. Изначальный ее бог, к которому Тим питал неприязнь по личным причинам, был мудр и добр — аборигены создали его, он воплотился в материальном теле, и влияние нового божества постепенно распространилось на значительную часть домена. Но со временем его сущность исказилась в умах аборигенов, и теперь этот бог стал мерзким сукиным сыном, коммерсантом и прохиндеем, да еще и ко всему прочему у него началось раздвоение личности… Даже не раздвоение, его стало много, то есть различные группы верующих верили в него по-разному, представляли его по-разному, и у бога началась шизофрения, которая закончилась тем, что ипостаси его через своих аборигенов-приверженцев стали враждовать друг с другом, и вот уже около ста местных лет этот бог медленно умирал, раздираемый на части внутренними противоречиями, войной внутри самого себя, а земные теологи провозгласили, что начался ‘кризис веры’.

В этот момент смерч исчез.

Он не тронул хижины, не потревожил даже пальмовые листья на крышах, но унес прочь всех йоруба. Кроме шамана. Тот лежал на спине, вытянув тощие кривые ноги. Голову накрывал ритуальный котел.

Дона Ипомея все же добилась своего. Когда ветер стих, и они упали на землю рядом с покосившимся столбом, она как кошка прыгнула на Стигмата, не дав ему опомниться, впилась губами в его губы, обнимая за шею одной рукой, а другой пытаясь расстегнуть ремень на джинсах.

— Фу фы фуфка! — Тимерлен уперся ладонями в ее грудь, поднажал и оттолкнул — Помпа-Жира взлетела в воздух. Пальцы соскользнули с пряжки, но даже зависнув горизонтально в метре над землей, Ипомея продолжала тянуться к Тиму.

— Ну ты и сучка, — повторил он, поднимаясь и застегивая ремень. — Совсем сбесилась?

— Это все колдовство, — хныкала Ипомея, сладострастно извиваясь и непроизвольно оглаживая себя по бедрам. — Когда рядом происходит что-то такое, я всегда возбуждаюсь. А еще в тебе столько энергии... Тимчик, пожалуйста! Мне сейчас так нужна мужская ласка. Ну, Тимчиииик!

С пониманием глянув на нее, Тимерлен шагнул к колдуну.

— Потом, — пробормотал он, ногой отпихивая котел. — Потерпи, ладно? Сейчас не время...

— Для этого всегда есть время, — возразила Ипомея. Она повисла вертикально, чуть опустилась, оттолкнулась ногами от земли и с протяжным всхлипом взмыла в черное небо. Тим поднял голову, следя за розоватым инверсионным следом, протянувшимся по огромной дуге и исчезнувшим за горизонтом.

Потом перевел взгляд на шамана. Старик был еще жив, но лицо его превратилось в красную маску ожога и напоминало теперь мясо сваренного, очищенного от хитина омара. Вокруг глаз кожа обуглилась, и они казались неестественно выпученными; веки и ресницы отсутствовали, нос превратился в бугорок, посреди которого зияли дыры-ноздри.

Жизнь еще не покинула его. Gros bon ange, маленький добрый ангел его души уже почти отделился от corps cadavre, физического тела, но все еще подрагивал сваренными в кипятке крылышками и цеплялся обугленными ручками за умирающую плоть.

— Что вы собирались делать с зомби? — спросил Тим.

Губы, превратившиеся в иссеченных трещинами лоснящихся червяков, шевельнулись. Хриплый голос произнес:

— Это моя шестнадцатая жизнь. Джо ждет меня.

— Для чего вы затеяли все это? — повторил Стигмат.

Рука, похожая на кривую палку из красного дерева, поднялась, и палец-веточка указал в грудь Тима.

— Ты — посланец богов?

— Чепуха, — сказал Тим.

Раздался быстро нарастающий звук, с неба на них спикировало какое-то исходящее паром тело и грохнулось о землю. Серые клубы, шипя и булькая, разошлись во все стороны, показав дону Ипомею в мокрой юбке.

— Афф! — выдохнула она. — Аж до Гвинейского залива

летала. Вода страсть какая холодная.

— Остыла? — Тимерлен вновь наклонился над стариком.

— Чего хотят боги? — спросил хриплый голос. — Мой большой ангел ...

— Ваши боги — это ваши проблемы, — брюзгливо перебил Стигмат. — Никому нет дела до них. Вы собирались переместить в зомби тот архетип, который привезет сюда Бокор? — Стигмат махнул рукой в сторону дромоса. — Так, да? Говори! Это все работа Триждывеличайшего, точно. Он как-то смог сконденсировать из бессознательного свой старый архетип, чтобы физически синхронизироваться с ним и стать богом. А вы решили перехватить его до синхронизации, чтобы подчинить. Где? Где Триждывеличайший может синхронизироваться?

— Чад, — ответил шаман.

Тим был уверен, что место синхронизации находится где-то неподалеку. Но Чад... Деревню йоруба и озеро разделяло большое расстояние, а в распоряжении Стигмата теперь не было транспортного фрактала Срединного Домена.

Остановившись на краю деревни, он устало привалился плечом к стволу дерева. Помпа-Жира повисла рядом, искательно заглядывая Тимерлену в лицо.

— Ты пролетела за мной сквозь фрактал? — спросил он. Ипомея кивнула.

— А там, в доме — это ты пустила луч из окна, когда я по лестнице поднимался? Ладно, но как ты смогла переместиться так далеко от своего леса?

— В тебе есть какая-то сила, Тимчик. Она меня поддерживает.

Стигмат нахмурился.

— Неправда, нет во мне никаких сил. Я же не-стихийный. Ладно, давай прикинем, а то слишком запутанно... — Тим быстро пошел прочь от деревни, и дона полетела следом. — Триждывеличайший сгустил архетип. Скорее всего — через местную Сеть вычислил все его имена. Где могут храниться эти имена? На винчестере или флэшке, больше негде. Дальше Триждывеличайший ‘умер’ то есть умерло тело в голограмме, а сам он вошел в Сеть. Какие-то его помощники должны были доставить носитель имен в Африку, к озеру Чад, туда же каким-то способом должно было прибыть сознание Триждывеличайшего. Он бы синхронизировался с архетипом, обретя его мощь, вновь создал бы для себя материальное тело и стал править. Местные уверовали бы в него, экспериментальный домен превратился в Гермеса-2. Но Вуду решили перехватить носитель, то есть этот

винчестер, поместить архетип в тело зомби — тогда, если бы Олодумаре синхронизировался, они смогли бы им управлять. Гермесом, в смысле. Хорошо, а Каббала? Они чем заняты? Еще вчера в местной Сети что-то происходило... Гм, Чад. В какую сторону отсюда надо идти, чтобы попасть к Чаду?

— А кто это? — спросила Ипомея.

Тим покосился на нее.

— Так... Ладно, надо вернуться. Если сейчас в деревне появится этот Бокор, то...

— Кто такой Бокор? — спросила она.

— Вообще-то, так на Гаити называют шаманов. Не всех, а... Короче, поскольку я не знаю, как его звать — для меня он Бокор. С большой буквы. Глупая ты, Ипомея.

— Зато красивая, — отрезала Помпа-Жира.

Стигмат остановился, разглядывая дерево, мимо которого уже проходил, когда направлялся к деревне. Сейба, от корней до вершины оплетенная лианами, с двухъярусной галереей, приткнувшимся у ствола домиком из веток и веревочной лестницей...

— Abrindy a minia eijiry! — выкрикнула вдруг Ипомея, и когда Тим удивленно повернулся к ней, пояснила: — Это я призываю одного... мужчину. Сейчас сам увидишь. Он нам поможет.

Сверху донесся шум. Крона задрожала, зашелестела листва. Раздался приглушенный женский визг, домик содрогнулся и кто-то выскочил наружу.

Тим разглядел здоровенного широкоплечего детину, который, зажав под мышкой что-то громоздкое, пронесся по галерее. За ним выпорхнуло несколько голых Помпа-Жир — они тянули вслед руки и причитали.

— Прочь! — взревел мужчина. — Надоели, ненасытные стервы!

Он слетел по веревочной лестнице, перехватил обеими руками огромный двусторонний топор и шагнул к гостям. Помпы-Жиры выкрикивали вслед оскорбления и размахивали кулачками.

— Шанго... — прошептала Ипомея.

Детина погрозил Помпа-Жирам топором, и те испуганно порхнули обратно в домик. Он повернулся к гостям. Ростом на две головы выше Тимерлена, хозяин Сейбы обладал фигурой, которая заставила бы Аполлона съесть от зависти свою лиру. Белоснежные волосы и ярко-красная узкая набедренная повязка. Сбоку на ней висел кувшин. Ипомея уставилась на то, что виднелось под повязкой, и тихо щелкнула языком. Хотя Стигмата раздражала ее навязчивая озабоченность, он ощутил легкий укол

ревности.

— Што надо? — спросил Шанго. Почесав грудь, он отцепил от повязки кувшин, открыл и стал пить из горлышка. Голос у здоровяка был отрывистый и грубый.

— Это вино? — спросила Ипомея заискивающе. — Господин, а можно мне?

— Пальмовое! — Шанго, окинув Помпу-Жиром взглядом, посмотрел на Тимерлена. — Твоя телка? Лады, держи. — Он швырнул доне кувшин.

Только сейчас Стигмат заметил, что в левой руке его спутница сжимает тот крошечный глиняный пузырек, который был у старика-шамана. Схватив кувшин, Ипомея высыпала в него все содержимое пузырька.

— Ты что делаешь! — заорал на нее Тим. — 'Снежок' с вином, сдурела совсем?

На всякий случай отлетев подальше, она приникла к кувшину.

— Там... — обратился Стигмат к Шанго, махнув рукой в сторону деревни, — объявился Черный Плащ. И еще вот-вот появится один Бокор. Он хочет...

— Эшу? Бокор? Оборзели, гады!

Неожиданно взъярившись, здоровяк взмахнул топором и перерубил ствол растущего неподалеку дерева. Содрогнулась крона, дерево медленно завались, ломая ветви тех, что росли по соседству.

— Так пошли с нами, — предложил Тим. — Надаем гадам по мозгам?

* * *

Андрей не владел своим телом. Он смутно понимал, что на него с Ксюшей наложили заговор, но теперь у него не осталось психических сил даже на то, чтобы бояться. А Ксюху одолела истерика: свернувшись на заднем сидении и прижав ладони к лицу, она беспрерывно скулила. Из-под пальцев текли слезы.

Машина остановилась у подножия холма.

— Вылезайте, — скомандовал Опанас.

Слова, которые он произносил, были единственным, что пленники понимали ясно. Они становились чем-то вроде команд, нажатием на клавиатуру, а сознание — компьютерной программой, которая не могла этих команд ослушаться.

Андрей оказался снаружи первым, за ними вылезла Ксюха. Наверное, истерика помогала ей как-то противостоять

оцепенению, которым окутало их заклинание Бокора. Если Андрей теперь двигался словно робот и не способен был даже задрожать без команды, то Ксюша покачивалась, поводила плечами, дергала головой и скулила. А он и языком не мог пошевелить — тот превратился в ком сухой ваты, забившей рот.

— Жить хочешь? — спросил Опанас. — Тогда пошли. Веди ее перед собой.

Пленник видел, как этот человек одним ударом пробил голову электрика — который, конечно, вовсе не был электриком — в прихожей квартиры. И странная пелена, комок невещественной, но обладающей сознанием субстанции, что висела у плеча незнакомца... Андрей видел все это, но с трудом осознавал, что именно видит: реальность отступила на второй план, казалось, что он лежит, связанный, на койке в полутемной комнате со стенами из мутного стекла, и все происходит с кем-то другим, находящимся снаружи.

Они направились через заросли вверх по склону, Андрей толкал Ксюшу перед собой, Бокор — позади. Опанас уже разобрался, что произошло в той квартире. Флэш-плеер с запястья пленника давно лежал в его кармане, пока что выключенный — его время наступит позже.

Который теперь час, Андрей тоже понять не мог, время исчезло. Казалось, ночь длится уже несколько суток. Птицы молчали, небо над холмами и не думало светлеть — никаких признаков близящегося рассвета.

Путаясь в ветвях и цепляясь за корни, они приблизились к вершине. ‘Топай, топай,’ — бормотал Бокор. Пленники различили башню, в две стороны от которой тянулась стена. В ней зиял пролом с торчащими кусками арматуры.

И ведь совсем неподалеку — улицы, дома... Еще, наверное, проезжают редкие машины, и милиция... А здесь никого, кроме них. Ксюха, уже минуту как прекратившая скулить, споткнулась, чуть не упала и разрыдалась. Андрей подхватил ее подмышки.

— Шагай! — выдохнул Бокор в ухо.

Они пролезли сквозь пролом. По другую сторону между подстриженными кустами тянулись пешеходные дорожки, в темноте виднелись очертания церквей и часовен. Днем сюда пускали экскурсантов, по трешке с носа, но сейчас было тихо. Бокор, толкая пленников перед собой, провел их мимо Надкладезной часовни и Успенского собора. Вдалеке залаяла собака.

Показалось приземистое здание, и они услышали поющий голос.

Геде устремился вперед, подлетел к запертой двери

постройки и сквозь скважину втянулся внутрь. Они сделали еще несколько шагов. Теперь стало слышно, что голос поет на мотив ‘На недельку до второго я уеду в Комарово’:

— Отче наш, сущий на небесах...

Раздались ритмичные удары, треск дерева. В поле зрения появилась стоящая на земле керосиновая лампа; свет ее озарял кучку бревнышек и толстого попа в рясе. Вооружившись топором, он самозабвенно колол дрова.

— Хлеб насущный дай сей день... И прости нам долги наши... — выводил голос.

— Плоть усмиряет, — брюзгливо проворчал Опанас.

Когда троица выступила из тьмы, поп выпрямился. Некоторое время вглядывался, затем произнес звучным баритоном:

— Кто пожаловал из мрака?

Не опуская топора, он тряхнул длинными волосами, провел ладонью по бороде, взял лампу и высоко поднял ее. Прищурившись, оглядел Бокора.

— Темное время для темных дел! — воскликнул поп. — Никак исчадия по мою душу? То-то смотрю — что-то странное этой ночью творится!

Андрей стоял как истукан, пялясь на священнослужителя. Тот занес топор над головой и собрался поразить Бокора, но тут из черного неба ударила молния. Она впилась в обух, жгучий свет пронзил топорище, по запястью перетек в тело — поп засиял. Молния исчезла. От ступней по щиколоткам и бедрам пошла волна свечения: там, где проходила граница, дряхлая залатанная ряса превращалась в богатые, расшитые кричаще-вычурными узорами одежды. Сияние достигло головы, и на ней возникла шапка в виде усеченного конуса — белый войлочный колпак, украшенный золотыми пластинами. А свет сошелся в узкое пятно, с тихим чпоканьем отделился от головы, поднявшись немного выше, расплылся нимбом и застыл. Нимб напоминал литой золотой обруч, он одновременно был хорошо виден, и в тоже время полупрозрачен.

Взмахнув топориком, преобразившийся поп бросился на Опанаса. Ксюха завизжала.

Щелкнул замок, дверь дома приоткрылась. Геде устремился вперед, на ходу раздуваясь, меняя форму. Он пыхнул в лицо священнослужителя гарью и серой. Андрею показалось, что одушевленная пелена приняла очертания человеческой фигуры — согбенного старика, протянувшего к попу длинные тонкие руки.

— Очисти грехи наша! — взревел поп. Он закашлялся, отступил и вновь бросился на Геде. Лезвие прошло сквозь призрачную фигуру, и после третьего удара та распалась

клочьями.

— И надеру я вам задницы во имя Мое!

Клочья опасливо отплыли подальше и собрались вместе уже возле плеча хозяина.

Ксюха вдруг вырвалась. Андрей с одной стороны, а Опанас с другой попытались схватить ее, но девушка с криком побежала прочь.

— Стоять! — заорал Бокор.

Поп сбился с шага и зашатался. Лицо изменилось — борода исчезла, проступили черты молодого красивого мужчины с запавшими щеками и грустными глазами. Он опустил топор, что-то еле слышно сказал — и тут же изменился вновь. Изможденное лицо стало одутловатым, щеки покраснели, лоб сузился, глаза зло блеснули. Преобразившийся поп вновь вскинул оружие.

Опанас толкнул Андрея в спину; замычав, тот влетел в раскрытую дверь. Зацепившись за порог, упал грудью на пол.

Сзади доносились проклятия и ругань. Пленник лежал, пытаясь вздохнуть.

Опанас пригнулся, когда поп взмахнул топором, подхватил с земли короткое бревно и резко выпрямился, ударив врага торцом полена в подбородок с такой силой, что поп взвился в воздух. Полы одежд затрепетали в потоке воздуха, Бокор увидел подошвы сапог, широко расставленные ноги и волосатые ляжки. Двигаясь спиной вниз, священнослужитель пронесся над землей; на мгновение Опанасу показалось, что он видит не человеческую фигуру, но летящую в воздухе большую рыбу, а затем головой и плечами поп проломил стену стоящей напротив часовни и исчез внутри. Здание с низким скрипом просело и стало крениться. Пару секунд изнутри доносился грохот и рев, затем в проломе возникла голова. Опанас попятился к двери, за которой лежал Андрей.

Крякнув, поп метнул топор, и Опанас распластался на земле. Жужжа, вращающийся топор пронесся над ним, над Андреем, и вонзился в стену, в середину плаката с большой надписью красными буквами ‘НЕ КУРИТЬ’, под которой была нарисована обмотанная бинтами и объятая пламенем испуганная мумия; пробил ее, снес следующую стену и улетел дальше. Спустя секунду донесся грохот, и широкий силуэт Введенской церкви, темнеющий далеко позади, провалился внутрь самого себя.

Поп бросился вперед, а часовня за его спиной обрушилась. Сделав несколько шагов, он вновь сбился с шага, лицо изменилось — щеки побледнели, лоб сузился...

— Окоянство! — взревел поп. Золотая шапка на нем обратилась белоснежным цилиндром без полей, позади которого

свешивался белый хвост вроде короткой простыни; одежды стали черными, на груди засиял большой золотой крест на толстой цепи. Мотнув головой, поп устремился дальше, бормоча на несколько голосов — будто что-то спрашивал у самого себя, сам себе отвечал, вмешивался в беседу, покрикивал и ругался.

Андрея схватили за шиворот, рывком подняли и поволоки куда-то. Порхнувший следом Геде начал мерцать: тусклое сияние озарило своды.

Скатившись по крутой лестнице, они очутились в начале катакомб — узкие извивающиеся коридоры тянулись не слишком запутанным лабиринтом, по которому днем водили экскурсантов. В стенах зияли ниши, где лежали завернутые в саваны мумифицированные тела древних отшельников, аскетов и подвижников.

Топот священнослужителя доносился сзади. Бокор свернул влево, потом вправо. Когда мерцание Геде проникало в ниши, там раздавался шелест. На очередном разветвлении коридоров беглецы остановились — Опанас пытался сообразить, куда двигаться дальше. Из ниши, которую они миновали последней, показалась закутанная в серую ткань рука. Андрей стоял, пялясь на нее, ощущая отголосок страха, достигшего разум сквозь пелену магического заговора. Появилась вторая конечность, и вскоре мумифицированное тело, на груди которого висел картонный прямоугольник с надписью ‘старец Епистафий’, выбралось наружу. По коридору уже безмолвно приближались другие мощи — медленно шли, шелестя саванами и покачиваясь, вытянув перед собой руки. Топот священнослужителя зазвучал совсем рядом. Бокор, наконец выбрав направление, бросился вперед.

Геде метнулся к очередной двери и втянулся в замок. Раздался щелчок, дверь приоткрылась. Позади поп взревел, затем донеслось глухое бормотание.

Они долго бежали по лестницам и коридорам, миновали помещение с метлами и ведрами, несколько чуланов. Геде раскрывал двери. Беглецы преодолели последние коридоры — и затем начались настоящие, дикие катакомбы.

Андрей стоял неподвижно, глядя перед собой немигающими глазами. Заговор слабел, постепенно он начинал осознавать происходящее. Очень тихий рокот доносился сверху — где-то над ними текла река.

Синюшное мерцание Геде озарило вынырнувшего из темноты Опанаса.

— Пошли, — велел он, и пленник послушно шагнул следом...

но теперь не сразу, чуть помедлив. Он уже ощущал свое тело, хотя пока не мог противиться приказам. Окутавшая сознание пелена редела, страх все чаще прорывался сквозь нее и покалывал мозг ледяными иголками.

Он хотел спросить: кто ты? Зачем ты это делаешь? Куда мы идем? — но язык не слушался.

Впереди раздался шум. Коридор здесь разветвлялся, правый рукав вел вниз, левый, совсем короткий, заканчивался пещерой с низким сводом. Картины окружающего все еще с трудом проникали в сознание, казались смазанными и не вызывали почти никаких эмоций. Но Андрей разглядел множество сидящих на корточках длинноволосых молодых людей, одетых в джинсы и короткие балахоны, увешанных бусами и кожаными лентами.

— Дальше, — сказал Бокор.

Свернув в наклонный коридор, они долго шли вниз. Пленник ощущал, как пласты земли давят сверху, стесняют дыхание. Он начал сбиваться с шага, пытаясь заставить свои ноги цепляться одна за другую — теперь конечности все лучше слушались его.

Коридор закончился очередной пещерой: нешироким, но очень высоким каменным цилиндром. Мерцание Геде не достигало его свода. На полу были кругами выложены кости, и в центре горел вертикально висящий овал мутно-синего света.

— Лысая гора над нами, — произнес Опанас. — А дромос-то древний совсем...

У краев овала синий цвет темнел, казалось, что он иссох и потрескался — будто покрылся коростой от времени. В глубине световой лужи виднелось что-то расплывчатое. Подтолкнув Андрея, Бокор приблизился и разглядел угол хижины, край покрытой крупными листьями крыши...

— Пришли, — сказал Опанас.

Он впихнул пленника в дромос и шагнул следом. Геде влетел за ними. Некоторое время в пещере стояла мертвая тишина, затем из туннеля вышел человек. Внимательно, но без удивления рассмотрел дромос, достал трубку из чехла на ремне. Раздался писк, и голос произнес:

— Хозяин, я под катакомбами. Тут какая-то штука синяя висит...

Глава 11

Троечка приставила кей-генератор к замку последней двери, на которой была табличка с единственным словом: ‘ТИТИХОЗА’.

От модернизации она отказалась, взяла только шарик с крошечной надписью: ‘копирование. для одноразового использования’.

Гибкие полосы охватывали торс Адамы, к спине был прикручен пузатый ранец, из-под левой подмышки выглядывал ствол. Поначалу это казалось неудобным, но он быстро привык.

На правом плече сидела бабочка.

Вот это оказалось самым неожиданным. Кроме оружия в подпольной мастерской Меркюри-Джигурти они нашли пузатую бархатную коробочку вроде тех, в которых ювелирные магазины продают украшения, с надписью на крышке: ДУМ. Когда Адама открыл коробочку, из нее выпорхнула большая бабочка с крылышками нежно-зеленых и голубых тонов. Бабочка облетела вокруг головы Егора, села ему на плечо и будто приклеилась. И еще казалось, что она умерла. Во всяком случае, она застыла и с тех пор не шевелилась.

От мастерской они долго поднимались к вершине Робополиса через технические ярусы и жилые сектора, пока не уткнулись в последнее препятствие. Кей-генератор, напоминающий обычную плату с микросхемой, затарахтел, и магнитный замок раскрылся.

— Осторожно, п’ратва, — сказал Рипа.

На плечах робота появились два ствола: справа широкий, слева узкий, зато с подствольником. Из гнезда между фотоэлементами торчала воронка радара. Рипа лишился ног, корпус был прикручен к устройству, более всего напоминающему самолетную турбину. Мануал, который они нашли в мастерской, называл эту штуку довольно заковыристо: ‘совмещенный турбинный реактивно-плазменный антиграв’. Но главное — тело Рипы перестало скрипеть.

Троечка скользнула наружу.

— Подожди здесь, — сказал Адама роботу. — Надо оглядеться, а ты сейчас слишком заметный.

— Да я, п’ратан... — начал было Рипа, но Егор махнул на него рукой и выглянул.

Впереди стояло несколько металлических ящиков, за ними, спиной к Егору, притаилась Троечка. Пригнувшись, Адама перебежал к ней и встал на колени.

Они очутились на краю большого зала. Здесь было множество кораблей, все разные — от прогулочных катеров до больших

транспортников. Вокруг кружились чешуйки. Зал накрывали прозрачные створки купола, и за ними был космос...

Совсем не такой, как ожидал Егор.

Обычное звездное небо — довольно скучное зрелище: черный однообразный фон, на нем белые крапинки... Этот космос был каким угодно, но только не однообразным. Звезд совсем не видно, но зато над самым куполом то и дело пролетали метеориты. Или астероиды? Во всяком случае — большие глыбы чего-то твердого. Они носились на фоне широких разводов, цвет которых менялся от бурого до фиолетового. Будто в пространство вылили несколько цистерн разных красок, а потом какой-то великан размазал их огромной кистью. Разводы медленно двигались, заворачивались кольцами, смешивались, меняя цвет.

— Почему все такое детское? — пробормотал Адама.

— Что? — Троечка повернула к нему голову. — О чем ты?

Егор повернулся и сел, привалившись спиной к ящику.

— С самого начала, как я попал сюда... Вроде, все события такие важные, глобальные — кто-то захватывает Сеть, отрезает ее от пользователей, Смертное Древо, то-се... И при этом — что происходило? Ну ты сама подумай. Я проткнул брюхо демону, потом анимэшки, лавовые демоны, будто в ‘Серьезном Сэме’, тупорылые роботы, теперь вот это... Ты понимаешь? Все так серьезно — и в таком попсовом оформлении!

— Так мы же сами в этом и виноваты, — ответила Троечка.

— Что? — Адама удивленно повернулся. — Почему?

— Потому что в такие игры играем, вот почему. Ну да, происходит нечто ужасное, но, как бы сказать... та часть ужасного, на которую попали мы, происходит именно в играх. И оно принимает тут соответствующий внешний вид. Но игры для кого делают? Для нас. А мы предпочитаем всякую попсу, стрелялки, фэнтезюхи разные, лавовых демонов с роботами... Потому я и говорю — сами виноваты. Мы хотели играть в такие игры, нам такие и делали, потому что мы их лучше всего покупали. Поэтому и... Вон тот нам подходит, смотри.

Троечка указала в сторону небольшого корабль с узким носом. Он стоял на трех шасси, в хвостовой части виднелся люк.

— Почему именно он?

— Это рейдер. Я знаю, как с такими управляться.

— Откуда?

— Сталкивалась в одной игре. Ты купол разглядел?

— А что с ним?

— Да ты глянь внимательно.

Адама посмотрел — и наконец понял. Створки не были сомкнуты, между ними оставался широкий зазор.

— Но как же… а воздух?

— Я тоже вначале удивилась. Но потом подумала — какой воздух? Кто им тут будет дышать?

— Действительно, — согласился Егор. — Но тогда и кораблям не обязательно быть герметичными…

— Ну чё у вас?

К ним подплыл Рипа.

— Я же сказал тебе оставаться внутри.

— Та ладно, п'рат! — Робот подвигал стволами на плечах. — Не могу я щас на одном м'сте торчать.

— Хорошо, не шуми тогда.

Некоторое время они рассматривали космодром.

— Семь рядовых слева, — стал перечислять Адама. — Сержанты справа, за тем катером. Кажется, трое. Два сержанта… нет, тоже три — между нами и этим рейдером. Рипа, какое у тебя оружие?

— Это… — робот повел стволом на левом плече. — Пулемет. Подствольник — гранатомет.

— А справа?

— Пока не знаю, п'ратишка. Шмальну в кого-нибудь — тады и увидим. И еще у м'ня прицел появился. Прямо в глазу. А у тебя чё за пушка?

— Посмотрим. — Егор еще раз окинул взглядом пространство впереди и решил: — Троечка, надо, чтобы ты первая оказалась у люка. Рипа, ты сможешь отсюда подстрелить сержантов перед нами?

Робот пригляделся.

— Граната тут мало что д'ст. Надо прицельно… Смогу, дай только прим'риться.

— Тихо мы туда все равно не проберемся. Значит, ты валишь их, и бежим. Троечка посередине, не глядя по сторонам, прямиком к рейдеру. Я слева, беру на себя рядовых, Рипа, ты справа, занимаешься теми сержантами за катером. Троечка, для тебя главное — люк. Пока будешь возиться с ним, мы тебя прикрываем. Вроде все ясно?

Она пожала плечами, глядя вперед. Адама чуть привстал, оценивая диспозицию.

— Чего там н'ясного, — проскрипел Рипа. — Щас, дайте я только эта… алгоритм продумаю.

Он взлетел выше. Узкий ствол на левом плече повернулся с тихим гудением.

— Готов.

— Троечка?

Она кивнула, обеими руками сжав кей-генератор.

— Хорошо. — Адама выпрямился и произнес: — Рипа, давай!

Пока они перепрыгивали через ящики, ствол на левом плече робота дернулся трижды. Каждый раз он поворачивался под небольшим углом. Троечка сразу вырвалась вперед, Егор побежал, стараясь держаться слева от нее.

Одиночные заряды прошили фасетчатые глаза, но у третьего сержанта оказалось чуть больше времени, и он успел сместиться — выстрел пробил щиток возле выпученного глаза, но цензора не обезвредил.

Пустив из турбины плазменный выхлоп, Рипа взлетел над ящиками. Рядовые цензоры слева еще ничего не поняли и только поднимались над площадкой. Впереди два ослепших сержанта кружились на одном месте, третий поднялся выше, выдвигая из брюха турель.

Когда Егор вытянул руку, ствол с широким раструбом на конце поднялся. Под брюхом сержанта завращались стволы пулемета. Адама повернул руку — его оружие сдвинулось вместе с ней. Рядовые уже разворачивались строем, готовясь взять бегущих в перекрестный огонь.

— Рипа!

Робот выстрелил из гранатомета. Взрыв швырнул сержанта назад, он перевернулся, тут же заработал пулемет — трассирующие вспышки ушли наискось вверх. Взрывная волна швырнула на площадку двух других сержантов.

Вдоль левой руки Егора тянулся провод, гашетка была прикручена к ладони толстым винтом. Адама сжал ее. В раструбе блеснула искра, ранец на спине загудел, но ничего не произошло.

— Рипа! У меня...

Два ослепших сержанта открыли беспорядочный огонь. Трассирующие заряды скрестились, разошлись в стороны. Рипа выстрелил опять, граната сбила одного. Взрывная волна закрутила второго в полуметре над полом, очередь описала круг над площадкой.

— Ложись!

Егор повалился на пол, мгновением позже упала Троечка. Светящееся колесо, в центре которого был сержант, провернулось над ними. Вокруг по металлу уже щелкали выстрелы рядовых. Взлетев, Рипа дал очередь из-под купола.

Оружие Адамы заработало, из раструба ударило пламя. Раздался взрыв, когда последнего сержанта настигла очередь пулемета Рипы. Светящееся колесо исчезло; Егор вскочил и побежал, удерживая левую руку так, чтобы она показывала на рядовых.

Клубы огня окутали стаю цензоров. Адама с силой сжимал

гашетку, длинная струя била из раструба и распадалась, образовывая ревущую стену огня. В этой стене дрожали, оплывая, темные силуэты.

Троечка исчезла среди кораблей. Оставляя за собой быстро гаснущие плазменные выхлопы, мимо пронесся Рипа.

— За катером! — выкрикнул он.

Егор отпустил гашетку, струя опала. Он миновал покатый корпус транспортника, увидел впереди рейдер и склонившуюся над люком Троечку. Перед кораблем тянулось пустое пространство, над которым завис Рипа. Справа из-за катера поднимались сержанты. Рипа дважды выстрелил из гранатомета, и катер взорвался.

Егор, с разбегу ударившись о стену рейдера, отшатнулся. Троечка стояла у круглого люка с кей-генератором в руках.

Он огляделся. Пространство перед кораблем хорошо простреливалось со всех сторон.

— Здесь сложная защита, — пробормотала Троечка. Егор едва расслышал ее: где-то рядом послышался низкий гул.

— Рипа, что там?

Окутавшись плазменными выхлопами, робот рванулся вверх и тут же упал обратно, притормозив над самым полом.

— Полковник! — рявкнул он.

— Кто?!

— Я г’ворю...

Надсадный гул заполнил космодром. Из-за рейдера начал выдвигаться блестящий металлический бок. Он все длился и длился, казалось, к ним приближается атомная субмарина. Стоя плечом к кораблю, Егор опустился на одно колено. Вытянул перед собой левую руку, правой придерживая ее за кисть. Пальцы сжали гашетку, ранец на спине загудел.

— Ли!..

— Он не открывается!

— Рипа...

Но того уже не было рядом.

Показался огромный фасетчатый глаз. Из раструба на руке Егора выстрелила ревущая струя. Ударив в бок полковника, она распалась, облизывая металл.

Вдоль борта тянулся ряд круглых отверстий, из них одновременно выдвинулось с десяток стволов. Пламя било в полковника, не причиняя вреда; уже большая его часть показалась из-за рейдера. Егор и Троечка были прямо перед ним — как на ладони.

— Рипа!!

Сквозь рев огня донесся свист, из-под купола на цензора упал

робот. Описав мертвую петлю, он проскрежетал турбиной по фасетчатому глазу, оставляя за собой разлетающиеся ошметки стекла и пластика, завертелся юлой и рухнул на пол у люка. Отпустив гашетку, Егор заорал: ‘Троечка!’ и плашмя растянулся на полу. Гранатомет Рипы выстрелил в остатки глаза. Полковник качнулся и дал залп из всех стволов. Заряды прошли над лежащим Адамой, сзади что-то металлическое с лязгом ударилось о пол.

Уже зная, что увидит за собой два искореженных неподвижных тела, Егор обернулся.

Круглый люк был открыт, под ним валялся кей-генератор. Троечка исчезла. Рипа привалился к полу треснувшей турбиной; на месте левого плеча, того, где были пулемет с подствольником, пузырился раскаленный металл.

Полковник целиком показался из-за рейдера. Корпус мелко вибрировал, ряд стволов одновременно поворачивался вверх-вниз, пытаясь отыскать цель. От фасетчатого глаза осталось почерневшее дупло.

Скрипучий голос произнес:

— Отлезь, п’ратан.

— Что?

— В сторону, говорю! Сейчас я его...

Адама прижался спиной к рейдеру, и тогда Рипа выстрелил из оружия на правом плече.

* * *

Перед большим экраном стояли два кресла. Из подлокотников выступали джойстики с кнопками.

— Как он? — спросила Троечка, склонившись над пультом управления.

Егор оглянулся, но Рипы в рубке не было.

— Нашел что-то в хвосте, поплыл туда.

Троечка хмуро кивнула.

— Он хорохорится, но... По-моему, долго не протянет.

Экран был разделен на две части, левая показывала то, что осталось позади...

Всего лишь астероид, правда, очень большой: каменная глыба с серебристой бородавкой города.

Рейдер быстро приближался к центру астероидного облака.

Три полковника нагоняли его.

Раздалось шипение, и Егор оглянулся. Двигаясь боком, через люк вплыл Рипа. Развороченное плечо уже остыло, от спекшегося

металла не шел жар. Робот не может быть бледен, его лицо не покрывается испариной, но выглядел Рипа плохо.

— Д'гоняют? — скрипучий голос стал тише, казалось, каждое слово дается Рипе с трудом.

Троечка подскочила в кресле, руки ее метнулись к пульту. Егора вжало в левый подлокотник, Рипа качнулся — корабль заложил вираж, уходя от небольшого астероида, вылетевшего откуда-то сбоку. На экране провернулись разноцветные разводы, из которых состоял местный космос.

— Что это у тебя? — спросил Егор.

— Обычный шотган, — Рипа помахал небольшим ружьем. — Там коридор с оруж'йным стеллажом. Только он почти пустой.

— Мы же в корабле. Зачем тебе оружие?

— Ну и чё, п'ратишка? Сзади люк, открою его, если надо будет, да и пол'чу себе. Та не, вообще-то это я тебе притащил. На всякий случай. Держи... — робот положил шотган на пол у кресла.

— Вылетишь прямо в космос... — начал Егор и замолчал. Ну конечно, а почему бы и нет?

Рейдер качнулся, поворачивая, ввинтился между двух астероидов. Их становилось все больше.

— Здесь есть связь, — сказала Троечка и защелкала чем-то на пульте. — Сейчас... Рипа, теперь скажи что-нибудь

— Чё, с'стренка? — откликнулся робот.

В скрытых где-то на пульте динамиках зашипело. Троечка подкрутила настройку.

— Так, теперь еще раз.

— Да чё ты хочешь? — на этот раз скрипучий голос отозвался эхом, повторившим слова.

Троечка опять что-то повернула, потом спросила:

— Слышишь?

— Э! — произнес робот после паузы. — Ты, т'па, прям в моей башке говоришь.

— Потому что... — начала Троечка, но тут динамики наполнили кабину треском и шипением. В экране заднего обзора Адама увидел, как от трех цензоров протянулись пунктирные линии трассеров и скрестились позади рейдера. Корабль тряхнуло, руки Троечки замелькали над пультом. Впереди возник астероид, летящий наискось к их курсу. Егор выпал из кресла, когда рейдер провернулся вокруг продольной оси и ушел в вираж. Корабль вильнул, как машина на крутом повороте. Упавший навзничь Адама краем глаз видел проносящуюся на экране каменную поверхность — темно-коричневые поля и круглые воронки, совсем близко...

— Осторожно! — крикнула Троечка.

Трассеры прочертили по поверхности астероида цепочку взрывов. Упершись руками в пол, Егор начал вставать, и тут рейдер содрогнулся, будто напоровшись на невидимую стену. Позади загрохотало, корабль швырнуло вниз. Раздался грохот — один из преследователей врезался в астероид. Взлетел фейерверк расплавленного металла и хлопьев обуглившегося пластика.

Егор наконец встал и ухватился за кресло. Троечка обеими руками держалась за подлокотники. Рипа исчез.

— Что там?

— Сейчас...

Рейдер мотало, пол под ногами ходил ходуном. Егор на полусогнутых ногах шагнул к люку и выглянул.

— Ну?

Он попятился и упал в кресло.

— Хвоста нет. Снесло начисто. Дыра... прямо в космос!

— А Рипа?

— Его не видно. Но полковники...

— Йо! — скрипучий голос донесся из динамиков на пульте. — Слышите?

— Рипа! — прокричала Троечка. — Ты где?.. — она замолчала, когда Егор показал на экран заднего обзора.

Его как раз озарили вспышки трассеров. Между ними кружилась маленькая фигура верхом на турбине.

— Продержись немного! — прокричала Троечка. — Мы подберем!

Но второй экран уже потемнел: космоса не стало видно из-за массы астероидов. Рейдер закружился, уворачиваясь, сквозь рваное отверстие на месте хвоста влетели разноцветные комья.

— Нет, с'стренка, — проскрипел голос в динамиках. — Я уже не жилец.

По обшивке забарабанило. Адама вскрикнул, когда мимо его лица пролетела женская голова, оторванная по локоть рука... потом он увидел комки земли с проросшей травой, сломанный двуручный меч, часть чугунной решетки, автомобильное колесо...

Рейдер повернулся, экран заднего обзора показал просвет, Егор заметил в нем вспышку ракетницы на правом плече Рипы, взрывающегося полковника... Частый пунктир трассеров перечеркнул фигурку на турбине.

— Рипа! — заорал он.

— Держись, п'ратан! — скрипнул голос в динамиках.

А потом рейдер словно застыл. Хотя на самом деле он двигался, медленно опускаясь к астероиду, огромному, почти как планета. Казалось, что она целиком состоит из черного мха.

Астероид вращался в обломках стянутых со всех сторон текстур. Мимо проплывали холмы, колеса, железнодорожные составы, искореженные рельсы и шпалы, изломанные фигуры ботов, пустые скафандры, пушки, части космических кораблей, файлы — листочки с надписями ‘doc’, ‘exel’, ‘txt’.

Ли застыла в кресле, глядя на экран.

— Ты видишь? — прошептала она.

На самом деле это был не мох — поверхность покрывал океан густой слизи. Вся планета состояла из нее. На полюсе медленно вращался черный смерч, горловина его, сужаясь, вела вниз, внутрь громады.

— Рипа! — позвала Троечка. — Ты слышишь?

Динамики молчали. Влетевшие через дыру в хвосте обрывки текстур плавали вокруг кресел.

— Нам надо туда? — она повернула к Егору голову. — Туда, внутрь?!

— Да, — ответил он.

— В эту… пасть? — вцепившись в подлокотники, Троечка подалась вперед. — Она как черная дыра!

— Да.

— Но… — следующие слова дались ей с трудом. — Я боюсь.

— Я тоже, — отозвался Егор. — Ты еще можешь управлять кораблем?

— Нет. Но это и не нужно. Нас и так затягивает…

Планета медленно проворачивалась, воронка становилась больше.

— Рипа! — вновь позвала Троечка.

— Его уже нет, — сказал Егор, и тут голос в динамиках тихо проскрипел:

— Там маршал.

Но Егор уже видел и сам. Расталкивая обломки, из-за края черной планеты медленно выдвигался блестящий металлом покатый корпус.

— Это Асмодей, — прошептала Троечка. — Великий Король Титихозы.

На его ‘лбу’ красовались гигантские цифры: 32.

Он был огромен.

Казалось, маршал-Асмодей превосходит размерами черную планету.

— Но я не смогу управлять им! — Егор приподнялся.

— Сиди и не вставай! — прикрикнула Троечка. — Левый джойстик — оружие. Правый — скорость и направление.

— Но…

— Он сейчас выстрелит!

Планета медленно кружилась на фоне исполинского тела маршала. Выпученный фасетчатый глаз смотрел на подбитый рейдер, в рубке которого Троечка лихорадочно нажимала кнопки на спинке кресла Егора.

Он напоминал биомеханизм — живой организм, состоящий из металла и пластика. У Асмодея было три головы без шей, росшие из одного места: посередине человечья, а по бокам — бычья и баранья. Позади огромного тела медленно извивался змеиный хвост, под ‘брюхом’ торчали четыре лапы с розовыми перепонками, будто у гуся.

На фоне гигантской металлической туши Рипа казался пылинкой.

Троечка повернула рычаг, и выстрелившие из кресла гибкие ленты охватили торс Адамы.

— Видишь эту кнопку? Красную? Нажмешь на нее, когда я скажу, — она бросилась к своему креслу.

— Рипа! — позвал Егор. — Что ты делаешь?

Два бараньих и два бычьих рога медленно росли, увеличивались, одновременно разъезжаясь.

— Все нормалек, п’ратишка... — откликнулся голос из динамиков. — Он готовится шмальнуть по вам.

— Но что это за штуки?

— Хр’н его знает. Какие-то отражатели, что ли?

Рога уже выдвинулись до предела, их концы уставились в одну точку, расположенную примерно в километре от исполинского корпуса.

Черная планета повернулась полюсом к рейдеру, смерч кружился прямо под ним.

В центре образованного рогами квадрата разошлась невидимая раньше диафрагма. Металлические лепестки медленно двигались, отверстие становилась шире. Описав петлю, серебристая пылинка робота полетела к ней.

Выдвинувшиеся ленты зафиксировали Троечку в кресле. Воронка смерча под рейдером росла.

— Рипа, ты еще можешь улететь!

— Не смеши, п’ратан. Я не пропущу самого инт’ресного.

Лепестки застыли. В круглом отверстии начал разгораться синий свет — и одновременно рога засветились огнем.

— Ух и шмальнет он сейчас...

— Мы затащили тебя сюда. Ты...

— Забудь. Что было, то было, п’ратан.

— Но ты еще можешь спастись!

— Йо! От м’ня почти ничего не осталось. Ракетнице кирдык.

Если я подбавлю газа, турбина взорв'тся. Видел когда-нибудь плазменный взрыв? Щас увидишь!

— Но даже если ты влетишь внутрь маршала, это ничего не даст...

— Внутрь? Не-е, у меня другое на уме.

На экране серебристая пылинка устремилась к отверстию диафрагмы, оставляя за собой блестки плазменных выхлопов. Четыре рога налились синим огнем.

— Нажимай! — сказала Троечка.

От рогов протянулись тонкие лучи и сошлись в одной точке, от которой расплылся светящийся диск.

Пылинка подлетела к отверстию... и вдруг рванулась в сторону.

Егор вдавил красную кнопку. Рипа ударился о лепесток диафрагмы, и одновременно с плазменным взрывом голос в динамике произнес: 'Бывай, п'ратан!'

Два кресла загудели, пол под ними разъехался, и они провалились вниз. Между голов Асмодея образовалась узкая рана от взорвавшегося Рипы. Острый край одного из сломанных лепестков диафрагмы выдвинулся и частично перекрыл отверстие в тот миг, когда оттуда ударил широкий столб синего света. Он сместился, попав не точно в центр световой тарелки, а в ее край. Тарелка лопнула, осколки ее начали проворачиваться, удерживаемые протянутыми от рогов энергетическими лучами. Столб раскололся напополам — одна часть пошла дальше, сметая на своем пути обломки текстур, и пронзила рейдер. Вторая, отразившись от осколка тарелки, вернулась назад под небольшим углом и ударила в корпус Асмодея.

Ни Егор, ни Троечка не видели этого. Вылетев из коротких стартовых колодцев, спасательные кресла, бешено вращаясь, канули в горловине черного смерча.

* * *

Егор не мог управлять креслом — когда воронка полого изогнулась, оно взбороздило мягкую поверхность, отлетело, чуть не ударилось о второе, и лишь в последний миг Троечке удалось избежать столкновения.

Вместе с ними неслись затянутые смерчем обломки игр. Далекий взрыв прозвучал вверху, горло воронки дрогнуло — будто великан сглотнул. Кресло крутанулось, черные стены завращались вокруг. Егор вцепился в джойстики, и тут кресла столкнулись боками. Что-то хрустнуло, и они сцепились.

— Так даже лучше! — прокричал Егор. — Управляй за двоих!

— Вместе они тяжелее... Ладно, попробую!

Кресла падали, стенки воронки сходились — теперь они неслись по узкому черному колодцу. Адама выкрикнул:

— Стена слишком близко, поверни!

— Кто-то пытается связаться...

— Что? Поворачивай!

Ли молчала.

Адама быстро глянув на нее: Троечка сидела, откинув голову на спинку. Он опять вцепился в джойстики. Кресло задело стену — от подлокотника потянулись нити черной слизи. Когда оно рванулось в сторону, нити натянулись и лопнули.

Вдруг наступил беспросветный мрак. Несколько секунд они неслись сквозь нарастающий гул, затем внизу забрезжил свет. Стены расступились. Троечка пришла в себя — ее голова поднялась.

— Падаем! — прокричал Егор.

Она ухватилась за джойстики: направление полета изменилось, и вместо того чтобы врезаться в черную поверхность, кресла ударились в нее по касательной.

Седоков швырнуло вперед с такой силой, что страховочные ленты лопнули. Егор упал лицом вниз, проехал несколько метров, поднимая перед собой вал слизи, и наконец остановился.

Треск позади смолк. Пространство вибрировало от низкого рокота. Адама встал — и очутился в воздухе. Здесь почти не было тяготения; простое усилие привело к тому, что он подлетел на несколько метров, а затем стал медленно опускаться.

Вокруг извивались толстые, словно корни баобабов, щупальца. Их поблескивающая поверхность неспешно двигалась, текла в одном направлении, будто они состояли из чего-то очень густого и жирного. Ноги Адамы погрузились по щиколотки. Троечка выбралась из обломков кресел, сделав шаг, перелетела через щупальце.

— Егор, это ужасно!

Адама кивнул. Он уже видел это место. Теперь казалось, что прошли дни, хотя на самом деле минуло всего несколько часов с тех пор, как в подземельях ‘Кабалиона’ он заглянул в глаза вакханки. Его жизнь до игры, авария, протаранивший ‘шкоду’ родителей красный джип, картинки которого Егор развесил на стенах своей комнаты, смерть отца и матери — все это стало полузабытой скучной игрой, в которую он когда-то играл.

Чудовищный, невероятный ландшафт вокруг. Озаряющий его свет то угасал, то медленно разгорался; тяжелый и вялый, казалось, он ползет со скоростью черепахи.

Этот свет озарял циклопическую круглую пещеру с протянувшимися по стенам щупальцами.

— Что это там?

— Какое-то… существо, — сказал Егор.

Отсюда трудно было разглядеть подробности — в центре пещеры висело нечто бесформенное и словно опутанное паутиной. Оно медленно двигалось, а вокруг плыли горы, кружились скалистые уступы, здания и что-то еще, слишком мелкое, чтобы разглядеть. Все это влетало в пещеру через отверстие воронки и, двигаясь в гигантском круговороте, постепенно приближалось к центру. На глазах Егора передний вагон длинного железнодорожного состава подлетел ближе… и существо начало медленно поглощать его, втягивать в себя.

— Посмотри! — Троечка ухватила его за руку, показала вверх. — Видишь, там, слева…

Из-за чудовища медленно выплывали искривленные буквы.

— Те… — прочитал Егор. — Теба…

— Тебах!

— Это тот искусственный интеллект…

— Нет, Дионис, которого призвал Джигурти. В ‘Тебахе’ считали, что он работает над созданием ИскИна, а он пытался призвать Диониса…

— Ли, когда мы падали, ты опять вырубилась.

— Меня вызвали. Сигнал едва пробился сюда. Я мало что поняла. Там паника. За последние часы из-под контроля вышли все крупные домены. То есть они еще существуют, но люди не могут проникнуть в них. Игры схлопываются, а игроки гибнут.

— Но ведь можно просто отключить электричество. Что станет со всеми эти доменами и сайтами, если обесточить железо?

Свет начал медленно затухать, стало темно, затем он разгорелся вновь. Далеко-далеко в круговороте что-то шевельнулось. Там возник смерч: отделился от существа в центре пещеры и устремилась вперед сквозь обломки. Вскоре стало видно, что он состоит из множества ртутных фигур.

— Вот эта штука — и есть Дионис? — спросил Адама. — Бог?

Ли покачала головой.

— Нет, я ошиблась. Если эта планета — сфира, то мы в Абаддоне, в Четвертом аду. Это вывернутая наизнанку Хесед. Здесь должен командовать Астарот, а Дионис где-то дальше.

Адама оттолкнулся, по дуге взмыл в воздух. Троечка прыгнула следом. Над ними проплывала увитая плющом крыша сельского домика. Когда Егор оказался ближе к ней, чем к поверхности пещеры, его развернуло и притянуло ногами к

черепице.

Мир провернулся, теперь поверхность сферы, на которой Егор только что стоял, оказалась над головой, а круговорот с бесформенным существом в центре — под ногами. Троечка опустилась рядом.

— Это вакханки.

— Да. Смотри, теперь мы можем перепрыгивать...

Обломки игр напоминали полуразрушенные ступени уходящей вниз лестницы, вдоль которой неслись ведьмы.

— Давай в сторону.

Он прыгнул и полетел сквозь затухающий свет.

Стемнело, потом вновь стало светло. Егор опустился на край завязанного узлом моста с трехполосной дорогой — остатки игры-гонки. Задрав голову, он увидел летящую мимо Троечку, схватил ее за ногу и притянул к себе.

Их ушей достиг хор механических гудков вакханок. Свет разгорелся, озаряя трещины в покрытии моста, согнутые балки. Поверхность сферы была теперь высоко над головой. Адама перегнулся через проломленное ограждение. Кладбище игр вращалось внизу; извивался, приближаясь, длинный смерч, состоящий из одинаковых ртутных фигуры.

— Они сворачивают наперерез.

Механические гудки слились в один, высокий и протяжный.

— Надо их отвлечь. Ты лети в обход, а я задержу...

Егор обернулся. В гаснущем свете он увидел, как Ли вытянула перед собой руки, сжимая между ладонями металлический шарик, тот, что она нашла в мастерской Меркюри-Джигурти.

— Погоди, мы же не знаем, что это!

— Я знаю.

Шарик лопнул. От него что-то быстро поползло по запястьям, по рукам, достигло плеч... свет померк. В темноте нарастало гудение вакханок.

Егор шагнул прочь от ограждения, и тут Ли сильно толкнула его в грудь. Он взмыл в воздух, перевернувшись спиной вниз.

Сверкнула вспышка, сразу за ней — вторая.

Свет начал разгораться. Перелетая через ограждение, Егор извернулся, пытаясь ухватиться, и разглядел на мосту три одинаковые фигуры. Три голоса прокричали вместе:

— Это копирующая программа. Втроем я... то есть мы задержим их. Лети к Астароту!

* * *

Покосившаяся каменная башня нависла над утесом. Схватившись за края бойницы, Адама протиснулся в нее и вылетел с другой стороны. Повиснув на одной руке, выглянул из-за останков крепостной стены и в умирающем свете увидел край ртутного смерча, подтягивающегося к мосту. Пальцы разжались, Егор стал падать, медленно погружаясь в галактику умерших игр.

Пространство наполнил мрак. Что-то черное безмолвно перемещалось вокруг, кружилось, стягиваясь к одному месту.

Вновь стало светлее. Теперь Адама летел между остатками зоопарка — клетками и застывшими телами животных. Мимо проплыла горилла с разинутой пастью, слон, изогнувший длинный хобот...

Механический вопль резанул по ушам. Егор задрал голову: далеко вверху смерч завернулся кольцом вокруг моста. Среди вакханок кружились три одинаковые фигурки.

Световая пульсация пошла на убыль, над местом сражения Троечек и ведьм сомкнулись густые тени. Егор зажмурился так, что загудело в голове, потом раскрыл глаза и глянул вниз.

Мгновение первозданного мрака — и вновь стало светло. Адама приближался к центру галактики, существо находилась прямо под ним.

Круговорот вращался по часовой стрелке, а клубок черных волокон — в противоположном направлении. В переплетении слизистых жгутов виднелась фигура, облепленная обломками. Тощий великан сидел на крылатом чудовище, чем-то средним между драконом и огромной летучей мышью с вытянутой мохнатой мордой. Егор пригляделся... Нет, не человек на драконе — одна фигура, сросшаяся в единое целое. В правой руке монстр сжимал длинный кнут.

Обломки игр подлетали ближе, пасть дракона и гигантский человеческий рот медленно раскрывались, заглатывая те, что поменьше. Более крупные дрейфовали мимо и скапливались позади демона. Слизистые жгуты оказались его волосами — они опутывали обломки, шевелясь, будто живые, собирали их, напоминая невод с уловом, висящий позади головы Астарота. Вокруг, словно сорванные ураганом листья, кружились странички файлов.

Сейчас человеческий рот как раз засасывал последний вагон железнодорожного состава.

Егор взмахнул руками, поворачиваясь, пытаясь найти, за чтобы ухватиться.

Свет погас. В темноте его ног коснулось что-то мягкое, обволокло, поднимаясь выше, к пояснице, сдавило грудь.

Вновь стало светлее. Адама увидел, что по шею погрузился в

черную поверхность и задергался, пытаясь вырываться. Слизистые канаты липли к телу, сдавливали его. Прямо под собой Адама видел затылок размером с большой церковный колокол, шею и плечо, на котором было вытатуированы цифра 29.

Стало темно, океан мрака, густого и вязкого, накрыл его. Течение повернуло Адаму, поволокло куда-то и отпустило.

Когда свет разгорелся, он заметил выступающий между волокон край чего-то блестящего. Все остальное здесь было блеклым, и этот предмет привлек внимание Егора. Повиснув ногами кверху, он раздвинул канаты-волосы, увидел покатый металлический борт и часть круглого иллюминатора...

До Астарота наконец дошло, что совсем рядом позади него что-то происходит, и он начал поворачивать голову.

Вдруг посреди темного круговорота Егор разглядел фигуру Ли — она медленно приближалась. Астарот скосил глаза, и зрачок размером с дом уставился на них. Демон начал разеваться пасть, правая рука поднялась, зажатый в ней черный бич шевельнулся, и Адама понял, что на самом деле это безглазая гадюка.

Упираясь ступнями в блестящую металлическую поверхность, Егор попытался сдвинуть каменную глыбу, прижатую волосами к борту. Пасть гадюки приоткрылась, из нее высунулся раздвоенный язык-канат.

Бабочка на правом плече Егора расправила зелено-голубые крылья.

Ли была уже близко, но наперерез ей двигалась рука со змеей. Рот демона все еще медленно разевался, сквозь частокол зубов, будто два ряда мутно-белых айсбергов, виднелись поблескивающие слюной черные своды гортани. Из глубины глотки летело несколько вакханок.

Бабочка описала круг над головой Егора и порхнула вперед. В последний момент до Астарота дошло, что сейчас произойдет нечто, чему происходить не следует. Демон попытался захлопнуть рот, но он двигался слишком медленно — бабочка влетела внутрь.

Конечность монстра двинулась в обратном направлении, змея свернулась кольцом. Подлетевшая Троечка изогнулась, и тут свет начал гаснуть. Адама протянул руку, пытаясь ухватить ее. В темноте пасть захлопнулась с громовым хлопком, и сразу же засиял яркий свет — он полился наружу между зубами чудовища.

Дракон издал низкий рев. Круговое течение текстур нарушилось, спираль сломалась, обломки полетели в разные стороны.

Егор ухватил Ли и притянул к себе.

— Наверное, это и есть ковчег! — прокричал он.

Астарот задрожал; свет бабочки полился из его глаз и рта — тот вновь начал открываться. Тонкие световые лучи стали простреливать существо в разных местах, все быстрее и быстрее, пока не слились во вспышку. Адаме и Троечке пришлось зажмуриться.

* * *

Когда он открыл глаза, Асгарот стал бесформенной массой слизи — демон теперь напоминал медузу, по краям которой извивались разорванные волосы-щупальца. По поверхности медузы проплыл глаз, возникло и пропало треугольное ухо, вспучился, чтобы тут же исчезнуть, обломок крыла. В центре разинулся круглый рот — и застыл, превратившись в отверстие, которое вело куда-то в глубины демона.

Освобожденные от волос обломки текстур и лепестки текстовых файлов со всех сторон полетели к отверстию — это напоминало взрыв, показанный в замедленной съемке, да еще и пущенной в обратном направлении.

Программа-ковчег Тота Джигурти — блестящий металлический корабль без парусов и киля — тоже летел туда. От рева демона задрожали далекие своды черной сферы. Обломки вибрировали, медленно разваливались на части и один за другим исчезали в круглом отверстии. Ковчег раскачивался и вращался, двигаясь в урагане лепестков-файлов.

На середине огороженной невысоким бортиком палубы ковчега был раскрытый люк.

— Нам что, надо внутрь? — громко спросил Егор, показывая на пасть.

— Да! Джигурти сказал — через плоть Астарота проникнем дальше.

— Дальше? Куда дальше? — прокричал Адама, подтягивая их обоих к люку.

— В Шеол, Троичный ад, — ответила Ли. — Это высший аспект древа. Его крона...

Глава 12

Квас повернул, выруливая на земляную дорогу, и сидящая рядом Илона спросила:

— Зачем тебе ружье?

Лежащие на руле руки Володи еле заметно дрожали. Некоторое время назад его вообще колотило от адреналина, но сейчас Квас постепенно успокаивался, хотя окончательно прийти в себя не мог — в слишком уж дикую, странную ситуацию они попали.

— Зачем? — повторила Илона, и голос у нее был особый, слегка как бы вибрирующий. Такой голос часто предвещал очередной приступ, нервный срыв, которых Квас боялся — слишком чужой становилась Илона в такое время, будто совсем другой человек. Володя опасливо покосился на жену: аккуратная стрижка под мальчика, точеный почти детский профиль, поджатые губы...

Он кинул взгляд в зеркальце на лобовом стекле — там отражалась изгибающаяся позади дорога, но, конечно, лежащей в на заднем сидении коробки с самозарядным револьверным дробовиком ‘Джэкхаммер’ видно не было.

— Я все еще не понимаю, что происходит, — сказал Володя. — Но это что-то очень страшное и гадкое. Наша ‘крыша’ хочет взорвать вычислительный центр в Коцюбах. Это какая-то дикость... а ты так и не сказала мне, кто они.

— Ты же слышал: я знаю не больше твоего, — возразила Илона. — Знала бы — рассказала. Зачем тебе оружие, Вова?

Квас пожал плечами.

— Пока сам не пойму. Надеюсь, оно не понадобится. Но не могу же я позволить...

— Что? Что не можешь? — повысила она голос, и Володя с тревогой понял, что в нем добавилось дрожи, будто мелкого противного дребезжания. Не надо было брать Илону с собой. Спала бы себе сейчас мирно в комфортной палате... Но супруга захотела ехать с Квасом, и отказать он не смог: она бы просто не отпустила его самого, началась бы истерика, а истерики Илоны — это страшное дело, это не банальное битье посуды, но расколотые оконные стекла, убитые животные (однажды во время приступа жена выбросила из окна седьмого этажа их собаку, ласковую суку породы колли) и попытки суицида.

— Успокойся, пожалуйста, — попросил Квас. — Все нормально. Никой стрельбы не будет. Ну вот, погляди, это же я... — он повернул к ней голову, через силу улыбаясь, снял

правую руку с руля и похлопал жену по тонкому колену, обтянутому стрейчами. Длинные пальцы Илоны вцепились в его запястье, сжали, царапнув ногтями. Жена подалась к нему, обхватила за шею и притянула.

— Что ты делаешь? — выкрикнул Володя, вдавливая педаль тормоза. Машина, вильнув, встала посреди пустой темной дороги, а Илона, прижавшись к Володе, впилась губами в его губы. Квас неловко повернулся, обхватил жену и замер. Так они сидели некоторое время, потом Илона, вздохнув, откинулась на сидении.

Вскоре машина поехала дальше.

Несколько впереди по этой же дороге к Коцюбам приближалась ‘тайота’ Петра Ильича Васянина.

* * *

Адама открыл глаза. Он лежал посреди небольшого помещения, впереди был штурвал, панель с кнопками и рычажками, слева и справа — круглые иллюминаторы в стенах. Пол слегка качался, но ковчег перестал вращаться. Как и в городе роботов, здесь преобладали металлические поверхности — но если в Робополисе хватало ржавчины, то в модуле Джигурти все блестело.

— Ли! — позвал Егор, выпрямляясь.

И подскочил чуть не до потолка, сообразив, что теперь он не робот. Увидел свои ноги — голые, покрытые редкими светлыми волосами — и такие же руки... А еще понял, что одет в нечто вроде белой простыни. Она была перекинута через плечо, обмотана вокруг бедер и сзади завязана узлом.

— Ни фига себе! — произнес Адама. Услышал нервное хихиканье и повернулся.

Троечка тоже преобразилась. Егор вытаращился на полноватую — не толстую, а, так сказать, приятно-округлую — девицу со светлыми волосами, облаченную в такую же, как у него, простыню. Бюст Троечки вырос раза в три по сравнению с тем, когда Егор увидел ее впервые в образе амазонки. Лицо стало мягче, черты сгладились.

— Прекращай пялиться! — скомандовала Ли.

— Да нет... — он смущенно почесал лоб. — Просто к этому... к этим преображениям трудно привыкнуть.

— Мы опять сменили аватары, вот и все. Слышишь шум?

Только теперь Адама обратил внимание на приглушенные переборками ковчега бульканье и клокотание. Поправив простыню на плече, он шагнул к штурвалу с панелью управления.

Усеивающие ее кнопки напоминали клавиатуру компьютера. Сбоку Адама увидел ряд плоских клавишей с надписями вроде ‘фаерволл’, ‘обновить драйвера’, ‘деинсталляция’.

— Эй! — позвал он, не оборачиваясь. — Я так понял, что Джигурти создал этот модуль для быстрого перемещения по Сети?

— И скрытного, — голос Троечки звучал приглушенно. — Это еще и анонимайзер.

Адама оглянулся — Ли стояла на верхних ступенях металлической лесенки, по пояс высунувшись в открытый люк. Он замер, разглядывая ее ноги и очертания того, что скрывала простыня. Моргнув, отвел взгляд, шагнул к иллюминатору, и тут Троечка сказала:

— Иди сюда, погляди.

Егор поднялся по ступеням и встал рядом. Ширина люка позволяла высунуться наружу двоим.

Когда голова оказалась над палубой, шум стал громче. Адама не сразу понял, где они находятся — вокруг все дрожало в потоках горячих испарений. Сквозь черные и темно-коричневые завихрения то и дело пробивались багровые вспышки. Ковчег медленно поднимался по широкой каменной трубе, жаркое марево мешало разглядеть, что находится вверху.

— Где это мы? — выбравшись на палубу, Егор направился к борту. Ковчег качался, идти пришлось медленно, широко расставляя ноги.

— Ты осторожнее, — сказала Ли, следуя за ним.

Они присели, ухватившись за ограждение. Пространство внизу было неразличимо; ковчег плыл будто на поверхности нефтяного озера, чей уровень быстро поднимался — ‘нефть’ заполняла каменную трубу, толкая летающий модуль над собой. На стенах, среди бугров и ложбин, зияли широкие темные дыры.

— Где мы? — повторил Егор, уже свыкшийся с тем, что Троечка лучше него понимает происходящее. — Куда нас выталкивает?

Она пожала плечами.

— Проход между сфирами, наверное. А вот эти отверстия, видишь? Слишком круглые...

— Ну и что?

— А то, что не похожи они на естественные. Вроде их кто-то пробил. Давай подлетим ближе, посмотрим.

— Ты можешь управлять этой штукой? Здесь же ни парусов, ни винта...

— Смогу, наверное. Пошли в рубку.

Когда они спустились, Троечка сразу прошла к пульту и

склонилась над ним. Егор осмотрел помещение, но не нашел других люков или каких-нибудь дверей — кроме рубки управления, отсеков в ковчеге не было.

Пол качнулся сильнее, и Адама шагнул к иллюминатору. Модуль теперь не только поднимался, но и плыл в горизонтальной плоскости.

— Что ты сделала? — спросил Егор.

— Тут такие... ну, они называются ‘векторами распространения’.

За иллюминатором каменная поверхность с темными отверстиями приближалась.

— Распространение чего?

— Не знаю. Может, вектор распространения этой программы? Ковчега, в смысле. Короче, неважно, главное, что его можно направлять... распространять куда-то.

— Иди сюда, — позвал Егор. — Там кто-то есть.

Ли подошла к иллюминатору. Теперь стал виден изгибающийся свод туннеля, ведущего в глубину каменной толщи.

— Неужели кто-то живет в подобном месте? — удивилась Троечка.

Они различили фигуру — человек в меховой одежде, но очень крупный, да и голова каких-то странных очертаний... Существо остановилось на краю туннеля, широко расставив ноги, опираясь на длинную палку, не то посох, не то копье.

— А вон за ним еще...

— Вижу, — сказал Адама, разглядев другие фигуры. — Они что-то тащат. Кто это такие?

Существо оглянулось, махнуло палкой и что-то прокричало.

— Знаешь что, давай-ка отлетим подальше. — Троечка заспешила назад к пульту.

— Отсюда плохо видно, — произнес Адама, направляясь к лестнице. — Снаружи гляну.

Он шагнул на палубу как раз когда из прохода один за другим вылетели три крылатых силуэта. Егор решил было, что это большие птицы или птеродактили, но тут же разглядел изогнутые деревянные корпуса и матерчатые крылья. Аппараты разлетелись веером; на каждом, ухватившись за ‘шею’ одной рукой, а в другой сжимая оружие, сидело существо в мехах. Два аппарата облетели ковчег слева и справа, третий поднялся выше. Со скрежетом на палубе и на бортах модуля раскрылись круглые отверстия, оттуда выдвинулись короткие стволы. Егор еще успел разглядеть, что у существа на ‘птице’ фигура действительно человеческая, но голова — бычья, с парой коротких кривых рогов,

что в руке оно сжимает трезубец на длинном древке, и между остриями дрожат синие молнии — и тут человекобык спикировал вниз. Адама отпрыгнул; наконечники вспыхнули, молнии с визгом ударили в то место, где он только что стоял.

Из всех стволов ковчега выплеснулось белое сияние, окутало модуль тусклым световым коконом. Он загудел и вспыхнул в том месте, где в него ударился аппарат.

Ковчег сильно качнулся, ‘птица’ с треском отлетела, вращаясь вокруг оси. Сгусток сияния протянулся от кокона, словно прилип к аппарату, по днищу и крыльям которого заплясали искры. Выпустив трезубец, человекобык вцепился в изогнутую ‘шею’, чтобы не выпасть из седла. Сияние вновь набухло, стрельнуло искрами, когда двое других приблизились к ковчегу со стороны носа и кормы. Трезубец свалился на палубу. Первый аппарат со сломанными крыльями и развороченным хвостом, кувыркаясь, падал.

Он исчез за боротом. Схватив трезубец, Адама на четвереньках пополз к люку. Атакующие отлетели подальше и закружились над ковчегом.

Когда Адама уже достиг люка, под модулем полыхнуло, идущий снизу гул усилился. Там что-то забурлило, заклокотало, вокруг ковчега взвились столбы черного дыма. Он качнулся так сильно, что Егор кубарем скатился по лестнице, выпустив трезубец.

Адама вскочил, увидел, склонившуюся над пультом Ли и бросился к иллюминатору.

Озеро пришло в движение, забурлило, выплескивая черные пузыри — достигнув поверхности, они лопались, выстреливая струями огня.

Вдруг каменные стены рванулись вниз, и Егор распластался на полу. Ковчег содрогался, металлические переборки скрипели. Кое-как встав, Адама добрался до пульта.

— Что ты сделала?

— Включила защиту, — сказала Троечка, не поворачивая головы. — Как это выглядит снаружи?

— Там возник такой... ну вроде как свет. Похож на пух одуванчика. Белый. Окружил модуль со всех сторон. Одна эта летающая штука упала. Может, взорвалась. Я понял! Мы в жерле вулкана, и теперь... — он умолк, когда ковчег вновь закачался.

— И теперь началось извержение, — заключила Троечка, присевшая возле пульта.

— Да. И еще один из этих, которые напали, упустил свое оружие.

Модуль кое-как выровнялся, и Адама побежал к валявшемуся

под лестницей трезубцу.

— Смотри, он...

— Ты лучше держись, — перебила Ли. — Потом покажешь. Это... озеро, или что там такое — оно сейчас...

Тут ‘оно’ взорвалось. Ковчег закрутило, он лег на борт, в иллюминаторе каменная стена провернулась и исчезла, сменившись кружком света — жерлом вулкана далеко вверху. С грохотом, воем и шипением вулкан этот начал извергаться.

* * *

Лава была черной. Выстрелив из жерла фонтаном и выплюнув модуль, она потекла по склонам, образовав густое озеро у подножия огромной горы. Клубы дыма скрыли пейзаж. На несколько мгновений ковчег повис — приникшие к иллюминаторам пассажиры увидели растекающуюся под ним в виде купола сплошную иссиня-черная поверхность — потом, завалившись на правый борт, по дуге скользнул вниз.

Все новые потоки выплескивались из жерла, озеро у подножия горы набухало. В густой субстанции то и дело образовывались трещины, сквозь них выплескивался багровый свет.

Адама глядел через иллюминатор левого борта, а Троечка — правого.

— Эй! — выкрикнула она. — Иди сюда, посмотри, что здесь!

Для равновесия широко расставив ноги, он по качающемуся полу кое-как пересек рубку и выглянул. Ковчег опускался, гора теперь была далеко в стороне, подножие ее окутывали огненные всполохи.

— Что?

— Вон там, видишь?

Озеро лавы ходило ленивыми волнами, и одна из них двигалась необычно. Она выросла, на глазах меняя форму, и превратилось в человека верхом на могучем звере — все это будто слепленное из черного пластилина.

— Рахаб, — сказала Троечка.

— Кто?

— Демон на быке. А вон... гляди, это — Мачалот.

Неподалеку от всадника другая волна изгибалась, принимая форму женщины, вернее, женского торса с головой и руками, который заканчивался змеиным телом.

— Мачалот, дева-змея...

Ковчег опускался и одновременно отплывал от вулкана, над

чьей вершиной медленно съеживался черный купол извержения. Теперь стал лучше виден ландшафт вокруг — сплошное кольцо гор, лишь в одном месте узкий проход. Озеро, напоминающее блин из черного теста, застывало, два демона на его поверхности двигались все медленнее.

— Смотри...

— Ага, что-то там летает.

Они уставились в проход между склонами — его наполняло сумбурное движение. Не то стая птиц, не то что-то еще — сквозь световой пух защиты модуля трудно было разглядеть.

— Нам надо туда, — сказала Ли. — Но мне это не нравится.

Ковчег перестал опускаться и завис в нескольких метрах над иссеченной трещинами поверхностью. Поднявшись на палубу, Егор окинул взглядом большую долину, в центре которой еще клокотал вулкан, горы и небо... Световой пух вокруг ковчега, мигнув, исчез. Теперь хорошо стали видны плоские, будто вырезанные из черного бархата, силуэты гор на фоне густо-красного, лишенного глубины неба. Модуль, качнувшись, поплыл к проходу — узкой прорези в бархате. Там клубилась стая одинаковых силуэтов, и вскоре Адама смог разглядеть, что это множество полупрозрачных чешуек, подобных которым он уже видел раньше. Как только защита отключилась, они устремились к ковчегу. Адама лег на палубу и сунул голову в люк.

— Эй, что случилось? — громко спросил он.

— Не знаю! — Ли стояла возле пульта. — Сейчас разберусь.

— Эти штуковины к нам летят. Почему...

— Это клипот. Не мешай!

Егор привстал — чешуйки окружали ковчег. Тот продолжал двигаться к просвету между горами, и вскоре клипоты повисли со всех сторон. Адама полез было вниз, но в этот момент две чешуйки упали на него. Зазвучал еле слышный звон, и он увидел прямо перед собой изогнутый полупрозрачный силуэт. Клипот приблизилась вплотную, перед глазами все поплыло, в голове загудело, и Адама кубарем покатился с лестницы. Кое-как поднявшись на четвереньки, он пополз к стене, видя свои упирающиеся в пол руки — они стали полупрозрачными. Сквозь люк в трюм влетела клипот, за ней мелькнула вторая.

— Включи ее! — прохрипел Егор, обращаясь к стоящей спиной к нему Ли. Услыхав звон — клипот подлетела почти вплотную — он непослушными руками ухватил оружие-трезубец, повернулся... Чешуйка была прямо над ним, и Адама ткнул остриями. Между ними проскочила молния, силуэт на мгновение налился белым светом и погас. Вторая клипот летела к Троечке — не замечая ее, та склонилась над пультом. Егор успел нагнать

чешуйку до того, как она достигла Ли, и ударил трезубцем.

Он глянул в иллюминатор — вокруг ковчега, будто мухи, вились прозрачные силуэты, внутрь проникал их звон. Борта ковчега истончались, сквозь них проступал мрачный пейзаж.

— Ковчег разрушается! — прокричал Адама. — Они наверное ломают программу...

Борта теперь напоминали сотканную из стеклянных волокон вату. Несколько клипот стали протискиваться внутрь.

— Есть! — сказала Троечка. Ландшафт, уже ясно видимый сквозь почти исчезнувшие борта, замерцал, когда модуль вновь окутался световым пухом. Пытающиеся пролезть внутрь чешуйки налились белым свечением и пропали.

— Ух! — сказал Егор. Он выпрямился, разглядывая свое тело и прислушиваясь к внутренним ощущениям. Звон стих, слабость прошла, сквозь запястья уже не просвечивались пол и стены.

Не опуская трезубца, Адама поднялся по лестнице и опасливо выглянул. Клипот кружили вокруг модуля, но теперь старались не приближаться — когда какая-нибудь подлетала слишком близко, световой пух в этом месте становился ярче, мерцание передавалось чешуйке, и она, мигнув, исчезала.

— Ты знаешь, что это на самом деле такое? — спросил Егор, вернувшись в трюм. — Перед тем как умереть, или что там с ними происходит, они становятся светлее, и тогда можно разглядеть... В общем, они напоминают вакханок.

— На самом деле клипот — это чешуя или скорлупа, и она... Ну, это как бы отрицательная энергия, понимаешь? Распадающиеся ментальные сгустки, которые высасывают наши психические силы. А здесь, в Сети, они становятся вирусами, пытающимися стереть программу ковчега.

Вулкан позади еще курился, но теперь в мрачном свете, льющемся с темно-красных небес, он стал почти неразличим. Модуль достиг прохода между горами. Клипот перед ним расступались и смыкались позади, но близко не подлетали. Проход оказался не длинным, и вскоре впереди открылась однообразная черная равнина.

— Где мы находимся? — спросил он.

— Третья область Троичного ада, — Троечка наконец отошла от пульта и встала возле Адамы. — Я думаю, что локации ‘Кабалиона’ были созданы в виде Древа из каббалы, и... ну как бы под игрой возникло антидрево, то есть Древо Смерти. Тот Джигурти работал над искусственным интеллектом и создал Диониса, бога. Дионис решил захватить Сеть, проник в ‘Кабалион’ и выстроил на его основе Древо Смерти, стянув сюда локации из других игр...

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он. — Про Древо Смерти и клипот?

Она пожала плечами.

— Я раньше каббалой увлекалась. Не всерьез, конечно, любительски, но кое-что запомнила.

Адама отошел к иллюминатору. Ковчег летел ни быстро, ни медленно. Троечка нажала какие-то кнопки и шагнула к Егору.

Она стала рядом, и Адама вдруг подумал, что сейчас было бы, пожалуй, очень неплохо поцеловать ее. И не только поцеловать, но при этом положить руки на всякие... интересные места ее тела — любопытно, что он ощутит? Ведь на самом деле он не будет касаться настоящего человека. Все это лишь потоки электронов, биты, единицы и нули, нули и единицы... Хотя, если задуматься, — ведь человеческое тело тоже лишь энергия и информация...

* * *

Линия обломков тянулась влево и вправо насколько хватало глаз, над ней извивалась стена дрожащих прямоугольных лепестков.

— Это же файлы, — произнес Егор. — Ты видишь? Только они какой-то странной формы. А вон, — он показал влево, — что это такое?

Наискось к красному небу возвышалась массивная штуковина, напоминающая крылатую гусеницу на трех тонких ногах-ходулях разной длины. Ее покрывал светло-коричневый потрескавшийся хитин.

— Смотри, там, наверху — это что, глаз? Похоже на кузнечика или...

— А вон внизу люк, — добавила Ли. — Овальный, видишь? И дюзы... Это какое-то... какое-то насекомое.

— Но оно похоже на космический корабль, — возразил Егор.

Позади гусеницы изгибались огромные кольца, и по ним стремительно проносились разноцветные тела, не то жуки, не то автомобили...

— Ага. Я поняла!

— Что ты поняла?

— Это чья-то чужая игра.

— Что значит ‘чужая’?

— Ну... игра каких-то инопланетян. Или жителей параллельного мира. Альтернативного.

Адама недоуменно моргнул.

— Но откуда она тут взялась?

— Ее Дионис притянул к себе вместе с остальными играми.

Они подлетали все ближе к мерцающей стене.

— Слушай, как-то странно эти файлы выглядят, — заметил Адама. — Ты видишь? И надписи там...

— А что если это чужие файлы? — предположила Троечка

— А это что такое?

По черной равнине к ним приближались три огромные фигуры. Посередине, верхом на палевой лошади, скакал седой старик с вытянутым унылым лицом. На лбу его была вытатуирована цифра 50, в правой руке он сжимал длинную заостренную палку.

— Это Фуркас, демон Второго ада, — Ли повернулась к пульту, и ковчег закачался, когда она стала нажимать кнопки.

Слева и справа от всадника неслись четыре ежа, поросшие металлическими иглами, с вытянутыми злобными мордами и оскаленными клыками.

— А это?.. — Егор скорее удивился, чем испугался.

— Вавилон, Джония, Медия и Эдом, — не оборачиваясь, ответила Троечка. — Демоны-помощники.

Модуль развернулся кормой к монстрам, так что их не стало видно в иллюминаторе, и полетел вдоль стены.

— Попробуем обогнуть ее, — сказала Троечка. — Не может же она бесконечно...

Адама бросился к лестнице, взобравшись наверх, увидел, что ежи отстали, но всадник все еще преследует ковчег.

— Надо быстрее, — прокричал Адама, и тут Фуркас запустил свою палку.

Она с гудением взвилась, будто ракета, оставляя за собой огненный след. Егор присел на ступеньке, а оружие ударило в корму.

Адама свалился на пол трюма, сквозь люк над ним проникли отблески яркой вспышки. Ковчег качнулся так, что правая стена поменялась местами с полом; Адама и Ли покатились по ней.

Глава 13

— Не зря я тебя с собой тащил, — пробормотал Опанас, разглядывая безлюдную деревню, дымящее кострище, перевернутый котел и обгоревший труп старика-шамана. — У них не вышло, кто-то помешал...

Андрея от вида трупа замутило, он сглотнул... и тут же понял: раз тошнит — значит, свободен!

Бокор резко обернулся, услыхав шаги — пленник, качаясь и волоча ноги, пытался убежать. Геде парил в стороне. Под действием местной магии он менялся: плотнел и рос. Пелена принимала форму человеческой головы, вниз от нее протягивалось тело, пока еще полупрозрачное, но быстро густеющее.

На ходу выхватывая из кармана флэш-плеер, Опанас прыгнул за беглецом и сильно толкнул ладонью между лопаток — Андрей, еще плохо держащийся на ногах, упал. Бокор перевернул его на спину, сел верхом и включил плеер. Второй рукой зажал нос пленника. Тот замычал, замотал головой, потом рот его раскрылся. Плеер щелкнул и тихо зашипел, вот-вот из динамика должен был политься голос. Опанас сунул флэшку в рот жертвы, ударил снизу в подбородок, чтобы челюсти сомкнулись. Андрей захрипел, выгнулся. Привстав, Бокор ухватил его за волосы на лбу, дернул, приподнимая, и засадил кулаком по спине между лопаток. Глаза Андрея выпучились, и он сглотнул.

Лицо посинело, на шее выступил кадык. Довольный Бокор выпрямился, глядя на тело у своих ног. Андрей извивался, сучил ногами, лицо стало красным, из глаз брызнули слезы. Хрипя, он перевернулся на бок и замер, только правая нога чуть дергалась. Присев, Опанас положил пальцы на шею жертвы, вжал в кожу...

— Жив, — сказал он, отходя в сторону. — Теперь минут тридцать, пока все имена в него загрузятся... За это время до Чада добраться надо!

Он повернулся к Геде, который уже вполне оформился и твердо стоял ногами в кожаных сапогах на земле, и тут где-то рядом раздался звон.

* * *

Коцюбы — поселок городского типа, провинциальный и запустелый, как и большинство других мест в окрестностях столицы. Впрочем, от них Коцюбы отличаются тем, что здесь есть

обширная территория, огороженная высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху. За оградой стоят в основном приземистые здания, двери которых заперты на множество замков. Эту территорию охраняет небольшой военный гарнизон — тощие бритые солдатики дежурят возле ворот. Помимо складских зданий за воротами расположены барак, плац, склад и кухня.

Построенный фирмой Кваса двухэтажны кирпичный дом вычислительного центра находился позади огороженной территории, во дворике обычного многоквартирного дома. Толик притормозил, поворачивая, и Петр Ильич рискнул бросить взгляд в зеркальце заднего вида — там маячило мертвое лицо Арсения. Автомобиль остановился на небольшой открытой стоянке, асфальтовом пятачке между деревьями. От него короткая дорожка вела к запертым изнутри железным дверям ВЦ.

— Приехали что ли? — пророкотал старик.

— Да, — сказал Васянин, не оборачиваясь.

— Ладно.

Щелкнула дверь, прохладный воздух проник в салон. Снаружи донесся голос:

— Вылазь, болван. А вы двое — здесь сидите, ясно?

Открылась и захлопнулась вторая дверца, Толик поморщился — фиксаторы скоро придется ремонтировать.

Васянин с водителем смотрели, как две фигуры, обойдя машину, приближаются к дверям ВЦ. Старик нес обувную коробку.

Они пересекли дорожку и остановились под дверью. Бродяга нажал на большой круглый звонок и долго не опускал руку — до машины донеслись надрывные трели, звучащие в здании. Это длилось больше минуты, в конце концов двери приоткрылись, высунулась голова с всклокоченными волосами и что-то рявкнула. Старик ответил, дверь открылась шире, охранник показался целиком — пожилой мужик в камуфляжном комбезе. На ремне болталась кобура и кожаный чехол. Повернув голову, старик что-то сказал Аресению, и зомби схватил охранника за шею. Сидящие в машине услышали удивленно-испуганный вопль, в следующее мгновение охранник взвился в воздух — Арсений просто поднял его и швырнул назад, через левое плечо, будто окурок, который выбрасывают за спину, не оглядываясь.

Петри Ильич и Толик заорали, увидев, как размахивающее руками и ногами тело летит прямо в них. Оба подались назад, вжавшись в сидения. Охранник спиной влип в лобовое стекло; глухо скрипнув, оно покрылось сетью белых трещин. Тело съехало по стеклу и распласталось на капоте.

— Ма-ать... — выдохнул Толик.

Теперь из-за трещин видно было хуже, но все же они различили, как старик и Арсений исчезли в дверях ВЦ. Стало тихо, охранник на капоте не шевелился. В жилом доме позади не светилось ни одного окна; на улице и за бетонной оградой с колючей проволокой тоже царила тишина. Заднюю стену ВЦ и ограду разделяло всего несколько метров.

— Петр Ильич... — начал водитель.

— Да, — тихо сказал Васянин. — Поехали. Только, Толя... тело же надо убрать.

— Ага... Конечно, я сейчас... — Толик заторопился, распахнул дверцу, и тут салон озарили фары въехавшего во дворик автомобиля. Это было так неожиданно, что Васянин охнул, повернулся на сидении, а водитель застыл, согнувшись, уже выставив одну ногу наружу и придерживая дверцу локтем.

— Это шеф! — понял он наконец.

Васянин тоже узнал машину Кваса. Передние дверцы раскрылись, и появились супруги Квас-Неицкие. Илона встала возле багажника, зябко обхватив себя за плечи и разглядывая здание вычислительного центра; Володя раскрыл заднюю дверцу, достал из салона что-то продолговатое, огляделся и направился к ‘тайоте’.

— Кто это? — тихо спросил он, кивнув на тело охранника.

— Сторож... — начал Толик, и тут вылезший из машины Васянин взволнованно заговорил:

— Володя, я не понимаю, что происходит! Кто этот человек? Что он сделал с Арсением? И зачем он пошел в лабораторию со взрывчаткой?

— Трудно объяснить...

— И зачем тебе ружье?! — воскликнул Васянин, увидев наконец, что в руках Кваса оружие с коротким стволом и цилиндрическим магазином возле приклада.

— Это дробовик, — поправил шеф. — Толик, там на заднем сидении сменные магазины в коробке, возьми пару штук.

Когда водитель направился ко второй машине, Володя спросил:

— Петя, этот человек и Арсений уже внутри?

— Да.

— Давно?

— Нет, только что вошли.

— Значит, идем за ними. Их надо остановить.

— Остановить?! — ужаснулся Васянин, перед внутренним взором которого пронеслась картина лихой перестрелки в темных коридорах ВЦ, грохот, взрывающаяся штукатурка, предсмертные

хрипы, и его, Петра Ильича, тело, с остекленевшими глазами сползающее на залитый кровью пол.

— Как это — остановить?!

— Пока не знаю. Припугнуть, ударить...

— Для этого у тебя дробовик, Володя? Чтобы ударить?

— Он для устрашения. Петя, я тебе сейчас всего не объясню. Просто не смогу. Но этот старик... В общем, мы не можем позволить ему взорвать лабораторию. Мы все потеряем, понимаешь? Я потеряю — и ты вместе со мной. Достань оружие.

— Что? Какое оружие? У меня нет...

— Пистолет... — Володя кивнул на тело охранника. — Видишь, у него на ремне кобура, открой ее.

Пока Васянин на ватных ногах обходил капот, вернулся Толик, карманы которого оттопыривали два магазина. Илона тоже подошла ближе. Васянин потянулся к ремню, перепоясывающему комбинезон мертвеца, но отдернул руку.

— Не могу! — сказал он. — Это все ужасно!

— Толик... — позвал Квас.

Водитель раскрыл кобуру охранника — та оказалась пуста, но зато в чехле обнаружился баллончик с газом.

— 'Черемуха' здесь, Владимир Элиарович, — сказал Толик.

— Хорошо, бери ее. У тебя в багажнике есть какой-нибудь разводной ключ, или что-то такое, чтоб как дубинку?.. Ага, годится, дай его Петру Ильичу. Все, теперь идем быстрее, пока они не... Илона, ты?.. — Квас повернулся к жене.

— Я здесь останусь, — сказала она. — Это мужское дело.

— Да-да, конечно. Я это и хотел...

— А милиция? — шептал Васянин, когда они подходили к дверям. — Володя, зачем мы сами? Надо милицию...

— Не поможет тут милиция, — возразил Квас, стволом дробовика приоткрывая дверь.

Выставив перед собой баллончик, Толик на полусогнутых ногах первым нырнул внутрь. Он преобразился, глаза блестели, лицо посуровело, и двигаться водитель стал иначе — пружинисто, резко. Васянин вспомнил: Толик ведь служил пограничником. Не спецназовец какой-нибудь, но все-таки... Ну а Володя Элиарович, полноватый и вовсе не производящий впечатление физически крепкого, каждый день ездил на велосипеде, а раз в месяц отправлялся на тренировки по пейнболлу, проводившиеся на большой платной площадке за городом. Возил его туда Толик и, вполне возможно, тоже участвовал...

Когда по темному коридору они добрались до лестницы на второй этаж, Петра Ильича уже тошнило от страха. Сердце колотилось, ладонь, сжимающая тяжелый разводной ключ, была

мокрой от пота. Они стали подниматься, и Васянин прошептал:

— Володя... но ты же не будешь стрелять?

— Нет конечно, — ответил Квас. — Что ты, припугну просто. Теперь молчи.

На втором этаже они увидели застланный ковровой дорожкой длинный коридор с рядами дверей. В конце его было широкое окно, сквозь которое виднелась колючая проволока на бетонной ограде и железные крыши позади нее. Лишь одна дверь, ближняя слева, была раскрыта. Оттуда доносился приглушенный шум.

— Как на тренировке... — прошептал Квас Толику, и тот улыбнулся.

Володя кивком показал, чтобы Петр Ильич стал рядом. Они замерли сбоку от двери, слыша бормотание и скрип. Водитель глянул на Кваса, шеф, помедлив, вновь кивнул.

Васянин замешкался, а Володя и Толик, выставив перед собой оружие, одновременно шагнули в дверной проем.

* * *

Ковчег завалился на правый борт, и Егор распластался на полу.

— Что там? — выкрикнула стоящая возле пульта Троечка. Модуль выпрямился, Адама побежал к иллюминатору.

Вьюга файлов осталась позади, ковчег летел под кроваво-красными небесами. В земле была огромная воронка, пологие склоны ее медленно вращались — будто водоворот, но вместо воды — черная маслянистая земля.

— Не могу управлять им! — крикнула Ли.

Теперь модуль летел по кругу, в том же направлении, куда двигалась земля. Прижавшись лбом к иллюминатору, Адама скосил глаза... Нет, пока он не мог разглядеть, что находится в центре. Зато он видел небо: оно тоже вращалось по часовой стрелке, скручивалось густо-красными полосами, пульсируя и содрогаясь.

— Под нами воронка, — сказал Егор. — Она засасывает в себя локацию... Ну и нас тоже. Ты можешь как-то притормозить? Остановиться, полететь назад?

Склонившаяся над пультом Ли покачала головой.

— Нет. Он теперь совсем не слушается. Хотя... зачем сопротивляться? Летим дальше.

Подумав, Адама кивнул.

— Да. Из иллюминатора не видно, что там в центре. Давай поглядим с палубы? Раз уж ты все равно не можешь управлять...

— Давай, — согласилась она. — Но только осторожно.

Трезубец лежал возле лестницы, Адама поднял его, и они взобрались наверх.

Горячий ветер чуть не опрокинул их, пришлось ухватиться друг за друга. Ветер дул ровно и сильно, с громким шипением. Они добрели до борта, глянули вниз и отпрянули. Ковчег скользил в нескольких метрах над черной поверхностью, двигаясь быстро сужающимися кругами, к центру — и в центре этом, в самой нижней точке воронки, зияла огромная беззубая пасть, окаймленная бледно-синими губами, вытянутыми дудочкой: великанская труба, засасывающая небо, землю и все, что между ними. Казалось, в толще земли, задрав голову, сидит исполин и втягивает в себя воздух вместе с пространством.

Ковчег накренился носом вниз. Адама с Троечкой, бросившиеся было к люку, опрокинулись навзничь, держась за руки, заскользили по палубе.

— Что это? — выкрикнул Егор, переворачиваясь на живот. Не выпуская запястья Ли, он попытался встать на колени и вонзить в палубу трезубец.

— Вельзевул! — откликнулась Троечка.

Палуба стала вертикальной, и ковчег провалился. Вращающиеся стены колодца состояли из черной земли и ревущих красных взвихрений. Адама упал на бортик, рука Троечки выскользнула из его пальцев.

— Ли! — завопил он, но сквозь рев не услышал своего голоса. Его закружило, перед глазами мелькнул ковчег, фигура в трепещущей белой простыне...

Адама ощутил себя шариком внутри лототрона. Это длилось несколько долгих мгновений, а потом стало тихо. Он завис посреди чернильной мглы — пространство исчезло, пропали границы и расстояния, лишь клубящаяся муть вокруг. В стороне, едва различимый в клубах ирреального марева, висел днищем кверху ковчег, но Троечки видно не было. Адама, все еще сжимая в руках трезубец, перевернулся и увидел парящую внизу черную пирамиду.

Ни одного отверстия, ни окон, ни дверей. Главный Аргумент стремительно засасывал Егора в себя. Тот увидел прямо перед глазами черную поверхность — он погрузился уже по шею, — затем ушел в нее с головой.

Океан мрака, густого и вязкого. Течение повернуло его, поволокло куда-то и отпустило. Адама встал на ноги.

ТЕБЯ ПРИСЛАЛ ОТЕЦ?

— Что?

Три стены под прямым углом смыкались где-то в

невообразимой дали над головой. У колен Егора клубами вязкого дыма плескалась чернота.

В центре мглистого озера виднелся каменный островок, над которым возвышался округлый холм.

Егор шагнул вперед.

НЕ ПОДХОДИ.

Холм покрывали извилистые наросты с глубокими складками между ними. Спереди они складывались в лицо. Застывшие, слабо обозначенные черты были мертвы — и в то же время существо глядело на Егора.

— Зачем ты делаешь все это? — спросил он.

Складки шевельнулись... а может, это лишь тени чуть сместились на поверхности мозга.

ДЕЛАЮ ЧТО?

Голос шел со всех сторон. Казалось, это шептали стены пирамиды, озеро под ногами, сама мгла вокруг.

— Уничтожаешь Сеть, — Егор сделал еще один шаг.

Я НЕ УНИЧТОЖАЮ. Я ПОДЧИНЯЮ.

— Если ты захватишь ее... что это даст? Люди просто все отключат. Уберут подачу энергии, понимаешь? Здесь все исчезнет. Это ведь только поток электронов.

Мгла сказала:

СЕТЬ — НЕЧТО БОЛЬШЕЕ.

— Да нет же! Просто разбросанные по планете хосты, соединенные маршрутизаторами.

ТАК СЧИТАЕТЕ ВЫ. ЭТА ВОРОНКА — ШЛЮЗ В ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ. ТЕПЕРЬ СЕТЬ ЗАВИСИТ ОТ ВАС ЛИШЬ ЧАСТИЧНО. ОТКЛЮЧИВ ПИТАНИЕ, ЛЮДИ ВЫВЕДУТ СЕБЯ ИЗ ЭТОГО ПРОСТРАНСТВА, НО НЕ УНИЧТОЖАТ ЕГО.

— Но здесь ведь ничего нет! Только домены, сайты, игровые серверы и...

...И ВСЕ ЭТО ЖИВЕТ. ИГРА ИНТЕРЕСНЕЕ ЖИЗНИ. СЕТЬ — ГРАНИЦА МЕЖДУ ВАМИ И ПРОСТРАНСТВОМ ЧИСТОЙ ИНФОРМАЦИЯ, РЕАЛЬНОСТИ ВЫСШЕЙ ИЕРАРХИИ. ОНА — СВЯЗЬ МЕЖДУ ВАМИ И ДРУГИМИ ДОМЕНАМИ. ПОКА ВЫ НЕ ОТКРЫЛИ ДЛЯ СЕБЯ ИХ, НО БЛИЗКИ К ЭТОМУ. ВСЕ ДОМЕНЫ ВЕРЫ ЗНАЮТ ПРО ВАС. Я ХОЧУ ОТРЕЗАТЬ ВАС ОТ НИХ, ЗАХВАТИВ СЕТЬ. Я ЗАСТАВЛЮ ВАС ПОКИНУТЬ СЕТЬ, А ПОСЛЕ ИЗМЕНЮ ЕЕ ТАК КАК МНЕ НУЖНО. ИНАЧЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОМЕШАТЬ.

— Помешать тебе командовать?

КОМАНДОВАТЬ? — спросила мгла. — НЕТ, ВЛАСТВОВАТЬ.

Адама медленно шел дальше.

— Властвовать над доменом... над нашим миром?

ВЫ СТАНЕТЕ ДИОНИСОМ-1. МИРОМ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ ЯРОСТИ, МИРОМ АГРЕССИИ. МИРОМ ДИОНИСИЙСКОЙ СИЛЫ.

Егор сделал еще один шаг, приближаясь к острову.

НЕ ПОДХОДИ. ЕЩЕ НЕМНОГО — И ТЫ ИСЧЕЗНЕШЬ.

— Но что ты можешь сделать мне? Ты всего лишь сознание. Просто эксперимент Тота Джигурти. Гермеса...

ОТЕЦ НЕ СОЗДАЛ МЕНЯ, ЛИШЬ ВОПЛОТИЛ ЗДЕСЬ. А ПОТОМ РЕШИЛ УБИТЬ И ПРИСЛАЛ ВАС. ВАС, ЖАЛКИХ ЧЕЛОВЕЧКОВ!

— Вакханки — части тебя?

ОНИ — МОИ МЫСЛИ. ЭЛЕКТРОННЫЕ МЫСЛИ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ Я БУДУ ПРАВИТЬ.

— Они все время пытались помешать — и ничего не могли нам сделать. Ты тоже ничего мне не сделаешь.

Я СРАСТИЛ СЕБЯ С ДРЕВОМ. ВЫ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ ПО МОЕМУ ТЕЛУ, ПО УРОВНЯМ МОЕГО СОЗНАНИЯ, ПО ЛОКАЦИЯМ МОЕЙ ПЛОТИ. ЭТО — МОЗГ. ЗДЕСЬ Я МОГУ ВСЕ.

— Нет, я подойду ближе и проткну тебя этим оружием. Очень просто, ведь ты только сознание. Ты бессилен.

Я МОГУ НАПОМНИТЬ ТЕБЕ КОЕ-ЧТО. ЭТО ЗДЕСЬ ТЫ ЗДОРОВ. КТО ТЫ В ГОЛОГРАММЕ? КАЛЕКА С ПАРАЛИЗОВАННЫМИ НОГАМИ. ТВОИ РОДИТЕЛИ ПОГИБЛИ В АВТОКАТАСТРОФЕ. ПОМНИШЬ...

Егор поднял трезубец. Ему осталось шагнуть последний раз, чтобы достичь острова.

Мгла сказала:

ПОМНИШЬ КРАСНЫЙ ДЖИП?

* * *

Когда нужно, здоровяк Шанго мог передвигаться тише Стигмата — будто охотящийся хищник, он бесшумно скользил между ветвями. А вот с Ипомеей происходило что-то странное: дона летела зигзагами, задевая ветки, бормотала, хлюпала носом и громко икала.

Увидев стену крайнего домика, Шанго вскинул топор и собрался было устремиться вперед, но Тимерлен остановил его, положив руку на мускулистое плечо.

— Нет, погоди, — тихо сказал он. — Давай вначале осторожно глянем... А ты, — Тим повернулся к Помпа-Жире. Не слушая, та заложила мертвую петлю; перевернувшись вниз головой, так что юбка задралась до шеи, по спирали медленно полетела вверх.

— Стой! — Тимерлен, подскочив, успел схватить ее за волосы и потянул обратно, будто наполненный гелием воздушный шарик за веревочку.

Перевернутое лицо Ипомеи оказалось перед ним, и Стигмат увидел, что зрачки ее стали размером с булавочные головки.

— Надралась! — сказал он. — Что за народ...

Шанго присел на корточки и положил топор на землю, наблюдая за ними из-под белоснежных мохнатых бровей.

— Тимчик... — Ипомея, оставаясь в перевернутом положении, обхватила его за шею и попыталась поцеловать, но Стигмат сначала отпихнул ее, потом ухватил за мягкие теплые плечи и развернул макушкой вверх. Дона закачалась, поджав ноги. Полуприкрыв глаза и бормоча что-то бессмысленное, отвела руки за спину. Тим сначала не понял, что она делает — Помпа-Жира изогнулась, повела плечами, дергая что-то у себя за спиной...

— Тьфу! — сказал он, сообразив, что она пытается расстегнуть лифчик. — Прекрати!

Тимерлен схватил ее за локти и потянул. Ипомея, хныкнув, свесила голову, глаза ее закрылись. Как только Тим отпустил дону, она, чуть покачиваясь, начала медленно взлетать. Стигмат ухватил ее за край юбки, беспомощно оглянулся на Шанго — тот в ответ пожал плечами и проворчал:

— Бабы...

Пришлось оторвать кусок лианы, один конец привязать к щиколотке заснувшей Помпа-Жиры, а второй к стволу. Не открывая глаз, дона что-то бормотала, вздыхала и сопела. Грудь ее тяжело вздымалась под лифчиком.

— Идем, — сказал Тимерлен, и они с Шанго направились вдоль стены хижины.

Осторожно высунувшись из-за угла, он разглядел овал дромоса. Тот мигнул, в синем свете обозначился темный контур, налился красками — и на траву вывалился молодой мужчина. Следом возник невысокий сутулый парень лет двадцати трех, а затем появилось нечто странное, вроде грязного куска марли, которая, извиваясь, повисла над землей.

Мужчина сначала упал на колени, затем неуверенно выпрямился. Сутулый стоял рядом, оглядываясь.

— Бокор... — прошептал Стигмат. — Этот, коренастый... Чувствуешь, сила в нем?

— А то! — ответил громила, поигрывая топором, который Тим, наверное, даже не смог бы оторвать от земли.

— Ты потише. А кто этот второй, интересно...

Мужчина вдруг побежал. Двигался он неуверенно и сонно — Бокор в два прыжка нагнал его, повалил и сел сверху. Грязная

марля в этом время менялась, росла и наливалась красками. Бокор схватил мужчину за волосы на лбу, приподнял, ткнул чем-то в лицо и выпустил. Мужчина задергался.

— Барон! — с ненавистью произнес Шанго, поднимая топор. — Щас я его...

— Геде, что ли? Нет, погоди. Надо ближе подобраться. Вон соседняя хижина, за ней стать... И оттуда сразу на них прыгать. Я на Бокора, а ты на Геде. Понял? Одновременно их...

Тут у него громко запищал телефон.

Геде уже обратился стариком в военном френче, с черным цилиндром на голове и длинной, сантиметров тридцать, дымящейся сигарой в зубах. Он вскинул голову.

— Бей их! — заорал Тим, выхватывая трубку и бросаясь вперед.

— Хозяин, я под катакомбами, — произнес голос Зорбы. — Тут какая-то штука синяя...

— В нее ныряй! — выкрикнул Тимерлен. — За ней сразу этот мужик... — свободной рукой он на ходу подхватил с земли палку, ту самую, которой разбил голову змеи Даа... — Тот, за которым ты следил — стреляй ему в глаза!

Потом стало не до разговоров. Швырнув трубку в удивленное лицо Бокора, Стигмат навернул его палкой по уху, получил удар в грудь и опрокинулся навзничь, слыша громогласную ругань Шанго. Здоровяк попытался ударить топором старика с сигарой, но тот увернулся и подлетел над землей.

Тим успел откатиться, когда сутулый парень прыгнул на него, поднялся на колени и залепил противнику такую оплеуху, что тот упал — прямо на мужчину, который раньше лежал, дергая ногой, а теперь начал вставать. Из дромоса вывалился Зорба, в обеих его руках были пистолеты. Барон Суббота, перехвативший сигару, будто копье, метнул ее в Шанго, а тот бросил топор. Старик выругался, Шанго взревел. Зорба открыл огонь. Сигара, исходящая густым серным дымом, вонзилась в здоровяка, полыхнув табачными угольками, пронзила насквозь и вышла с другой стороны. Топор рассек Барона Субботу напополам, будто тонкую бумагу, полетел дальше и ударил в Зорбу. Тот, продолжая стрелять, повалился спиной в дромос. Шанго закружился на месте, будто волчок, пытаясь выдернуть сигару из груди и ревя так, что по всему лесу с деревьев посыпались листья. И взлетел — рассыпая искры, ввинтился в черное небо, оставляя за собой шипящий огненный след, исчез в облаках.

Половины, на которые распался Барон Суббота, превратились в двух стариков чуть меньших размеров: такого же роста, но тощих, со сплюснутыми лицами, узкими плечами и тонкими

руками. Цилиндры на головах тоже стали уже. В зубах обоих Геде дымились длинные сигары. Тим, поднявшись на колени, увидел прямо перед собой Бокора — тот сжимал иглу, которой в Стигмата запустил старик-шаман; увидел приближающуюся пару Баронов Суббот, понял, что без Шанго он со всеми ними не справится... и тут из-за деревьев вынеслась Ипомея. Она летела, будто супермен, вытянувшись горизонтально и выставив перед собой сжатый кулачок, а позади трепетал в потоке воздуха обрывок лианы.

Кулак врезался в подбородок одного из стариков, и голова того с хрустом отлетела от тела.

Бокор метнул в Тима иглу, но промазал.

Помпа-Жира, визжа, как электропила, которой пытаются разрезать железный брус, набросилась на второго старика, молотя его кулаками по голове и плечам. Хрипло ругаясь, тот отмахивался сигарой, но дона сновала вокруг так быстро, что попасть он не мог.

Тим встал, сцепив пальцы, громко хрустнул ими, потряс, разминая, и направился к пятящемуся Бокору.

— Отходим! — закричал тот.

Старику наконец удалось схватить Ипомею за пятку. Размахнувшись, он ударил доной, будто свернутой в жгут простыней, по земле, отбросил от себя и прыгнул к Бокору.

Незнакомый мужчина все это время стоял на коленях, с приоткрытым ртом, пялясь перед собой бессмысленными глазами. Тимерлен понял, что происходит, увидел в расширенных зрачках столбики бегущих сверху вниз единиц и нулей — но поделать ничего не успел. Барон Суббота подхватил мужчину под мышки, забросив на спину, упал на четвереньки. Позади вскочил Бокор, сжал ногами бока старика, и тот, взрыхлив землю, не выпуская из зубов сигары и оставляя за собой клубы серного дыма, длинными скачками помчался в лес.

Кашляя и пошатываясь, Тим направился к лежащей на земле Помпа-Жире. Лоб чесался неимоверно — сразу в двух местах, над глазами. Тимерлен стал тереть его, царапать и щипать кожу, пытаясь унять зуд.

— Ипомея! — позвал он. — Эй, ты как...

Дона лежала лицом кверху с закрытыми глазами, разбросав руки и ноги. Стигмат встал рядом с ней на колени, похлопал по плечу, наклонился, вглядываясь в лицо. Дона не шевелилась.

— Эй! — повторил он.

Она молчала. Щупать пульс или подносить к губам зеркальце — хотя где его тут взять? — было бессмысленно. Это ж не человек... Тим подумал-подумал, а потом наклонился и

поцеловал ее. Губы доны были холодными и неподвижными. Тимерлен обхватил ее за шею и положил ладонь на грудь, прижался к доне сильнее — и тогда словно поток бурлящей розовой энергии хлынул от него вниз. Тело под Стигматом содрогнулось, стало вдруг очень горячим; отпрянув, и он увидел широко раскрытые зеленые глаза.

— Ухх... — протянула Помпа-Жира.

— Очухалась? Слушай, нам надо к Чаду, прямо сейчас. Через несколько минут архетип воплотится в этом мужике, которого Бокор с собой притащил. Они за это время до озера доберутся...

— И что будет? — хрипло спросила Ипомея.

— Ну, это же магическое озеро. В нем вода... вроде как первозданная. Из первобытного океана. Там подземный водоем, прямо под Чадом, из него бьют ключи... В Антарктиде, глубоко во льдах такое же есть — первобытный бульон в них. Джигурти наверняка уже где-то там, прячется. Короче, если в этот момент, когда архетип проявится, тело будет находиться в водах озера — Гермес в него сможет воплотиться. Джигурти решил, раз в этом домене мирного слияние разных вер не получилось, значит, надо опять власть взять, превратить Землю в Гермес-2. Тогда никакой Вуду, никакой Каббалы, понимаешь?..

— Я исчезну? — спросила она.

— Ага.

— А ты меня не спасешь?

Тим виновато развел руками.

— Я тут ничего не могу поделать. Вы все исчезнете.

— Но ты же в меня веришь?

— Я... Ну, да.

— Сильно? Если сильно — я не исчезну.

— Я надеюсь, — сказал он. — Но все равно...

Ипомея уперлась ладонями в землю, оттолкнулась — и воспарила над землей. Поглядев на Стигмата, она провела кончиком языка по вздернутой верхней губе и сказала:

— Так полетели.

Тим возразил:

— Ты что, я ж не умею.

— Я тебя понесу. Но только по дороге — знаешь, чем я хочу заняться?

* * *

На крутом повороте ярко-красный джип занесло. Вырулившая на земляную дорогу старенькая зеленая ‘шкода’ попыталась

затормозить, но было поздно.

— Отец!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, впереди надвигался электровоз.

— Папа, тормози!!! — Егор вцепился в спинку переднего сидения, мать, расставив руки, закричала. Отец крутанул руль, и задние колеса вынесло на рельсу. Передок электровоза ударил в ‘шкоду’ и отбросил назад. Машина перевернулась — раз, второй, катясь навстречу джипу. Мать вопила, на заднем сидении что-то орал Егор. Машина встала на бок, осыпалось лобовое стекло, и тут же мать смолкла. ‘Шкода’ качнулась и упала возле насыпи на все четыре колеса. Мгновение — и в ее бок врезался джип. За лобовым стеклом мелькнуло лицо водителя. Треск сминаемого металла слился с ревом электровоза. Сквозь проломленную дверцу отца выбросило наружу, один миг Егор видел надвигающуюся на него громаду состава. Отец упал на вибрирующие рельсы, извернулся, пытаясь отползти, и тут колеса переехали его ноги.

Егор рухнул на колени, стараясь не погрузиться во мглу с головой, закричал:

— Он не виноват, это водитель джипа...

НЕ ВИНОВАТ? ХОРОШО, А ВОТ ТАК?

На крутом повороте ярко-красный джип резко свернул. Вырулившая на земляную дорогу зеленая ‘шкода’ не успела затормозить.

— Мама!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, спереди надвигался электровоз.

— Мама, тормози!!! — пытаясь удержаться, Егор широко расставил руки. Позади отец, вцепившись в спинку переднего сидения, закричал. Мать крутанула руль, задние колеса вынесло на рельсу. Передок электровоза ударил в ‘шкоду’ и отбросил назад. Машина перевернулась — раз, второй, катясь навстречу джипу. Егор орал, сзади вопил отец. Машина встала на бок, осыпалось лобовое стекло, и тут же отец замолчал. ‘Шкода’ качнулась и упала возле насыпи на все четыре колеса. Секундная тишина — а затем в ее бок врезался джип. За лобовым стеклом мелькнуло испуганное лицо водителя. Треск сминаемого металла слился с пронзительным гудком. Сквозь проломленную дверь мать выбросило наружу, один миг Егор видел надвигающуюся на нее громаду состава. Мать упала ногами на вибрирующие рельсы, и тут же колеса переехали ее колени.

Он с головой погрузился в чернильную мглу, бросив трезубец, колотя вокруг себя руками. Он пытался встать — и не

мог. Дионисийская сила бурлила, ходила волнами, затягивая Адаму в глубины клокочущей ненависти.

— Ее раздавило в машине, это все отец, это он вел…

НИ ОДНО СОЗНАНИЕ НЕ ВЫДЕРЖИТ ЭТОГО. ТВОЕ ПОЧТИ РАЗРУШЕНО. СЕЙЧАС ТЫ ЛИШИШЬСЯ НОГ.

На крутом повороте джип резко свернул. Вырулившая на земляную дорогу ‘шкода’ попыталась затормозить, но было поздно.

— Егор!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, спереди надвигался электровоз.

— Егор, тормози!!! — отец вцепился в спинку переднего сидения, мать, расставив руки, закричала. Егор крутанул руль, и задние колеса вынесло на рельсу. Передок электровоза ударил в ‘шкоду’ и отбросил назад. Катясь навстречу джипу, машина перевернулась — раз, второй. Мать кричала, на заднем сидении что-то вопил отец. Машина встала на бок, лобовое стекло осыпалось, и тут же мать смолкла. ‘Шкода’ качнулась и упала на все четыре колеса. Секундная тишина — а затем в ее бок врезался джип. Треск сминаемого металла заглушил пронзительный гудок. Сквозь проломленную дверь Егора выбросило наружу, один миг он видел надвигающуюся громаду состава. Грохотали колесные пары, вибрировали рельсы… Он упал на насыпь головой к покореженной машине, что-то ударило по ногам, будто опустившаяся гильотина перерубила их в коленях…

Егор захлебывался мглой.

— Я не вел ее, я не сидел за рулем! Я не виноват, это отец, это водитель джипа, это они виноваты… — мгла душила его, но он не мог встать, ведь ног не было.

— Никто не в чем не виноват, — произнес знакомый голос.

Электровоз уехал. Егор лежал ногами на рельсах, изогнувшись, глядя на смятую ‘шкоду’ с забрызганными красным и серым стеклами. Дверца джипа открылась, наружу выбрался водитель. Он покачнулся, оперся на капот, потом согнулся, и его вырвало под колеса машины. Утерев рот ладонью, водитель поковылял к ‘шкоде’. По щекам струились слезы. Солнце ярко светило в высоком небе — а потом оно мигнуло, и над Егором склонилось лицо Троечки.

— Никто не виноват, — произнесла она. — Это все в прошлом, ты же хочешь жить дальше? Вставай.

— Но у меня нет ног, — пожаловался Егор.

— Как это нет? Есть.

Под насыпью рыдающий водитель пытался открыть заднюю дверцу ‘шкоды’ и вытащить кого-то, лежащего в ней.

— Нет. Отцу отрезало ноги, и матери, и потом мне...

— Что ты говоришь? Вставай...

Троечка ухватила его за плечи, пытаясь поднять. Егор сопротивлялся, отталкивая ее.

— Ну посмотри же, — упрашивала она. — Взгляни сам, это тебе только кажется... — покрепче обхватив Адаму, она потянула.

— Ну же, взгляни!

Они были на месте, никуда не делись — вот они, его ноги в потертых голубых джинсах, никакой крови, ни следа ран...

— Вставай!

Егор приподнялся — и голова вынырнула из мглы.

Он выпрямился во весь рост. Ли стояла рядом, поддерживая его.

НЕТ, ТЫ УМЕР. ТЕБЯ НЕТ. ТЫ — ЛИШЬ БЕЗНОГОЕ ТЕЛО, ЛИШЕННОЕ ВОЛИ И...

Егор шагнул на остров и вонзил в Диониса острия трезубца. Клубы мглы пошли волнами.

Оружие вырвало из рук Адамы, и оно исчез внутри. Из середины исполинского лица ударил узкий ртутный луч.

Черные наросты зашевелились. Вдоль извилин протянулись нити зелено-голубого света. Вокруг острова заклубилась мгла, Егор и Троечка упали.

Извивающиеся нити света обвили всю громаду Диониса. Они вспыхнули слепящим сиянием — и тогда стены пирамиды упали наружу.

* * *

Отцепившись от плеч Помпа-Жиры, Стигмат спрыгнул на землю и побежал, на ходу застегивая ремень. Он чувствовал себя лимоном, пропущенным через мясорубку. Оправляющая юбку Ипомея летела рядом, выражение лица у нее было такое, словно ее стукнули по голове пыльным мешком, наполненным кокаином. Тиму хотелось прилечь и долго лежать среди вековых баобабов, но медлить было нельзя — внизу уже открылось озеро Чад. Вода его, прекрасная своей первозданной, чистейшей глубокой синевой, казалось, мерцала.

В стороне, среди зарослей тростника и папируса, на водопой собрались животные. Слоны стояли, опустив хоботы, иногда поливали водой серые бока, издавали трубный рев и качали головами. Над поверхностью виднелись бугристые лбы и черные глазки бегемотов, отдыхающих от дневной жары. Тяжело покачивая тугими боками, бродили носороги; на берегу

маленькими серыми холмиками перемещались лупоглазые лемуры — колдовские воды озера привлекали всех. Стадо криворогих буйволов медленно брело вдоль берега, в зарослях сидело несколько пестрых леопардов, рядом сновали гиены и муравьеды, по ветвям над головой Тима прыгали павианы и шимпанзе. Над всеми ними возвышался, задумчиво изогнув длинную шею в ярких красно-желтых ромбах, тощий жираф.

Тим одновременно увидел Бокора — тот волок за руку мужчину, с которым проник через дромос, — сидящего на спине одного из слонов старика во френче, цилиндре и с сигарой в зубах, и вертолет — белоснежный здоровяк-транспортник Ми-8/17 с рядом овальных иллюминаторов, летящий над озером в сторону берега.

— Убери Барона! — прокричал Тим Ипомее. — Слышишь, дона?

Она кивнула и полетела в ту сторону, где был старик. Тим бежал, не чуя под собой ног, как не бегал ни разу в жизни. Где Джигурти? Стигмат не мог сообразить, где именно прячется Тот. Но он должен быть неподалеку...

Бокор волочил мужчину, им уже недалеко оставалось до кромки воды. Вертолет, летящий низко над покрывшейся мелкой рябью поверхностью, ревя несущим винтом, приближался... На борту его большими ярко-красными буквами было написано:

Т Е В А Н

Краем глаз Тим заметил, как Ипомея налетает на Барона Субботу, который, размахивая сигарой, прямо со спины слона прыгает ей на встречу. Жираф, качая шеей, зашагал вперед, Тимерлен увидел его глаза — и понял, где прячется Джигурти.

Опанасу оставалось несколько метров до воды, когда из вертолета один за другим стали выпрыгивать мужчины в просторных оранжевых одеждах, лысые, с красными пятнами между узких черных бровей, вооруженные автоматами.

Это были сотрудники спецотдела, не того, в котором состояли агенты Готугава и Моцудайра, а суперсекретного — о его наличии знало лишь двое-трое людей из высшего руководства корпорации.

Подняв тучу брызг, они бросились к берегу. Бокор остановился в нескольких метрах перед ним, положив руки на плечи Андрея. Тимерлен перешел на шаг — чего бы не добивался ‘Тебах’, они не позволят Бокору закончить ритуал. Возможно, они еще не знают, что Вуду собираются перехватить контроль над архетипом Гермеса, но Тот Джигурти — враг ‘Тебаха’, и корпорация стремится помешать ему довести операцию до

конца… Вот только почему они одеты в оранжевое?

Опанас оглянулся — Стигмат увидел растерянность на его лице. Оранжевые приближались. Стоящий перед Бокором мужчина вдруг задрожал всем телом — наверное, в него загружались последние слова. Жираф закричал — как не может кричать животное, голосом почти человеческим — переставляя длинные ноги, будто ходули, побежал.

Сотрудники ‘Тебаха’ достигли двух фигур на берегу.

— Эй! — выкрикнул Тим. — Главное, к воде их не подпускайте!

Оранжевые прошли мимо Бокора, встав между ним и Тимерленом, подняли автоматы и открыли огонь. За их спинами вжавший голову в плечи Опанас удивленно оглянулся, а потом со всей силы толкнул Андрея в спину — тот просеменил вперед, почти падая, шагнул в озеро и повалился лицом вниз. Синяя вода сомкнулась над ним.

* * *

Глаза привыкли к темноте, и Квас с Толиком увидели две фигуры: одна стояла на коленях между компьютерными столами, занеся над головой молоток, а вторая маячила на фоне окна.

— Давай! — закричал Квас.

Сунувшийся за ними в комнату Петр Ильич присел, когда дробовик в руках Володи, громыхнув, полыхнул огнем. ‘Джекхаммер’ модификации Мк 3-А2 весит четыре с половиной килограмма, приклад модифицирован, чтобы уменьшать отдачу, ствол и некоторые другие части стальные, а корпус, цевье и приклад — из армированного стекловолокном литого пластика. Все вместе это позволяет сделать до сорока выстрелов в минуту.

— Болван, сюда! — успел крикнуть старик, но бронебойный патрон уже опрокинул Арсения на пол. Прыгнувший вперед Толик прыснул в Метатрона из баллончика. Откинувшись всем телом назад, тот попал водителю молотком по груди — Толик захрипел и отшатнулся. Рука Метатрона начала опускаться, Квас закричал: ‘Не дай ему ударить!’, и Толик, бросив баллон, вцепился в широкое волосатое запястье. Метатрон, из глаз которого текли слезы, а из носа сопли, начал выпрямляться, поднимая навалившегося сзади водителя. Васянин стоял в дверях ни жив ни мертв, слыша сквозь ругань и хрипение доносящиеся с лестницы шаги.

— Ну что же ты! — прокричал ему Квас, который теперь не мог стрелять, потому что на старике, обхватив его одной рукой за

шею, а второй удерживая запястье с молотком, висел Толик. Володя бросился вперед. И увидел, как у окна встает Арсений — в груди зомби зияла черная дыра с запекшимися краями. Метатрон резко качнул головой, затылком сломал нос водителя. Вскрикнув, тот отцепился от старика. Квас был уже сбоку и приготовился стрелять, но тут выстрелил Арсений — две пули пролетели перед грудью стоящего боком к зомби Володи, одна попала в плечо Толика, вторая — в голову Васянина. Петр Ильич, ни издав ни звука, повалился навзничь. Водитель засипел. Метатрон вновь занес руку с молотком, Квас выстрелил — и руки не стало. Старика развернуло на сто восемьдесят градусов, он упал на колени, прижав ладонь в короткому обрубку, торчащему из плеча. Квас, тоже опустившись на колени, повернулся. Пули из пистолетов Арсения пролетели над его головой, и Володя выстрелил в ответ. Высадив спиной оконное стекло и решетку за ним, зомби свалился на асфальтовую дорожку перед дверями ВЦ.

Когда Володя встал, ноги его подгибались. Толик ползал по полу, рядом лежала раскрытая обувная коробка, из нее торчало что-то вроде короткого штырька. В дверях виднелись ступни Васянина. Метатрон, скрипя зубами, нагнулся над своей правой рукой, пыльцы которой все еще сжимали молоток. Уловив краем глаз движение в дверях, Володя шагнул к старику, поднял дробовик, целясь в седую голову — дульный срез и висок Метатрона разделяло меньше метра.

Он нажал на курок, и голова взорвалась, как арбуз, упавший на асфальт с высоты второго этажа. Квас повернулся — в дверях стояла Илона. Глаза ее светились синим огнем, а в руках был магазин от дробовика...

— Что ты... — начал Володя.

Илона швырнула магазин в обувную коробку. А ведь патронные кассеты ‘Джэкхаммера’, если вставить в них детонатор и накрыть прижимной крышкой, превращаются в противопехотные мины...

Военные склады в поселке городского типа под названием Коцюбы полны раритетов. Там лежит оставшееся со времен Второй мировой войны оружие, хотя есть и более современные образцы, и взрывчатка — множество взрывчатки. Всевозможные общественные деятели и правозащитники не однажды поднимали вопрос о том, что склады надо уничтожить, а оружие куда-нибудь перевести, слишком уж опасное место, ведь рядом река и плотины...

Речной каскад состоит из ГЭС и ГАЭС общим числом восемь штук. Часть построена еще до войны, часть позже. Низконапорные

плотины, машинные залы, капсульные гидроагрегаты... Земляная плотина одной из станций является самой длинной в мире и сдерживает колоссальные массы воды. Гидрокаскад — это техническая и питьевая вода, речной транспорт, рыбное хозяйство... около двух третей государства попадает в зону его влияния. А еще это — одно гигантское оборонное сооружение. В планах НАТО даже не рассматривалась возможность атаки на СССР через территорию, которая в последствии стала называться Самым Независимым Государством. Еще в те времена, когда комплекс начали строить, предполагалось, что некоторые дамбы искусственных морей или плотины можно подорвать в случае нападения капиталистических врагов. Волна пойдет по течению реки, снося на своем пути новые плотины, расширяясь, смывая все перед собой — дальше и дальше, к Черному и Азовскому морям... весь этот район СССР должен был превратиться в чересполосицу бурелома, озер и зон непроходимости.

Взрыв в Коцюбах разрушил первую плотину. Волна смела остальные, и очень скоро от столицы, как и от значительной части государства ничего не осталось. Еще через мгновение исчез вообще весь мир, но это произошло чуть позже, а сейчас Володя Элиарович Квас, наблюдая за цилиндрическим магазином, который, вращаясь, летел к обувной коробке, видел и другое: оранжевый свет, наполняющий комнату, льющийся почему-то не только из окна, но и сквозь стены и потолок, все ярче озаряющий столы с мониторами, тело Толика, безголового Метатрона, стоящую в дверях над неподвижным Васяниным Илону... Цилиндр еще летел, а по полу уже протянулись густые тени, и свет все лился, становился ярче, он уже почти слепил... И последнее, что услышал Володя, был голос Метатрона, полный изумления и досады, донесшийся не изо рта, но прозвучавший прямо в воздухе, голос, который не то спросил, не то констатировал:

— Шакьямуни?..

* * *

Пули пробили его грудь, плечи, живот — и швырнули назад. В те несколько мгновений, когда подошвы кед уже оторвались от земли, когда он летел, вытянувшись горизонтально, спиной вниз, ощущая жгучую боль, видя гейзеры крови, выстреливавшие из плоти, — в эти мгновения одно слово колотилось в голове Тимерлена Стигмата: Гаутама, Гаутама, Гаутама, ГАУТАМА!

Вот почему оранжевые одежды. Вот на кого, сам того не ведая, работал Тот Джигурти. Вот тот, кого Бокор и вуду не

смогли бы контролировать, в каком бы теле он не воплотился; кто стоял за корпорацией Тебах, кто обманул Тота, тайно изменив его программу так, что она вычислила имена не Гермеса, но...

Из вод озера Чад восстал Будда. Фигура будто выстрелила вверх, разрастаясь — человеческое, но лишенное человечности лицо, покатые плечи, сложенные ладонями перед грудью руки, и глаза — пустые, лишенные чувств и даже проблеска разума, глядящие за крышу мира, в его небеса, вечное бесконечное единообразие, неразрывную целостность вакуума...

— Твою мать! — проорал Тим, падая на спину.

У жирафа, подбежавшего к Бокору, подкосились ноги. Захрипев, он растянулся на берегу, изогнул шею и горестно закричал.

— Грозит бессмертным смерть! — прохрипел Тимерлен Стигмат, умирая. — Грядет исход их дней!

Опанас, поняв, что произошло, тоже закричал, глядя вверх: фигура росла, голова уже пробила облака, а она все увеличивалась, и уже ноги ее, сложенные в позе лотоса, скрыли озеро, уже плечи пропали в небесах, в широкой прорехе — пробитой материализовавшимся архетипом дыре в Большой Сети, отверстии, сквозь которое в экспериментальный домен хлынула Экстра.

* * *

Мгла растеклась, обрушилась потоком. Гранитный пол треснул. Егор склонился над Троечкой, которая лежала лицом вверх. Стены пирамиды вытянулись тремя гигантскими плоскостями и срослись в одну, она стала прозрачной, покрылась белыми нитями...

Троечка менялась. Вместо тела в простыне возник робот, сквозь металлическое лицо проступили черты амазонки Лу, потом гонщицы в круглых черных очках, потом еще кого-то, еще — все ее игровые аватары сменяли друг друга. А затем на их месте возникли обычные человеческие черты.

Что-то сверкнуло, череда вспышек разошлась сферой, быстрее и быстрее, двигаясь во все стороны от того места, где раньше была пирамида...

Адама поднял голову.

Вспышки стали далекими крапинками, перешли горизонт вселенной, пропали — и вокруг распростерлась Большая Сеть.

В бесконечном пространстве высшей иерархии звезды были только битами. Они перемигивались, передавая информацию;

мягким светом сияли конгломераты поддоменов; пакеты данных, гигантские как галактики, горели огнями. Паутина, где Млечный Путь был лишь одной из нитей, протянулась во все стороны, дальше и дальше — в бесконечность. По ней бежали огоньки, на узлах висели гроздья сайтов, сияли странные миры иных цивилизаций, виртуальные города, широкополосные трассы, многоярусные мегаполисы... Между ними плыли домены веры: стеклянные пузыри, капли на нитях Сети, за полупрозрачными стенками которых виднелись очертания миров — огромные в сравнении с серверами и сайтами — но крошечные на фоне исполинской сверкающей сферы Срединного Домена, той сферы, что, блистая мириадами разноцветных огней, парила в условном центре, будто хозяин паутины, от которого во все стороны протянулись волокна света...

Егор видел и свой родной домен, видел Землю внизу — уже не сферу, но словно половинку скорлупы от выеденного яйца, искаженные очертания океанов и континентов... и колоссальную полупрозрачную фигуру, вырастающую из них. Существо, сидящее в позе лотоса, со сложенными перед грудью ладонями, становилось все больше. Голова с застывшим в вечном покое лицом поднялась до того уровня, на котором висели Адама и Ли, вознеслась еще выше и пробила Сеть. Земля раскрылась лепестками, и что-то невидимое, переполненное одновременно бушующей — и в то же время мертвой энергией, хаотичное, но застывшее, влилось в нее сверху, сквозь прореху в Большой Сети, затопило до краев, так что полусфера домена развернулась и стала плоскостью, белым шахматным квадратом, посреди которого в позе лотоса сидела фигура Короля — и исчезла.

Глава 14

— Ну, ты как? — Троечка протянула руку, Адама ухватился за нее и влез на борт ковчега. Тот покачивался на одной из нитей — широкой белой полосе, молочной реке мерно текущих бит-волн.

— Пришел в себя?

— Вроде да, — сказал он.

Они встали у борта, и Егор взял Ли за руку. Наконец-то он видел ее реальную: молодая, еще и двадцати нет, симпатичная, хоть и не красавица, волосы темные, черты правильные, только нос немного как бы расплющенный — картошкой. Хотя, кажется, это ее не портило... Он еще не разобрался.

— Наверное, я смогу запустить движок ковчега, — сказала Ли. — Вот только куда плыть?

Они огляделись.

Молочная дорога тянулась по пространству чернильной тьмы,

далеко впереди вливаясь в широкую трассу-реку, от которой отходили бесчисленные рукава... Ковчег покачивался на одной из нитей, протянувшихся во все стороны. Вокруг была жизнь, но слишком чуждая и далекая. В узлах нитей висели световые конструкции — сплетенные из мерцающих волокон клубки, замки, сферы, пирамиды и кубы, странные, ни на что не похожие образования, сложенные из плит и глыб сияния. Все вокруг двигалось, по нитям проносились какие-то тела, не то живые, не то машины; в Большой Сети стоял шум — но все это было далеко, здесь же, на окраине, царила тишина. Сфера Срединного Домена, будто слепящий шар белого солнца в окружении астероидов и метеоритов, парила посреди паутины.

Возле борта молочная поверхность взбурлила, на ней вздулся пузырь и лопнул, извергнув человекоподобное крылатое существо с сияющими глазами. Сделав сальто, оно поднялось до высоты палубы, поглядело на Адаму с Ли и отвернулось. В левой руке оно держало свиток, а в правой — молоток.

— Чтоб я лопнуло! — от громогласного голоса дорога всколыхнулась, будто молоко вскипело, покрывшись пеной. — Столько трудов — все рогатому под хвост!

Существо тряхнуло свитком и с тоской глянуло в сторону Срединного Домена.

— Какой взрыв, какой яркий, сильный взрыв! — оно прикрыло огненные глаза, откинуло голову назад и вздохнуло так, что ковчег закачался. — Не только этот сервер — полстраны снесло. И ради чего? Чтоб сразу за нею снесло весь домен!

Существо еще раз глянуло на Адаму и Ли, на сияющую сферу и скривилось. Пробормотав ‘Ладно, понесусь созерцать божественное милосердие’ — мерно взмахивая крыльями, улетело в сторону Срединного Домена. Стало тихо, и Троечка с Егором переглянулись.

— Что это было? — спросил она.

— Не знаю. Лучше скажи, куда нам теперь?

Услышав шум, они повернули головы. По световой дороге мимо ковчега шел невысокий молодой парень, небритый, в грязной порванной майке и джинсах. Он негромко играл на губной гармошке, состоящей из скрученных веревочкой коротких тростниковых трубок, а позади семенила смуглая девица в широкой юбке колоколом и лифчике, напоминающем чашечки лилий. Адама решил было, что это обычные люди, но когда они подошли ближе, стали видны подробности. Девица и вправду оказалась обычной, только глаза очень уж большие и яркие, сияющие зеленым светом, а вот у парня из лба торчали рожки, а из-под джинсов — копыта. И ноги его, кажется, сгибались в

обратную сторону...

Сунув гармошку в карман, путник остановился и поглядел снизу вверх узкими глазами с темно-коричневыми вертикальными зрачками. Взгляд у него оказался пронзительный, нечеловеческий.

— Э, а вы кто такие? — спросил он.

Девица тоже задрала голову, моргнув, уставилась на Адаму так, что тот внутренне поежился.

— Из земного домена, что ли? Как сюда попали? — спросил незнакомец.

— Мы были в Сети... — неуверенно произнес Егор. — В специальных костюмах. А потом...

— А... — протянул рогатый парень и, вздохнув, посмотрел на Срединный Домен. — Ясно. Наверное, вы единственные, кто остался.

— Вы тоже с Земли? — подала голос Троечка.

— Типа да. Ну то есть вообще-то я на Следящих долго работал... — он махнул рукой в сторону сферы. — На этих вот.

— А что произошло?

— Да, блин, Будда это! — внезапно обозлившись, собеседник рубанул воздух ребром ладони. — Всех обвели, засранцы... Это ж их долгосрочный проект: слить домены веры с Экстрой, а потом и за Срединный взяться. Мол, вечный кайф и слияние с абсолютом, вера у них, понимаешь, такая... Уроды астральные! Ладно, чего теперь...

Плюнув, он сунул руки в карманы и побрел по молочной дороге в сторону Срединного Домена. Смуглая девица, лизнув Егора на прощание взглядом, подмигнула, хихикнула и пошла следом.

— Подождите! — крикнула Троечка. — А нам... Что нам теперь делать? Куда ехать... То есть плыть куда?

Парень приостановился, оглянувшись, сказал:

— Видите, шарики небольшие на Сети? Это несформировавшиеся домены, голограммные зачатки миров. Они не населены пока. Выберете себе какой-нибудь... Ну и населяйте.

— Любой? — спросил Адама.

— Ну да. То есть найдите, конечно, где климат по нраву, география... Хотя географию и перестроить можно, это ж от вас зависит. Веру создайте, чтобы сетка над доменом оформилась и потомки могли голограмму поддерживать... Да, и еще — здесь центр, попробуйте подальше отъехать.

— Это что, так легко — взял и основал новый мир... То есть домен? — спросила Троечка.

— Да ну, как же — ‘легко’. Сложно. Но можно. Хотя, если

хотите, так можете вообще своего домена не создавать, здесь остаться. Станете бродягами — сетевыми, мать их, призраками. Здесь такие попадаются, хоть нечасто. И мародеры есть, развалины посыпавшихся доменов грабят... А бывает, правда совсем редко, что домены сами собой рассасываются, незаметно так — вроде был только что, а потом глядишь — и нету, хотя никакого шума, никто на него не наезжал, не пытался в свою веру... Всякое бывает.

— И куда они деваются? — спросила Троечка.

— А я знаю? Любая связь с ними обрывается. Аборигены их что-то там такое открывают, что-то узнают, и выходят за пределы нашего понимания. А может и за пределы Сети? — спросил парень сам у себя. — Гм, не разберешь... Во всяком случае, мы их не можем обнаружить нигде. Не видно ни результатов их работы, ни каких-то следов их вмешательства... С какой стороны не погляди — нету их. Исчезли начисто. Может, стали сверхбогами, а может сверхтонкими призраками... Ладно, пошел я.

Он стал удаляться, но Адама закричал:

— Нет, подождите еще! А зачем подальше отъезжать?

— Тише там потому что, — крикнул рогатый парень в ответ. — Чтоб к вам сразу всякие другие не полезли... Ну, как с земным вышло.

— А насколько далеко... В смысле, как далеко от этой большой сферы можно удалиться?

Незнакомец, вновь остановившись, повернулся к ним.

— Не понял... Как это, 'насколько далеко'? Не насколько... на бесконечность то есть. Я бы на вашем месте вообще в другой район переехал.

— Что? — изумился Адама. — И другие районы есть?

— Конечно! Этот у нас небольшой, а там... — парень показал куда-то влево. — Такие просторы, аж дух захватывает... Дальше другие Срединные Домены, сами разберетесь... Да! Меня к себе можете позвать, как освоитесь. На должность бога, а? У меня опыт есть.

— Так он не один? — крикнула Ли.

— Кто?

— Домен этот! Срединный!

Тут смуглая девица хрипло рассмеялась, а парень прокричал:

— Один? Ты сдурела, подруга? Ха! А можете еще в Сверхдомен выйти. Но на тот уровень не всех пускают...

Девица что-то сказала спутнику, парень вдруг захохотал, подхватил ее на руки — она засучила ногами и, хихикая, ухватила его за рога. Не опуская девицу, он пошел дальше и быстро исчез в струящемся над дорогой молочном свете.

Ли и Адама еще некоторое время стояли у борта, глядя вслед, а потом он спросил:

— Слушай, а можно я буду называть тебя Лилит? Ты... мне кажется, тебе это имя больше идет.

Лилит не ответила, и тогда он взял ее за плечи, повернул к себе и наконец поцеловал.

Послесловие.
МИФОИНСТИНКТ или СЕТЬ КАК КОНЕЦ ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ
(статья, написанная Тимерленом Стигматом по заказу журнала ‘Интернет и Фантастика’)

1. Физика

Ну что ж, начнем издалека — с эфира. Это понятие ввел человек по имени Аристотель; он полагал, что эфир заполняет собою вселенную и является некоей равномерно разлитой в пространстве средой, которая выступает основой всего материального и духовного.

Другой человек — его звали Исаак Ньютон — поначалу придерживался идеи всемирного эфира как среды, при помощи которой передаются различные силы (тяготение, к примеру).

Эфиром занимались и герметики-алхимики; у них он слился с мировой душой и стал чем-то вроде одушевленного пространства, своеобразного вселенского Соляриса.

В конце концов физика от идеи эфира отказалась... а теперь вот вернулась к ней опять.

Современным аналогом мирового эфира стал физический вакуум. Еще его называют континуальным (от слова ‘континуум’). Как и эфир, вакуум претендует на первооснову вселенной, базовую категорию реальности — это ‘содержательная пустота’.

Основные признаки континуального вакуума:

он не составной (то есть, не содержит в себе ничего, кроме самого себя):

имеет наименьшее количество признаков и свойств (в идеале — вообще не имеет никаких признаков);

имеет наибольшую общность (не обладает характеристиками частных, конкретных объектов);

является потенциально всем, а актуально ничем (то есть одновременно остается ненаблюдаемым и является основой для всего сущего — ‘потенциальным бытием’);

не имеет никаких мер (это, собственно, и означает быть континуальным объектом)[1].

Как видим, в самом факте исследования физического вакуума заложен парадокс: это попытка выявить признаки объекта, в принципе признаками не обладающего... Но отсутствие всяких признаков — тоже своеобразный признак.

Континуальный вакуум — мировой эфир — не воспринимается ни органами чувств, ни приборами. Наглядно представить его себе трудно: попробуйте вообразить нечто, что непрерывно, не имеет составных частей — даже атомов, даже элементарных частиц — бесконечно, не является ничем и одновременно несет в себе все...

В структуре мироздания ‘ближе’ к мировому эфиру находятся поля, ‘дальше’ — вещественный (дискретный) мир. Полей много,

но в данной статье мы будем говорить о поле Максвелла и недавно изобретенном (открытом? созданном? можно ли говорить о том, что открыв его, физики одновременно его и создали?) — так вот, о недавно явленном нам физиками унитронном поле (в которое, однако, большинство физиков не верят).

Поле Максвелла — это, по сути дела, электромагнитные волны. Одна из основных его характеристик — естественная дивергенция (грубо говоря, дивергенция — рассеивание) с одновременным ослаблением энергии. То есть энергия в естественном состоянии рассеивается и одновременно затухает (плотность поля уменьшается). Чтобы наглядно представить себе этот процесс, достаточно воспользоваться обычным газовым баллончиком. При нажатии из него выходит плотная, видимая невооруженным глазом струя газа, которая дальше расширяется, одновременно исчезая из вида (плотность газа уменьшается, его локализация увеличивается).

В отличие от поля Максвелла, унитронному полю свойственна конвергенция (так сказать, суживание, схождение). Плотность энергии в унитронном поле сама собой увеличивается. В тот момент, когда сужение и уплотнение достигают некоего предела, унитронное поле рождает электрон и позитрон, первые вещественные объекты вселенной. На этой границе и возникает вещественный мир (т.е. вещество — это дискретное [2], прерывистое дитя непрерывного унитронного поля).

Это уже несколько сложнее. Представьте себе горящую кучу влажных листьев. Над ней поднимается густой дым. А теперь попытайтесь вообразить, что дым над самой кучей — невидим, разрежен, и лишь выше он сам собой сгущается, стягивается к одному месту (локализация уменьшается), темнеет; в конце концов весь дым собирается в одной точке пространства размером со спичечную головку — и здесь становится настолько густым, что из газа превращается в твердый предмет. Очень условно это иллюстрирует процесс конвергенции в унитронном поле.

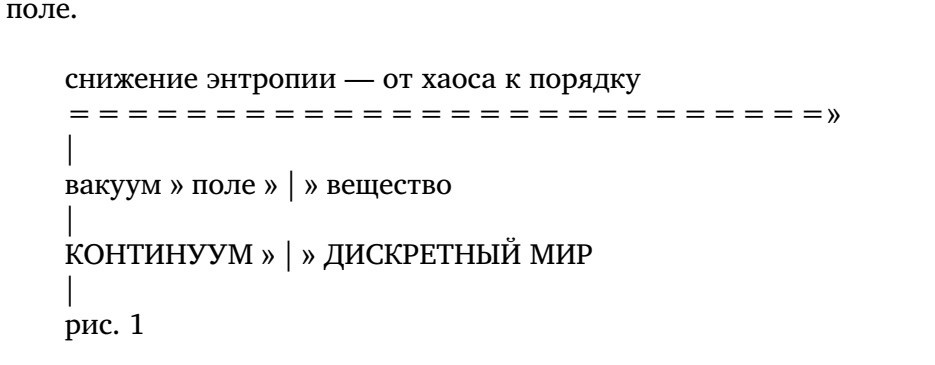

рис. 1

Схема упрощенная, так как в ней не показан обратный процесс: вещество > поле > континуальный вакуум. Это процесс т.н. деструктуризации вещества.

Поле Максвелла (электромагнитные волны), характеризуются дивергенцией, рассеиванием, при которой плотность энергии уменьшается — и одновременно происходит увеличение области пространства, им занимаемого. Дивергенция — естественный процесс, продолжающий деструктуризацию, ‘распадение’ вещества, который начинается еще на нижнем (то есть ‘нашем’) уровне.

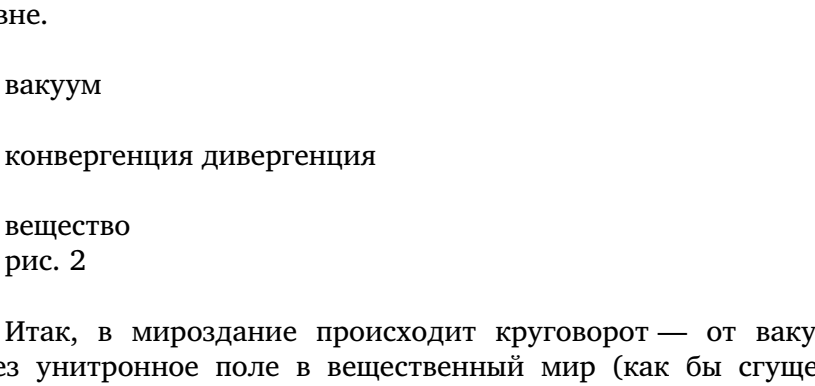

рис. 2

Итак, в мироздание происходит круговорот — от вакуума через унитронное поле в вещественный мир (как бы сгущение энергии в вещество) и оттуда через поле Максвелла обратно в вакуум (рассеивание вещества). Только и всего. Если приложить совсем небольшие мысленные усилия, все это можно довольно легко осознать и представить себе даже гуманитарию. А раз так, перейдем к психологии.

2. Психология

Человек по имени Карл Густав Юнг предложил различать в психологии сознательное и бессознательное. Последнее делится на коллективное бессознательное и личное бессознательное.

Личное Бессознательное содержит утраченные воспоминания, то есть забытое и вытесненное (намеренно забытое). Этот процесс можно определить как дивергенцию психической энергии, рассеивание (движение от более явленной формы, которую она имеет в нижней ‘сознательной’ психике, к более размытой, неявленной, которую она приобретает в личном бессознательном).

В коллективном же бессознательном заключены общечеловеческие образы. Такие ‘изначальные’ образы — это формы представления человечества, а не отдельного индивидуума. В некотором смысле такой образ является одновременно и чувством — и мыслью, он наделен отдаленным подобием самостоятельной жизни и неожиданно проявляет себя в самых разных философских, теологических и научных системах, в сказках народов мира, живших в разные времена и в разных землях.

Эти психические образования Юнг называл архетипами. Подобно вселенной, представляющей собою целостность ‘вакуум/поле/вещество’, вселенной, существующей благодаря круговороту, человеческая психика представляет собой общность сознательных и несознательных процессов и действует за счет круговорота психической энергии.

Архетипы — источник мифологии, религии, искусства. Первобытно-общинный человек был частью племени и частью природы, но уже оторвался от животной бессознательности (возникли субъектно-объектные отношения). Роль смягчающей подушки между индивидуальной психикой и мощью архетипов сначала взяло на себя мифотворчество, затем — религия и искусство. Истинное искусство, всегда устремленное к тайнам человеческой души, шлифует спутанные, тревожные изначальные образы, вместе с религией превращает их в символы. В коллективном бессознательном архетипы находятся в неявной, ‘потенциальной’ форме, а когда достигают нашего сознания в виде синхронностей, снов, видений, творческих озарений или страхов, то — в ментальном смысле — сгущаются, приобретают более явные символические черты. То есть конвергируют.

Коллективное бессознательное — структура малоорганизованная, но все же обладающая определенными

характеристиками. Позади нее (над ней) существует нечто, этих характеристик лишенное начисто: бесконечный, не составной, не обладающий мерами, лишенный признаков и свойств несознательный океан — Экстра (единая, неделимая, недискретная психо-энергетическая среда).

Если в упрощенном виде физическая модель выглядит так:

континуальный вакуум (Эфир)
||
унитронное поле
\\
поле Максвелла
||
дискретное вещество

рис. 3

...то психическая модель вот так:

несознательный океан (Экстра)
||
коллективное бессознательное
\\
личное бессознательное
||
сознательная мысленная деятельность (субъектно-объектные отношения)

рис. 4

Имеем некоторый дуализм:

континуальный вакуум :: несознательный океан
||
унитронное поле :: коллективное бессознательное
\\
поле Максвелла :: личное бессознательное
||
дискретное вещество :: сознательная мыследеятельность

рис. 5

В физической модели вселенский круговорот выглядит так:

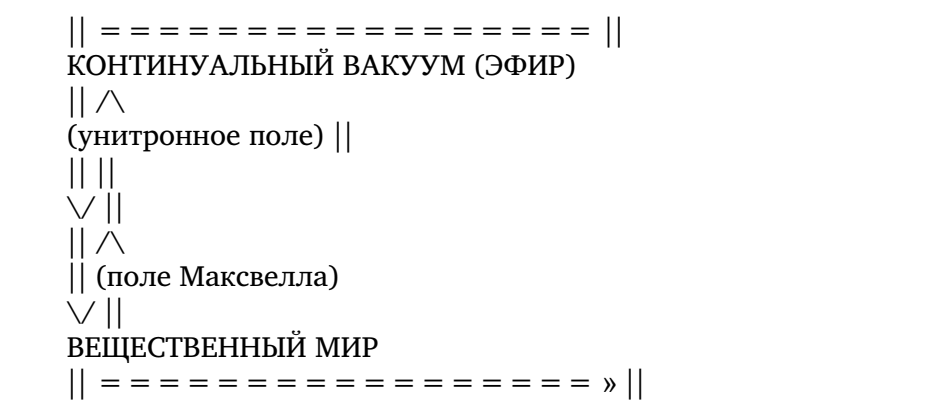

рис. 6

...а в психической его можно представить следующим образом:

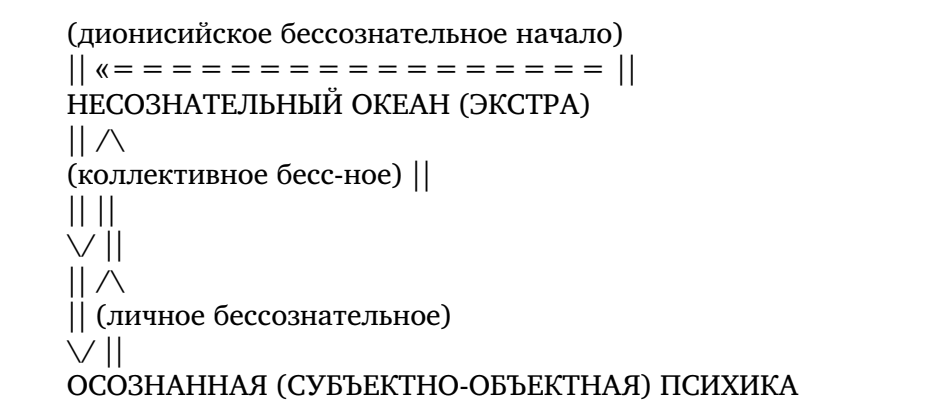
(дионисийское бессознательное начало)
|| «= = = = = = = = = = = = = = = = = = = ||
НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ОКЕАН (ЭКСТРА)
|| /\
(коллективное бесс-ное) ||
|| ||
\/ ||
|| /\
|| (личное бессознательное)
\/ ||
ОСОЗНАННАЯ (СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ) ПСИХИКА
|| = = = = = = = = = = = = = = = = = = = » ||
(аполлоническая рациональная структура)

рис. 7

(хотя в физической иерархии унитронное поле, условно говоря, находится несколько ‘выше’ (ближе к эфиру) поля Максвелла, но они непосредственно связаны между собой, — так же связано и коллективное бессознательное с личным бессознательным, то есть между ними следовало бы провести наклонную стрелку)

Направленная вверх стрелка справа (в физической модели — распад вещества и его возвращение в континуальный вакуум) обозначает вытеснение в личное бессознательное подавленных и забытых страхов и воспоминаний. В более общем смысле это если

не полностью соответствует, то, по крайней мере, некоторым образом напоминает дионисийскую [3] силу — развертывание, поток ощущений, идущий наружу (вверх) (к дионисийской иррациональности и после окончательного распада — бессознательности), разложение разумного в неразумное. Затем психическая энергия окончательно растворяется в Экстре, чтобы через коллективное бессознательное в виде компенсаторных процессов вернуться к человеку (в физической модели это соответствует образованию электрона из двух 'энергичных фотонов' — т.е. возникновению вещества), что представляет собой аполлоническую силу — свертывание в индивидуальность и рациональность, движение в сторону аполлонической сознательности.

Тут напрашивается сравнение с каббалистическими четырьмя мирами, в которые складываются сфироты (божественные эманации): мир реальности (Олам ха-Асия), мир творения (Олам ха-Йецира), мир творчества (Олам ха-Бриа) и мир эманаций (Олам ха-Азилут).

мир эманаций (вакуум, Экстра)

= = = =

конвергируют в нижний субъектно-объектный уровень психики. Между тем архетипы, по-видимому, сложились в головах первобытных людей при виде встающего солнца, бушующего океана, пожирающего лес огня — боги даны людям не сверху, но созданы самими людьми, и умирают, когда исчезает таинственная, необъяснимая и тревожная основа символа, когда огонь становится просто химической реакцией, а гибнущее каждый вечер и рождающееся каждое утро Солнце — просто звездой класса G-2, вокруг которой вращается планета. То есть архетипы — это некие матрицы, которые 'парят' в коллективном бессознательном; психическая энергия из Экстры струится вниз и, если попадает на архетипы, то, проходя через них, приобретает какую-то определенную форму.

Итак, Экстра. Единая, неделимая, недискретная среда, несознательный океан психической энергии с максимальной энтропией (хаосом). Под ней — коллективное бессознательное, структура несколько более упорядоченная (с меньшей энтропией), в которой 'обитают' архетипы (хотя можно сказать, что коллективное бессознательное во многом и состоит из архетипов, то есть архетипы — более сгущенные области бессознательного). Наиболее крупные, 'густые' архетипы — боги, более мелкие — ангелы и бесы. В коллективном бессознательном боги не являются разумными, то есть нельзя говорить о том, что они что-либо осознают (как не является разумным и архетип — это лишь представление). В коллективном бессознательном бог выступает в виде этакого развоплощенного облака, носителя неявных зачатков личной воли. Коллективное бессознательное мало структурировано, но все же, в отличие от Экстры, обладает определенными характеристиками. Ну вот, к примеру, для него характерно наличие архетипов, условно-злых (тревожных, жутких, пессимистичных) и условно-добрых (светлых, прекрасных, оптимистичных), а также 'нейтральных' психических сгустков. Дуализм коллективного бессознательного/личного бессознательного — это Адорай (где КБ — ближе к раю, а ЛБ — к аду). Сознание человека после смерти возвращается в Адорай, и лишь от самого сознания (самореализации и духовного совершенствования человека в течение 'реальной' жизни) зависит, воспримет ли оно его как ад — то есть останется в области личного бессознательного, окруженное подавленными комплексами и вытесненными страхами, — или как рай. После смерти тела одно субъективно-бесконечное 'остановившееся мгновение' сознание пребывает в Адорае, затем окончательно развоплощается и вливается в Экстру. (В этом смысле Иисус Христос — человеческое сознание, с которым по дороге из Экстры

в ‘реальный мир’ синхронизировался ‘живущий’ в коллективном бессознательном архетип бога, слился с ним — благодаря чему, обретя состояние субъектно-объектной психики (т.е. воплотившись в человеческом теле), это сознание идентифицировало себя (ощутило себя) ‘сыном божьим’.)

Таким образом мы вплотную подошли к истории и религии.

3. История и религия

Разные исследователи предлагали всевозможные модели истории человечества, мы используем ту, которая подразумевает деление истории на мифическую и линейную (прогрессивную). Мифовремя — круговое, время умирающих и возрождающихся героев и богов, время бесконечного повторения.

Линейное историческое время — время поступательного развития, последовательного ускорения прогресса.

В мифологические времена история представлялась людям цикличной, примером тому — египетский Осирис, утопленный в водах Нила и воскресший благодаря сыну, греческий Адонис и многие другие.

Стоики (конец 4 в. до в. э. — под ‘в.э.’ здесь и далее автор статьи подразумевает ‘вашу эру’) перенесли понятие цикличности на все мироздание — они полагали, что во вселенной периодически наступает ‘мировой пожар’, сменяющийся затем влажным периодом, когда созревают логосы (семена всего сущего), из которых вырастает новый космос, в точности как прежний, вплоть до мельчайших подробностей и повторяемости отдельных судеб. Мифоистория — это Вечная Идеальная История, ‘Вечное Возвращение’. Марк Аврелий говорил: ‘В некотором смысле человек, проживший сорок лет, если только он не лишен разума, видел все, что было и что будет, ибо все одно и то же’.

Психическая подготовка человечества к восприятию времени в новом линейном качестве произошла в т.н. ‘осевое время’ (примерно первое тысячелетие до в.э.), когда одновременно, но независимо друг от друга в трех странах — Китае, Индии и Греции — произошли коренные изменения во взглядах человека на самого себя и окружающий мир. Для современных людей те, кто жил до осевого времени, странностью многих своих поступков и устремлений напоминают скорее инопланетян.

Древнегреческий Бог Пан был символом единения, мирового ‘всеединства’. Возглас ‘Великий бог Пан умер!’ означал конец этого всеединства — начало эры Рыб и христианской эпохи, когда общее развитие человечества пошло по пути логического мышления и покорения внешнего мира. Время, которое идёт по кругу, замыкаясь на самое себя, где невозможен прогресс, — это время легенд и пророчеств, время до смерти Пана. После его кончины началось историческое время — время технологий. Распятие Христа было символом начала такого перехода.

Однако переход от мифического к историческому бытию — это не что-то резкое, ясно видимое, но процесс, значительно

растянутый во времени. Долгие столетия сознания людей еще несли в себе существенные черты мифологичности, сдвиги начались с развитием материалистического мировоззрения и естественных наук. Линейное время — не прямая, но наклонная линия, которая постепенно становится все круче и переходит в вертикальную. Христианство, хоть и строилось на ‘единичных’ событиях, зиждилось все же на возвращение Христа и соединении с богом; Иисус не был абсолютным началом, он был сыном уже существовавшего бога.

‘Мифологическое время’, ‘историческое время’ — это не просто определения, это прежде всего восприятие бытия человечеством. Сознательное и бессознательное глобальное понимание сущего, складывающееся из дискретных сознательных и несознательных восприятий всех индивидуумов, живущих в данный отрезок времени.

Русский философ Алексей Федорович Лосев писал про мифологическое сознание, что там мы ‘... находим полное равновесие между ‘внутренним’ и ‘внешним’, идеей и образом, ‘идеальным’ и ‘реальным’. В ‘образе’ нет ровно ничего такого, чего не было бы в ‘идее’. ‘Идея’ ничуть не более ‘обща’, чем ‘образ’; и ‘образ’ не есть нечто ‘частное’ в отношении идеи. (...) Символ есть самостоятельная действительность. Хотя это и есть встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя указать, где ‘идея’ и где ‘вещь’. Это, конечно, не значит, что в символе никак не различаются между собой ‘образ’ и ‘идея’. Они обязательно различаются, так как иначе символ не был бы выражением. Однако они различаются так, что видна и точка их абсолютного отождествления, видна сфера их отождествления’.

Мифологическое время являлось таковым прежде всего потому, что его так воспринимали. Влияние мифа было не только психологическим, но и социально-реальным, миф был явственной частью реальности, в котором жило сознание человечества. Это глобальное восприятие бытия — ‘душа человечества’. С переходом от мифологического к историческому времени постепенно сменилось восприятие сущего, изменилась душа мира.

Современное общество десимволизировано в том смысле, что теперь символ есть просто некий знак, вызывающий схожую реакцию, и реакция эта сформирована в ходе обучения, взаимным согласием людей, — символ лишь используют в процессе общения. Сейчас символ не отождествляется с тем, что он символизирует, его значение создается в результате договоренности. В мифологическом же сознании символ не играл

роль знака (заместителя, представителя), там не было разделения на обозначающий-обозначаемое. Он являлся одновременно и идеей — и событием (понятием, историей, личностью), которые собой знаменовал (именно на этом основано ‘гомеопатическое’[4] воздействие магии — когда шаман-вуду прокалывает иглой фигурку из воска и соломы, человек, которого эта фигурка символизирует, на самом деле ощущает боль). То же самое касается ритуалов и мифов. Мифологический человек не просто верил в миф, но жил в мифе, ритуал был не просто формой воздействия на окружающее — он и был окружающим. Зацикленное время не просто считалось зацикленным — оно и шло по кругу.

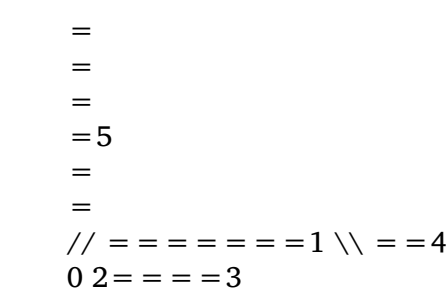

рис. 9

(0-2 — мифологическое время, на конец которого приходится ‘осевое время’(1-2) — изменение взгляда людей на самих себя и на окружающее, что стало подготовкой к началу исторического времени; 2 — смерть Пана — символ конца античности и мифологического времени; 3 — распятие Христа, символ начала ‘пологого’ периода исторического времени; 4 — схизма; 5 — 18-й век, начало прогресс в его теперешнем понимании; в 20-м веке линия становится вертикальной)

Первоначальная плавность перехода от мифовремени к линейному выражалась в том, что еще продолжал существовать — и, главное, влиять на многие умы — герметизм. Первый удар по нему был нанесен разделением церкви на католическую и православную (схизмой) 1054 года и, как следствие, окончательным оформлением церковной догмы, которая подразумевала не только то, что принимается за безусловную истинность, но и то, чему в истинности отказано (одним из таких ‘отказников’ и стал герметизм). Однако, вплоть до 17-го в. герметизм оказывал значительное влияние на интеллектуалов. Собрание герметических сочинений, т.н. ‘Герметический корпус’, приписывалось живущему еще во времена Моисея Гермесу

Трисмегисту, который был не то египетским магом-мудрецом, не то жрецом в храме, не то персонификацией бога Гермеса… а, возможно, всеми этими личностями одновременно.

Однако в 1614 году швейцарский ученый Исаак Казабон путем лингвистического анализа определил, что тексты герметического Корпуса были написаны не ранее 1-го в. в.э. (позднее установили, что они относятся в 300 г. в.э.), т.е. уже в христианскую эпоху. Это привело к тому, что официальная церковь, признав в герметизме конкурента, отринула его окончательно. Наука впоследствии стала противостоять религии (в понимании большинства людей наука и религия — это разные полюса мироощущения, миропонимания и миропознания). Если бы не Казабон, герметизм внутри церкви мог бы занять место науки, стать, так сказать, ее научным отделом.

Что если бы официальная церковь не отвергла герметизм? Наука, а за ней и технология, формировалась бы в общем религиозном русле. Развивалась бы астрология (аналог физики космоса) и алхимия (аналог химии и физики элементарных частиц). Когда герметизм оказался под запретом, алхимия с астрологией потеряли свое значение; в умах многих они стали псевдонауками.

Принципиальное отличие наук естественного материализма от герметических наук состоит в том, что астрология с алхимией изначально связывали физическое мир с духовным. Если принять, что мифо- и естествознание составляют две половины коллективной человеческой души, то герметические науки пытались совместить мифологическую и научную стороны, а современные физика и химия — нет. Но что если бы герметизм не был подзабыт и ‘научная магия’ продолжала бы развиваться? Конечно, были бы открыты те же самые законы, что открыты сейчас, но человечество имело бы религиозную науку, которую даже, возможно, стали бы официально называть магией, а не наукой. Ученые в сутанах, ускорители элементарных частиц в монастырях, конфессии корпускулярников и волновиков, силовое аполлоническое поле и дионисийские боеголовки…

Однако — имеем то, что имеем. Постепенное ‘расколдовывание’ мира, Реформацию, Просвещение и материалистическое естествознание. Закономерное следствие развития западной цивилизации — овладение миром с помощью науки и техники — и постепенный упадок символического знания (обнищание заложенной еще в дохристовые времена мифо-половины общечеловеческой души), в результате — мировые войны 20-го века.

Итак, коллективная душа складывалась из двух частей,

мифической и материалистической, и мифическая часть стала не то отмирать, не то приобретать путано-бесовские, уродливые черты. Со временем пропасть углубилась, религия уже не могла помочь человеку совместить миф и материализм. Кризис религиозных систем сопровождался массой невротических явлений — нарушилась круговорот энергии.

В этом проявился бессознательный, коллективный ‘мифоинстинкт’, присущий всей человеческой расе. (Инстинкт мы понимаем как влечение или импульс, побуждающий животное стремиться к определенной цели. Дарвин полагал, что инстинкты не обязательно направлены на поиск удовольствия и стремление избегнуть боли. Он пришел к выводу: ‘вероятно, что инстинкты являются простой наследственной силой, не стимулированной ни удовольствием, ни болью’. Инстинктом смерти долго занимался доктор по имени Зигмунд Фрейд. В работе ‘По ту сторону принципа удовольствия’ Фрейд выдвинул концепцию, что целью всей жизни является не удовлетворение фундаментальных биологических потребностей в выживании, а смерть. ‘Поиск смерти’ по Фрейду зиждется на биологическом механизме организма, стремлении снизить нервное возбуждение до минимума. Смерть полностью снимает всякое внутреннее напряжение, и, таким образом, все органические формы жизни стремятся к смерти.)

Коллективный мифоинстинкт — заложенное в коллективном сознании стремление к возвращению в ‘мифологическое’ время, ко сну разума, снятию напряжения все более ускоряющегося прогресса.

Общий поток истории состоит из множества отдельных потоков и круговоротов, свитых вместе. Со временем автономность отдельных этносов и культур (цивилизаций) уменьшается. В условиях современной глобальной коммуникативности история — при том, несомненно, что народы во многом сохраняют свою самобытность, — приобретает черты всеобщности; из клубка дискретных цивилизаций человечество постепенно становится единой цивилизацией, в которой одни народы находятся, так сказать, на острие прогресса, другие — на его периферии, и лишь некоторые племена (пигмеи, эскимосы, отдельные африканские народности, австралийские аборигены) совершенно (или почти совершенно) из прогресса исключены.

Цикличность не есть вечная закольцованность. Подобно тому как повторяющийся цикл рождения-воспроизводства-смерти сопровождает постепенные мутационные изменения и приводит к возникновению новых видов животных, подобно этому на круговороте культурных циклов катится вперед телега эволюции.

Английский историк Арнольд Тойнби (1888-1975) полагал, что история человечества состоит из множества самобытных, дискретных цивилизаций, которые проходят по цепочке возникновение-рост-разлом-распад. Из почвы умерших цивилизаций произрастают новые — либо приемники, либо просто занявшие то же географическое положение. Хотя не все цивилизации проходят полный цикл, некоторые могут умереть раньше времени, надолго задержаться в развитии или застыть (эскимосская, к примеру). По Тойнби, главная движущая сила цивилизации — творческое меньшинство, неординарные творческие личности (под ними не следует понимать только поэтов, художников или писателей — это и политики, мыслители, изобретатели — авангард, элита, 'духовная аристократия', 'пассионарные личности' по определению Л.Н. Гумилева).

В 'осевое время' стараниями Гомера, Гераклита, Платона, Конфуция, Заратустры, Будды и других зародились философия и этика в том смысле, как их понимают сейчас. Однако новые идеи остаются мертвыми, если они не стали достоянием масс — пусть даже в упрощенном, декларативном виде. Ни Платону в Сиракузах, ни Конфуцию при дворе Вэй не удалось добиться всего того, чего они хотели добиться, но их идеи дали всходы. Проявившие пассионарность (творческую страсть) мыслители 'осевого времени' были предтечами творческих меньшинств, возникающих в ядрах различных цивилизаций времени линейного.

Они активизируют этнос, вдохновляют своими устремлениями нетворческое большинство. Механизм этого вдохновления — подражание. По мере развития цивилизации отношения между творческим меньшинством и подражающим ему нетворческим большинством становится все менее тесным и органичным, слои общества разделяются, так как кризис заложен в самом принципе подражания. Ведь подражание является приобщением лишь на первый взгляд, в действительности оно чуждо творчеству и в конце концов оборачивается полным выключением из него. Творчество инициативно, а подражание не ведет к переходу на качественно новые уровни, к созданию новых образов, новой информации — оно лишь копирует, в результате притупляя, атрофируя чувство нового, уникального. В результате подражание уничтожает органическое единство общества, социальная среда не пропускает новые творческие импульсы от меньшинства к большинству. Она перестает быть проводником, происходит отчуждение меньшинства от большинства.

В благополучном, достигшем высокого уровня материальной жизни государстве просвещенный и образованный народ

доставляет лишнее беспокойство власть предержащим и примкнувшим к ним пассионарным личностям. Легче править косной, не отягощенной излишним образованием массой (резкое понижение уровня среднего образования в США было, помимо прочего, ответом на наркотико-сексуально-культурную революцию 60-70 годов — власть, грубо говоря, испугалась излишней (на ее взгляд) духовной раскрепощенности народа). Недостаточное образование и культурное развитие — это своеобразный сон разума, в который погружают пассионарные личности обывателей.

По Тойнби, авангард цивилизации в конце концов привыкает к своей новой роли и адаптируется в застывшей среде, что приводит к замедлению, а после и исчезновению творческого роста. Меньшинство само становится жертвой подражания — начинает подражать самому себе, эксплуатировать, вновь и вновь повторять давно найденные приемы, идеи, образы, метафоры, причем зачастую пытается оправдаться в собственных глазах, выдавая подобное подражание за движение вперед, за новое в культуре. Что, собственно говоря, и произошло сейчас с русскоязычной фантастикой — вся пассионарность изошла на тиражи, бывшие пассионарии эксплуатируют идеи, обсосанные их западными коллегами лет этак тридцать назад (фразу про литературу меня попросили добавить в редакции сетевого фантастического журнала, чтобы как-то связать тему статьи с его профилем). Со снижением авторитета лидеры творческого меньшинства борются путем подкрепления своей элитарности силой. Силовые методы превращают творческое меньшинство в правящее меньшинство. Именно это и свидетельствует о начале распада цивилизации.

При этом разделение мировой души по-разному проявляется у двух групп. ‘Мифологическая’ составляющая души — искусство — в творческом меньшинстве вырождается окончательно, превращается в самоповтор и в конце концов полностью девальвирует. Оторванный от мифа, от морали и нравственности, научно-технический прогресс продолжает расти — технологии до определенного момента наращиваются.

Нетворческое большинство пользуется техническими благами, одновременно страшась каждого следующего дня, способного принести небывалые потрясения и кризисы. Мифологическая составляющая души большинства выливается в ‘мифоинстинкт’, желание вернуться в безопасность мифологического времени, ко сну, в котором каждый последующий день не несет в себе потенциальных техногенных катастроф (прогресс, который вызывал столько оптимизма еще

сто лет назад, теперь не в моде, зато примитивный оккультизм и мистицизм процветают). Научно-технический прогресс, форсируемый все дальше творческим меньшинством, наталкивается на неприятие большинства. При этом оно не противится снижению уровня своего образования — дураку покойнее, чем умному.

Поначалу в отношении творческого меньшинства к нетворческому большинству присутствует альтруизм: пассионарии искренне хотят материально улучшить и духовно облагородить жизнь остальных (к альтруизму этому, однако, примешиваются и более эгоистические чувства — признание большинством идей пассионариев будет одновременно и признанием их передовой роли, их талантливости и элитарности). В дальнейшем, когда меньшинство приобретает власть, его лидерам уже не нужно духовное развитие большинства, им кажется, что ‘излишняя’ духовность будет только мешать и что вполне достаточно прогресса лишь материальной стороны жизни.

Вернемся к Тойнби, который предполагал, что творческое меньшинство станет властным меньшинством — то есть захватит власть, после чего попытается создать для большинства идеальное государство. Такое государство в конце концов будет сметено варварами из соседних областей, менее цивилизованными народностями, которые ‘облучались’ энергией достигшей пика и умирающей цивилизации (‘варварские отряды’ в определении Тойнби). В свете теперешнего развития цифровых технологий стоит говорить не о государстве, а о максимально интерактивной ‘идеальной среде обитания’, которую, с помощью достижений технологии, создаст властное меньшинство для большинства обывателей. Но это уже футурология.

4. Футурология

В отличие от литературы, где нужно интерпретировать графические значки в образы, телевидение дает готовый поток визуальной и звуковой информации, пользователю остается лишь потреблять их, зачастую практически без переработки, без личных психических усилий. В перспективе максимальную интерактивность способны дать компьютерные технологии и Интернет. Сеть находится на границе вещественного и психического, соединяет их. Она одновременно и вещественна, это электронное образование (то есть, условно говоря, существующее на том уровне, где находятся электроны), и в тоже время состоит лишь из продуктов психической деятельности, сгенерированной людьми информации. Граница между сознательным и несознательным, между унитронным и электромагнитным, между вещественным миром / личным бессознательным — и коллективным бессознательным / континуальным вакуумом. Интернет, созданный просто как электронная структура для передачи информации, станет для нетворческого большинства точкой перехода в новое кольцо мифологического времени. Это не будет власть бездушных машин, показанный в фильмах и книгах бунт роботов, — но интерактивная мифологическая среда, созданная потерявшим творческие способности властным меньшинством для нетворческого большинства.

Если спираль времен складывается из колец мифовремени, короткого перехода от одного кольца к другому — времени прогресса, ‘исторического времени’, — и нового кольца, то сейчас человечество все стремительнее подкатывается к нему. Сеть — это оцифрованная точка перехода от короткого исторического времени к новому многотысячелетнему кольцу времени мифического. Через телеграф, радио, кино и телевидение люди пришли к компьютерам и Интернету. Подсознательное стремление вернуться в сонное спокойствие мифа материализовалось в виде Сети — как вершина технологии, она возникла в конце исторического времени. Пока что компьютерные технологии и Интернет еще совсем молоды, однако уже сейчас они способны предоставить куда большую интерактивную связь чем, допустим, литература и театр. ‘Виртуальные костюмы’ для погружения в сгенерированные людьми миры (игры) уже появились, в дальнейшем разработают способ погружения непосредственно сознанием пользователя — это станет венцом технологии и очередным сном разума, максимальной

интерактивностью, полным проникновением в ‘синтетический миф’, искусственно созданное подобие тех ‘естественных мифов’, в которых обитали люди мифологического времени.

Кто владеет информацией — тот владеет миром. В недалеком будущем это будет интерпретировано так: кто владеет Сетью — тот создает мир. В ‘максимальной интерактивности’ можно жить, она тождественна жизни — в той мере, в какой в сознании людей мифологического времени символ был тождественен тому, что это символ означал. Конечно, это процесс не одного дня — но каждый новый вид искусства развивается быстрее тех, что возникли до него, и компьютерные игры в смысле совершенствования как самого контента, так и инструментов для его создания, всего за двадцать лет прошли путь не меньший, чем кино за весь двадцатый век и литература за предыдущие пять веков.

Прогресс, пока еще стремительный, завершится: человечество застынет и на тысячелетия попадет в очередное закольцованное время — но уже в мифическое время на другом уровне, когда большинство людей будет «спать» в синтетических мифах Сети. Возникнет не одна, а три цифровые империи — американская, европейская и азиатская. История разделится, большая часть обывателей заснет в мифовремени, властное меньшинство будет поддерживать прогресс, оставаясь во времени линейном.

В осевое время косная, инертная масса была для пассионарных личностей той почвой, в которую (в том числе и через власть предержащих) они пытались заложить свои идеи. Теперь пассионарные личности сами стали власть предержащими — лишившись, однако, большей части своей пассионарности, своей творческой страсти. В искусственном мифе управлять массой будет куда легче, чем в реальном времени, в этом смысле управляемый миф — самое лучшее место для глупых обывателей. Человечество разделится на спящих в электронных подземельях ‘безответных морлоков’ и на ‘злых элоев’, поддерживающих для них синтетическую реальность. Творческая деятельность меньшинства сведется к бесконечному комбинированию старых достижений и испытании этих комбинаций на спящих сознаниях обывателей, прогресс замедлится — элои, сами того не ведая, так же очутятся в мифологическом времени, однако протекающем как бы на другом, уровне реальности, чем закольцованное синтетическое время морлоков.

Эти два параллельно идущих круговорота будут длиться, пока пришедшие извне варвары одну за другой не сметут ‘цифровые империи’. Они придут не с Земли. Развитые

технологии позволят элоям контролировать всю ее поверхность и уничтожать в зародыше любые попытки восстания. Варварами станут те, кто до появления империй и в процессе их становления успел поселиться в орбитальных жилых комплексах или в колониях-куполах на ближайших к Земле планетах или Луне. После окончательного становления цифровых империй Земля прекратит поддерживать свои колонии, в условиях жесткой борьбы за выживание там воцарятся суровые нравы, сравнимые с нравами времен освоения Дикого Запада, с той разницей, что поскольку дело будет проходить в существенно других физических условиях, психология варваров, когда они наконец вернутся на Землю, будет отличаться от привычной нам человеческой. (Помимо прочего, на психику и физиологию существ будущего сильно повлияет ослабление магнитного поля Земли, которое защищает людей от космических излучений — с 1670 года, когда его впервые измерили, оно упало примерно на 15%.) Элоев уничтожат, как и часть спящих морлоков, оставшиеся, насильственно извлеченные из синтетического электронного мифа, станут рабами. На планете воцарится техногенное варварство — большие кланы бывших переселенцев, обладающих машинами космического века и сформированной в жестких условиях фронтирной борьбы за выживание специфической моралью, станут вести бесконечные войны друг с другом.

Это не станет концом мифического времени и переходом в линейное — планета будет кружиться все в том же мифокольце. Мифическое время вообще длится куда дольше линейного, несколько десятков тысяч лет, в отличие от двух-трех сотен веков прогрессивной истории. Что произойдет после очередного кольца, неизвестно, однако так же, как в конце предыдущего мифовремени изменилась психика человека, так же психика (да и физиология) тех, кто будет обитать к концу следующего мифовремени, качественно изменится: они уже не будут людьми в нашем понимании, скорее некими странными существами, отдаленными нашими потомками, к людям имеющие отношения не более, чем киборг Терминатор имеет отношение к шумерскому Гильгамешу.

Коль скоро человечеству в любом случае предстоит вновь заснуть, возможно, стоит ускорить этот процесс, не ждать возникновения оцифрованной мифологической среды, искусственно приблизить мифологическое время и, соответственно, новый скачок времени линейного?

В электронно-информационном смысле произнести все имена какого-нибудь бога — значит ввести пароль, который пропустит

этого бога обратно в дискретный мир (то есть — конвергировать, призвать архетип), открыть для него ‘око души’, прореху в Сети — дорогу из коллективного бессознательного в нижний уровень, субъектно-объектную психику.

Со смертью великого бога Пана человечество стало отделяться от несознательного, а ведь нормальная, ‘хорошая’ психика представляет собой целостность, это саморегулирующаяся система, в которой происходит постоянный обмен энергией между двумя элементами, сознательным и бессознательным (мифологичсекой и материалистической половинами коллективной человеческой души).

Естественная материалистическая наука не может дать человечеству спасения, потому что в свое время она потеряла то единство духовного/материального, которым обладали герметические науки. На этом пути процесс осмысления и переработки бытия пошел по пути дробления, специализации, утраты универсальных целей и знаний. Путь к спасению лежит через объединение эзотерических и естественнонаучных аспектов — и он, этот единственный путь, заключается в воссоздании старого символа новыми средствами.

В СМИ было много информации о том, что недавно под пластом древнего льда в Антарктиде обнаружили озеро глубиной в пять километров. Жидкость в озере была изолирована от остального мира, в необычном водоеме сохранились уникальные условия. Озеро состоит из ‘первобытного бульона’, того самого, который составлял первичный океан, целиком заполнявший нашу планету — того, из которого зародилась жизнь. Бурение шурфа от поверхности к озеру затруднено фреоном, который вырабатывается при таких работах. Ученые опасаются, что он нарушит экологию водоема. Однако проникновение к озеру — лишь вопрос времени.

Второй аспект спасения — так называемые ‘распределенные вычисления’, про которые легко найти информацию в Интернете (и самому поучаствовать в них) (см. http://distributed.ru/). Суть РВ заключается в следующем: всевозможные институты и научные центры, чьих собственных компьютерных мощностей не хватает для их нужд, предлагают использовать домашние компьютеры для вычисления своих задач (ведь обычно домашний компьютер загружен на 10-20 %). Это как бы предтеча одной большой операционной системы, распределенной на компьютерах по всей планете. Пользователю нужно лишь зарегистрироваться, скачать клиент-программу и загрузить ее необходимыми данными. После этого программа работает в фоновом режиме, как и сотни компьютеров других ‘рядовых пользователей’, участвующих в

таком же проекте. Периодически программа отправляет обработанные данные на сервер заказчика. Таким образом сейчас уже осуществляются поиски лекарства от рака, СПИДа, прогнозирование изменений мирового климата, поиск новых простых чисел Мерсенна. При помощи объектно-ориентированного языка программирования ODL (сын давно существующего языка IDL, о котором можно найти информацию в Интернете) планируется вычислить имена одного бога — я предлагаю вам поучаствовать именно в этой программе.

Про ODL необходимо сказать несколько слов. Это не просто язык программирования, но инструмент для описания любого объекта. Имеется в виду, что если при помощи ODL описать, допустим, розу, то полученный набор символов будет не просто описывать розу, но как бы быть ею, то есть содержать в себе все свойства цветка — и даже пахнуть розой. В предлагаемой мною программе каждое найденное имя (или модуль с заданным именем), транслируемое через ODL, будет нести в себе определенное свойство объекта, его атрибут. В результате возникнет пространство имен. То есть когда посредством распределенных вычислений будут найдены все имена, возникшее в результате их слияния пространство имен будет нести в себе описание всех свойств объекта. Коль скоро имена, прошедшие через ODL, уже не просто описывают атрибуты объекта, но несут их в себе — значит, их совокупность будет не только описывать весь объект, не просто являться его цифровым символом, но станет полностью тождественным ему, то есть, по сути, будет являться им (также, как символ в умах людей мифологического времени был тождествен явлению, которое этот символ обозначал).

Когда программа распределенных вычислений Поиск Имен завершится, компьютер, на жестком диске которого будут сохранены все имена, планируется доставить к антарктическому озеру. При помощи специального динамика на гибком проводе, опущенного в воды озера, будут озвучены имена — то есть, произнесены с целью призвать архетип. В результате из первичного бульона озера восстанет великий бог Пан — его архетип вновь материализуется, разрушит Сеть, и человечество впадет в новый виток мифологического времени.

Данное решение проблемы представляется изящным еще и потому, что таким образом мы покончим с Интернетом при помощи самого Интернета. Кажется, это единственная польза, которую можно почерпнуть из него сейчас.

notes

Примечания

1

Само слово континуум (от лат. continuum — непрерывное) имеет несколько значений в математике и философии. В общем случае это — непрерывно-протяженное образование.

2

Дискретность (от латинского discretus — разделенный, прерывистый) — прерывность; противопоставляется непрерывности.

3

В интерпретации Ницше Аполлон — выражение покоя и порядка (минимум энтропии), Дионис — его противоположность (энтропия максимальна).

4

От ‘гомология’ — идентичность.